

Об авторах



**Анатолий Исаакович Цветков** — участник Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 год. Закончил войну в Берлине. Командовал взводом, ротой, был начальником штаба отдельного батальона. Ранен и контужен. Имеет государственные награды.

Доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный сотрудник органов госбезопасности, действительный член академии Военных наук и академии экономической безопасности. В настоящее время на преподавательской работе.

Член Союза писателей и Союза журналистов Российской Федерации. Автор книг «За победу», «Эхо войны», «Память о войне», «Бог диверсий», «Русский диверсант Илья Старинов», «На переднем крае защиты Отечества», «Забывтый полководец».



**Владимир Иванович Суродин** — ветеран Службы внешней разведки. Выпускник контрразведывательного факультета Высшей Краснознаменной школы КГБ СССР им. Ф.Э.Дзержинского. По окончании обучения работал в Управлении КГБ по городу Ленинграду и Ленинградской области. Выпускник КУОС 1975 года.

Альпинист и аквалангист, автогонщик и горнолыжник, страстный шахматист и бильярдист — вот неполный перечень его увлечений.

Активный участник ветеранских организаций органов безопасности, Председатель Попечительского совета Фонда содействия ветеранам спецназа госбезопасности "КУОС-Вымпел" имени Героя Советского Союза Г.И. Бояринова.

Член Союза писателей России. Лауреат золотой Есенинской медали. Академик Российской академии словесности. Автор книг «Спецназ госбезопасности», «Дороги, встречи, судьбы...» и «Мгновения, сложенные в годы».

**Вся жизнь — атака**

**Анатолий Цветков  
Владимир Суродин**



**Анатолий Цветков**

**Владимир Суродин**

*Вся жизнь —*  
**АТАКА**

**Анатолий Цветков**

**Владимир Суродин**

*Вся жизнь —*  
**АТАКА**

*Посвящается*

*65-летию Победы в Великой Отечественной войне*

**Москва-2010**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
Ц274

*Авторы выражают благодарность  
Фонду «КУОС-Вымпел» им. Героя Советского Союза Г.И.Бояринова  
и особую благодарность сыновьям Григория Ивановича Бояринова —  
Игорю Григорьевичу и Андрею Григорьевичу  
за помощь в подготовке и издании этой книги*

**Цветков А.И., Суродин В.И.**

Ц274 **Вся жизнь — атака.** — М.: Граница, 2010. — 248 с., ил.  
ISBN 978-5-9933-0051-1

В книге на основе документальных материалов и личных наблюдений авторов раскрывается жизненный путь Героя Советского Союза полковника Григория Ивановича Бояринова — активного участника Великой Отечественной войны, создателя легендарных Спецкурсов КГБ СССР по подготовке командиров групп специального назначения для действий в глубоком тылу противника (КУОС), одного из руководителей и активного участника операции «Шторм-333» в Кабуле в декабре 1979 года. В ней также воздается должное делам друзей и соратников Григория Ивановича, продолжателям славных боевых традиций защитников Отечества.

УДК 82-3  
ББК 84-4

ISBN 978-5-9933-0051-1

© Цветков А.И, Суродин В.И, 2010  
© Издательская группа «Граница», 2010

Подвиг, совершенный полковником Григорием Ивановичем Бояриновым во имя безопасности нашей любимой Родины, будет всегда служить вдохновляющим примером для всех советских чекистов.

*Председатель КГБ СССР  
Ю. Андропов*



Герой Советского Союза полковник Григорий Иванович Бояринов

## Предисловие



Перед Вами, уважаемый читатель, книга о пограничнике, чекисте, ученом, современнике советской героической и одновременно трагической эпохи, участнике Великой Отечественной войны и боевых действий в Афганистане Г.И.Бояринове. Название книги оправдано и символично: «*Вся жизнь — атака*».

Григорию Ивановичу, как и множеству сотрудников органов безопасности страны, довелось штурмовать жизненные высоты, преодолевать различные трудности, но он всегда был стойким и мужественным в своем стремлении к победе. Содержание повести является тому ярким подтверждением. Это захватывающий рассказ о том, как в российской глубинке, на священной Смоленской земле, в суровых условиях крестьянской жизни рос, вырос, мужал трудолюбивый и любознательный юноша Григорий Бояринов. В поисках лучшей жизни его родители были вынуждены покинуть родные края и уехать на Украину, где Григорий окончил среднюю школу.

В книге рассказывается, как в предвоенные годы Бояринов поступил в офицерское училище и постигал премудрости военной науки, готовясь защищать любимую Родину, сражаться за нее. В грозном 1941 году он, девятнадцатилетний командир минометного взвода, героически сражался с фашистами под Ленинградом, был ранен, награжден орденом Боевого Красного Знамени.

В 1942 году, после ранения, круто изменилась его фронтовая судьба: Григорий Иванович получил назначение в пограничные войска СССР, где освоил основы чекистского мастерства, агентурно-оперативной работы. Ему довелось выполнять специальные задания в глубоком тылу противника, участвовать в создании партизанских отрядов, разоблачать гитлеровскую агентуру и диверсантов.

О целеустремленности Григория Ивановича свидетельствует и то, что в послевоенный период он окончил Военный институт погранвойск, адъюнктуру военной Академии имени М.В.Фрунзе, защитил кандидатскую диссертацию по тематике ведения партизанской войны.

Главные страницы биографии талантливого чекиста Г.И.Бояринова связаны с созданием Спецкурсов КГБ СССР (зашифрованное наименование — Курсы усовершенствования офицерского состава КУОС) и руководством ими.

Георгий Бояринов всю жизнь учился, перенимая опыт у известных сотрудников органов безопасности, в числе которых легендарный «солдат XX столетия», ветеран четырех войн Илья Григорьевич Старинов, руководитель нелегальной разведки страны и создатель отрядов советского спецназа Юрий Иванович Дроздов, знаменитый Герой России Алексей Николаевич Ботян и др.

А.Н.Ботян был одним из кураторов КУОС. Г.Бояринов часто рассказывал курсантам о подвиге Ботяна в годы войны, когда прославленному разведчику удалось взорвать здание местного гестаповского комиссариата в городе Овруче (Украина). Под его руинами нашли смерть более 60 гитлеровцев, которые прибыли проводить карательные операции против украинских партизан. На подобных примерах Григорий Иванович учил оперативников-спецназовцев тому, что успех любой боевой операции в тылу противника зависит от тщательно проведенной разведки, виртуозного агентурного проникновения в логово противника.

Вместе с первым начальником Спецкурсов полковником Харитоном Игнатьевичем Болотовым Бояринов разработал программу по диверсионной подготовке разведчиков-спецна-

зовцев. Здесь пригодился опыт И.Г.Старинова периодов испанских событий и Отечественной войны. Советский военный советник Старинов в составе испанского партизанского отряда взорвал железнодорожный тоннель при помощи «схватывающей» мины, изготовленной им самим (в годы Отечественной войны Старинов изобрел десятки мин-ловушек). Тяжелый грузовой состав с двойной тягой зацепил «схватывающую мину», сделанную из старой автомобильной покрышки, и поволок в тоннель. Эшелон с боеприпасами и боевой техникой взорвался в тоннеле и горел в течение нескольких суток. Исходя из подобного опыта разрабатывались учебные пособия КУОС по проведению диверсий без проникновения на объекты противника.

На страницах книги описываются боевые операции и настоящие подвиги многих учеников и соратников Г.Бояринова, офицеров госбезопасности советского периода А.Т.Голубева, Я.Ф.Семенова, В.Ф.Карпущина, Э.Г.Козлова, П.И.Нищева, С.А.Голова, Б.А.Плешкунова, М.М.Романова, А.А.Набокова, В.П.Васильева, А.А.Иващенко, А.А.Золотарева, И.А.Дзедзюли, А.Т.Рябинина и многих других.

Хорошо известно, как мужественно проявили себя в Афганистане командиры отряда спецназначения «Карпаты» в составе спецгруппы «Каскад», состоявшей из кадровых офицеров разведки и контрразведки КГБ Украинской ССР, прошедших подготовку на КУОС.

По службе я лично знал многих «афганцев» — сотрудников КГБ Украины; в наши дни часто встречаюсь с прославленными куосовцами. Могу с полным основанием утверждать, что каждый из них оставил и оставит свой добрый след на нашей Земле.

Авторы книги о своих коллегах-куосовцах справедливо заметили: «Какие удивительные люди! Какие яркие биографии!».

Воспитанным на героических подвигах дедов и отцов, высоких идеалах патриотизма и интернационализма, советским спецназовцам достались нелегкие судьбы — их часто бросали в пекло международных вооруженных конфликтов,

направляли в «горячие» точки планеты — от Афганистана до Анголы. Много интересного может узнать читатель из этой книги: описание взятия юным лейтенантом Бояриновым одной из высот на Северо-Западном фронте, его участия в операции «Шторм-333» в Кабуле и др.

Начальник КУОС, 57-летний полковник Г.Бояринов — человек долга, офицерской доблести и чести — был в первых рядах штурмующих дворец Тадж-Бек вместе со своими учениками — спецназовцами боевых групп «Зенит» и «Гром».

27 декабря 1979 года Григорий Иванович ушел на последнее в своей жизни спецзадание. Его жизнь оборвалась в одном мгновении атаки. Память о нем сохранится на века.

Нельзя не сказать несколько слов об авторах книги. А.И.Цветков и В.И.Суродин — чекисты одного поколения, которые плечом к плечу трудились рядом с Г.Бояриновым.

А.И.Цветков — ровесник героя повествования, участник Великой Отечественной войны, внесший немалую лепту в создание легендарного КУОСа; В.И.Суродин — воспитанник российского спецназа, контрразведчик и разведчик, председатель Попечительского совета Фонда содействия ветеранам спецназа госбезопасности «КУОС-Вымпел» имени Героя Советского Союза Г.И.Бояринова.

Эта правдивая документальная повесть является подтверждением ярких традиций мужества, дружбы и товарищества чекистов-спецназовцев, их преданности родному Отечеству. Думается, что в канун 65-летия Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне книга будет с интересом встречена читательской аудиторией, интересующейся героическим прошлым нашего народа.

Председатель КГБ УССР (1987–1991),  
министр безопасности РФ (1993),  
директор ФСБ РФ (1993–1994)  
генерал-полковник **Н.М.ГОЛУШКО**

## *Глава I*

# Мужание

Смоленская земля! Сколько воспоминаний она порождает в душе каждого россиянина. Здесь не раз получали отпор тевтонские рыцари, польские и литовские захватчики. На полях и в лесах Смоленщины насмерть сражались с татарскими ханами и французскими завоевателями русские воины. Здесь в начале Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков родилась советская гвардия. Отсюда она продолжила победоносный путь к логову гитлеровцев — Берлину. В этом многострадальном краю выросли такие замечательные люди, как Михаил Глинка и Александр Твардовский, Юрий Гагарин и Михаил Исаковский, Павел Курочкин и Михаил Егоров.

На самом юге смоленской земли, в деревне Сукромля Ершичского района, родился 15 ноября 1922 года и провел детство сын георгиевского кавалера Первой мировой войны Ивана Лукьяновича Бояринова — Григорий. В семье И.Л.Бояринова было трое сыновей: Григорий, Михаил и Владимир. Григорий был старшим. Несмотря на житейские трудности, росли они дружно, в любви и почитании своих родителей, которые практически всю свою жизнь трудились в колхозе. Гриша был веселым и пытливым мальчиком. Он настойчиво старался выяснить у старших многочисленные трудности окружающей жизни, верховодил в ребячьих играх и забавах. Учился Гриша прилежно, любил много читать. Писал грамотно, без ошибок. Сумел выработать четкий каллиграфический почерк, который ему очень пригодился в жизни. Увлекался он и математикой. Не раз выходил победителем на школьных олимпиадах. Это ему затем пригодилось

лось в военном училище при освоении теории стрельбы и многочисленных расчетах.

Гриша охотно помогал родителям по хозяйству. Многому его научил отец Иван Лукьянович, рачительный хозяин, будущий председатель колхоза. Он ему втолковывал азы букваря, в освоении которого сын делал заметные успехи, научил плавать, запрягать лошадь, пахать, колоть дрова. Сын успешно постигал родительские уроки и стремился заслужить от отца похвалу. Особенно трудно давалось поначалу Грише запрягать лошадь — кобылу Агашку. Он никак не мог из-за маленького роста надеть на нее хомут. Тогда он подводил ее к крыльцу и таким образом справлялся с этой премудростью. Не давалась сразу мальчонке и колка дров. Он никак не мог сразу широко расставить ноги, как учил отец, замахнуться топором и нанести удар в середину полена. Со временем все стало на свои места, и в семье появился настоящий помощник.

Затем Иван Лукьянович научил сына столярному ремеслу, с которым хорошо справлялся сам, и у Гриши на всю жизнь сохранилось умение мастерить что-то из дерева. Приходя в лес, он за несколько минут делал свирельку-свисток, с помощью которой было легко подражать звуку птиц, или вырезал из дерева разные предметы — игрушки для братьев.

Иван Лукьянович по характеру был весьма общительным, любознательным, любил подшутить. Наставлял сына без лишних нравоучений, смотрел на него с хитринкой, воспитывал строго, но мягко, упирая на понимание и сознательность, не перебарщивая с наказаниями, так как и сам был человеком нрава мягкого. В деревне был человеком авторитетным — и в германскую повоевал, вернувшись с Георгием, и в гражданскую. Когда дошло до коллективизации, выбрали его сельчане председателем, и тянул он это хозяйство, решая многочисленные хозяйственные вопросы. Любил повозиться с пчелами и всегда держал небольшую пасеку. На здоровье Иван Лукьянович не жаловался, хотя временами мучила его астма после того, как глотнул хлора на фронте от немца. Из сына растил помощника, опору, и тот все больше ожидания оправдывал.

Свою «кровушку» и старательного помощника очень любила его мать — Вера Ивановна, — которая не чаяла в нем души и всегда старалась чем-то отметить свою материнскую любовь. Гришенька всегда ходил у нее ухоженным и в меру возможностей накормленным ребенком, который очень любил «драники» — блины из картофеля, которые были всегда почитаемы на Смоленщине и особенно в соседней Белоруссии.

Когда Грише перепало в уличных потасовках со сверстниками, он всегда искал защиту именно у матери. К отцу он всегда относился с должным уважением, но и побаивался. Тот не любил, когда сын уступал кому-либо в единоборстве. А мать жалела своего любимца, успокаивала, как могла. Более того, она, будучи сама глубоко верующим человеком, приучала Гришу искать в первую очередь помощь у Бога, благо икона с изображением Христа висела в углу избы, да и самому впредь не плошать. Хотя Гриша, несмотря на старательные рассказы матери о Боге, слабо представлял себе религию как она есть, но он умел креститься и старался это делать в положенных случаях, хотя бы из-за любви и уважения к матери. Правда, впоследствии Григорий Иванович об этом вспоминал с улыбкой, но считал, что соблюдение религиозных обрядов не только не мешало ему, но и помогло с надеждой смотреть в будущее.

Вера Ивановна очень любила своего помощника — Гришу. Она была человеком цельным и с чистой душой, но твердым характером, всегда готовая прийти на помощь людям. Порядок в доме держался на ней. Так случилось, что еще в далекой юности, когда ей еще не было 16 лет, она по неосторожности сломала себе руку. Перелом был сложный, и, несмотря на помощь врачей, рука в течение долгого времени никак не срасталась. В один прекрасный день Вера собрала котомку и ушла в самую глубину Брянских лесов, где в полуразвалившейся избушке жила древняя старушка — знахарка, которая владела знанием целебных трав, их необыкновенной силы и с их помощью умела врачевать. Слава о ней и ее способностях ходила далеко в тех краях. За свою долгую

жизнь она оказала помощь и помогла справиться с болезнями многим людям.

Вера прожила у нее несколько месяцев и вернулась в деревню совершенно здоровой, да еще с умением врачевать с помощью трав, знание о которых и все имевшиеся у нее секреты передала Вере на закате своей жизни старая знахарка, которая сама почувствовала и познала кристальную чистоту души девочки, твердость характера, ее доброту и любовь к людям, готовность прийти на помощь. Вера Ивановна навсегда сохранила переданные ей старой знахаркой знания врачевания с помощью трав и не раз приходила на помощь окружающим ее людям, пользовалась везде, где бы она ни жила, доброй славой. Любила природу и не боялась леса. Умение любить и понимать лес заботливо передавала сыну.

Намного позднее, когда старший сын погиб, а ей было более 90 лет, предпочитала жить одна в деревне, несмотря на попытки сыновей забрать ее. До последнего дня сохраняла ясность мысли, обладала уникальной памятью, что передано и сыну. А когда хоронили ее саму на Украине — 95-летнюю, то по округе собралось столько людей — как на демонстрацию. Многим помогла, никогда ни о чем не просила, а люди ей сами помогали — от души. На похоронах у Григория Ивановича в Москве увидела слезы на глазах у среднего сына Миши, посмотрела неласково исподлобья, сама сгорбленная, все лицо в морщинах, лишь глаза смотрят колко и тихо, но твердо сказала: «А ну, не смей!»

Также и с внуками — и Игоря, и Андрюшу, сыновей Григория Ивановича, решила крестить и крестила, никто и перечить не пытался.

Сын же всю жизнь отвечал матери большой ответной любовью, всегда между ними была неразрывная связь. Регулярно писал письма, позднее приезжал каждый год, хоть ненадолго. А после его гибели, когда встал вопрос о пенсии и для нее от Григория Ивановича, то нашли уже его сыновья в потаенном месте большую кипу квитанций о переводе денег, аккуратно скрепленных резиночками по месяцам и годам.

Всю жизнь Григорий Иванович из месяца в месяц посылал маме деньги, никому ничего не говорил — просто посылал, а квитанции складывал, вот они-то игодились при назначении пенсии для Веры Ивановны — не пришлось доказывать, что была она на иждивении у старшего сына. С квитанциями все было очевидно, он и после своей смерти о ней подумал...

А в детстве Гриши она своим примером и любовью навсегда закрепила в сыне особо бережное отношение и уважение к женщине.

Дети всегда и везде есть дети. Не был исключением из этого правила Гриша, который был заводилой местной детворы. Особенно увлекались деревенские ребята игрой в «красных» и «белых», навеянной еще недавно отшумевшей гражданской войной и особенно после просмотра кинофильма братьев Васильевых «Чапаев», который в деревне показывала районная кинопередвижка. Особенно удавались Грише и его друзьям налеты на «противника».

Как-то Гриша спросил у отца, за что он получил Георгиевский крест, тот хранил его трепетно, очень гордился им и частенько показывал сыну. Ответ был достаточно прост: «За спасение товарища». Затем Иван Лукьянович поведал сыну историю, которая приключилась с ним в далеких полесских лесах под Луцком (Украина) в Первую мировую войну. Служил Иван Лукьянович в ту пору во взводе пешей разведки пехотного полка. Как-то под вечер разведчики получили задание проникнуть в тыл немцев и захватить «языка». Под покровом ночи они скрытно преодолели передний край и вскоре оказались в районе расположения какой-то немецкой части. Чтобы выманить немцев из блиндажей, было решено перерезать телефонный кабель и вынудить их направиться на осмотр линии. План разведчиков удался. Вскоре двое немцев покинули блиндаж и направились вдоль кабеля. Иван Лукьянович ударом приклада свалил одного немца, а другого захватили его товарищи. Но тут случилось непредвиденное. Немцы, почуяв неладное, направили на осмотр кабеля

еще несколько солдат. Завязалась перестрелка, в ходе которой был ранен в обе ноги товарищ Ивана Лукьяновича — Алексей Меньшов. Иван Лукьянович взвалил его на себя и, отстреливаясь, направился вслед за товарищами. Вскоре перестрелка прекратилась, и разведчики достигли расположения своих войск. «Словом, сынок, — заканчивая рассказ, сказал Иван Лукьянович, — сам погибай, а товарища выручай».

Рассказ отца глубоко запал в Гришину душу, особенно его концовка. И судьба распорядилась так, что в ближайшую зиму уже Грише пришлось проявить себя на верность старому солдатскому правилу.

А дело было так. Протекавшая через деревню небольшая речушка Вороница замерзла рано — уже в начале ноября. Первыми решили попробовать прочность льда деревенские мальчишки и среди них белобрысый крепыш Егор Стахов. Надев коньки, он быстро покатил к середине речушки, но вдруг лед под ним провалился — и он очутился в воде. Егор стал звать товарищей на помощь и, отчаянно карабкаясь, пытался вырваться из полыни. Первым откликнулся на зов товарища Гриша. Он быстро схватил березовый шест с примерзшей у берега лодки и не побежал, а пополз по хрупкому льду к тонущему товарищу. Метр за метром, упрямо полз вперед Гриша, проталкивая вперед шест, и все ближе приближался к Егору. Оставались последние метры и, казалось, Жорик будет спасен. Но неожиданно он, видимо, нахлебавшись воды, исчез в воде. Сердце Гриши зацемило. Неужели его старания оказались напрасными и его друг навсегда ушел под лед? Он еще решительнее двинулся вперед, и, о чудо, Егор появился из воды и ухватился за протянутый ему шест.

«Держись, друг!» — только и сумел сказать Гриша и последним усилием дернул шест на себя. Подоспели другие ребята, и Егор вскоре был на берегу. Сидя на земле, Гриша еще долго смотрел вслед своему спасенному товарищу, которого несли к избе ребята, и перед ним возникал образ отца, который под огнем немцев вынес из боя тяжелораненого друга на далекой уже войне.

Так год за годом рос и мужал жизнерадостный мальчишка из глубинки смоленской земли. Семья увеличилась и помимо своих обычных забот Гриша все больше занимался братьями — средним Мишей и младшим Володей. Теперь уж он, как старший, передавал им умения и учил уму-разуму. В деревне звали их Лукьянчики. Жили очень дружно, стояли друг за дружку, все больше Гриша на правах старшего. Был он в ту пору уже очень самостоятельным, общительным, охотно помогал и соседям и немалочисленной родне — и братьям отца, и сестре матери. Однако времена были непростые, голодные. И пришлось семье покинуть родные края и отправиться в поисках лучшей жизни в соседнюю Украину, под город Мелитополь.

Здесь Григорий сумел познать премудрости украинского языка, познакомиться с приветливыми соседями, приобрести новых друзей, проникнуться дружбой и уважением к братьям по крови.

На новом месте пришлось нелегко — школа была далеко, километров семь туда да столько же обратно. Вставал рано, затемно и шел в школу — и в дождь, и в снег. Учился по-прежнему хорошо, вот только украинский поначалу давался тяжело. Шел по дороге да повторял украинские слова, дело пошло. Такова была его тяга к знаниям, которая осталась у него на всю жизнь, так выработывался его характер и твердость духа.

Так и закончил успешно десятилетку и, поддавшись настроению большинства своих сверстников — идти защищать Отечество, — подал заявление в военкомат с просьбой направить его в пехотное военное училище (так советовал ему отец — пехотинец Первой мировой). К этому времени подросток Миша и уже был готов помогать родителям по хозяйству, а Грише настала пора получать путевку в жизнь.

Просьбу Григория удовлетворили, и он был направлен во 2-е Свердловское (ныне — Екатеринбургское) пехотное училище. В училище Григорию пришлось еще раз проходить медицинскую комиссию, результаты которой были малоутешительны. У него обнаружили плоскостопие. Для пехоты —

это смертный приговор. Встал вопрос об отчислении Григория из училища. Он обратился с рапортом на имя начальника училища оставить его в числе курсантов. Тот решил побеседовать с Григорием.

— На чем вы основываете свою просьбу? — спросил полковник.

— На моем желании сражаться за Родину и приобретенной физической закалке, — ответил юноша. — Ведь я в деревне привык ходить в день километров по двадцать.

— Но на войне совсем другое дело, — сказал начальник. Там нужно передвигаться с полной выкладкой, часто без сна и отдыха, — продолжал он.

— Обещаю справиться, — уверенно ответил Григорий.

— Ну, тогда в добрый путь, товарищ курсант, — напутствовал юношу начальник училища.

Григорий несказанно обрадовался и с усердием принялся «грызть» премудрость военных дисциплин. Учился он с интересом, исправно нес службу в нарядах, научился метко стрелять, бегать на лыжах, углубил знание немецкого языка.

Вскоре ему присвоили воинское звание «ефрейтор» и назначили заместителем командира отделения. Это был первый успех в его военной службе.

Время бежало быстро. Аудиторные занятия сменялись марш-бросками, групповые упражнения — стрелковыми тренировками. С февраля месяца училище перешло на ускоренный курс подготовки. Утром было 8 часов занятий под руководством преподавателя, а затем 4 часа самостоятельной работы. Так диктовали международная обстановка и близость схватки с немецкими фашистами.

Григорий заметно окреп, увлекся французской борьбой, «накачал» мышцы, приобрел настоящую военную выправку. Он с гордостью носил золотистую полоску ефрейтора на малиновой петлице с эмблемой пехоты — мишень с перекрещивающимися винтовками.

Однажды командир взвода старший лейтенант Пахомов, участник советско-финляндской войны, награжденный орденом Красной Звезды, спросил Григория:

— Товарищ Бояринов, что бы вы, прежде всего, сказали бойцам, принимая под свое командование взвод?

— Я сказал бы им, — спокойно ответил Григорий, — что отныне я и они — одна семья, и я готов делить вместе с ними все беды и радости ратной службы, а если надо — умереть за Родину.

— Зачем же так сразу — умереть, нужно еще успеть повоювать за Отечество, — успокоительно ответил Пахомов. Этот краткий разговор Григорий запомнил на всю жизнь.

Наступил 1941 год. Много бед и несчастий принес он народам Европы и Родине Григория — Советскому Союзу. Мутная волна фашизма захлестывала страну за страной и неумолимо приближалась к границам нашего Отечества. Встал вопрос о досрочном выпуске курсантов 2-го Свердловского пехотного училища. В конце июня 1941 года, перед самым началом войны, Григорий Бояринов окончил училище в звании младшего лейтенанта.

Неизгладимое впечатление произвели на Бояринова слова, сказанные на митинге в первый день Великой Отечественной войны комиссаром училища батальонным комиссаром Николаем Петровичем Мещеряковым:

— Дорогие друзья! Фашистская Германия без объявления войны, вероломно напала на нашу Родину. Началась жестокая схватка советского народа с самым коварным врагом — немецким фашизмом. Победить его можно только высоким воинским мастерством, помноженным на величие духа советских людей. Идите же вперед бесстрашно, бейте врага по-суворовски и побеждайте. Родина всегда будет с вами!

Эти слова надолго врезались в память младшего лейтенанта, которого эшелон вскоре мчал на Северо-Западный фронт, на защиту колыбели Октябрьской революции — города Ленинграда.

Много позднее, после войны, слушая 9 мая слова диктора перед минутой молчания, Григорий Иванович не стеснялся мужских слез — перед его глазами вставали образы таких же как он молодых ребят, стоявших с ним в день выпуска из училища в одном строю в одинаковых брезентовых сапогах, в

которых он прошагал первые горькие месяцы отступления. Он вспоминал, как спал на ходу, не останавливаясь, прямо в строю. Вспоминал жестокую бомбежку эшелона в районе Бологое еще до прибытия в прифронтовую полосу, варварский налет фашистской авиации на встречный эшелон с беженцами, где гибли дети, женщины, старики. Эта ужасная картина щемящей болью сжала сердце Григория и сделала его сразу старше, суровее, задумчивее.

Он говорил сыновьям, что в 1945 году после Победы он искал однокашников по училищу из своего выпуска — 1922 года рождения и нашел... всего троих, включая себя, доживших до этого светлого дня...

## Глава II

# С марша — в бой

По прибытии в 1016-й полк 288-й стрелковой дивизии младшего лейтенанта Г.И.Бояринова сразу назначили командиром минометного взвода одного из батальонов полка.

Именно так сложилось начало боевого пути Григория Ивановича. Конец лета, вся осень 1941 года и начало зимы 1942 года прошли в непрерывных боях с превосходящим противником, в боях за каждую пядь земли под непрерывными бомбежками, ударами артиллерии и атаками озверевшего противника. За эти дни, недели и месяцы Григорий, казалось, познал тяжесть всего: горечь поражений, отступления, гибель вновь приобретенных товарищей и друзей и самое главное — страшную ненависть к врагу, топчущему его родную землю, несущему страдания, боль и смерть советскому народу. Но самому младшему лейтенанту повезло — он даже ни разу не был тяжело ранен, хотя никогда не прятался за спинами своих товарищей и бойцов, а наоборот, всегда стремился быть впереди атакующих, в самом центре боя и порой даже идти на самопожертвование, выполняя приказы командования, поставленные перед ним.

Шла уже зима 1942 года. Гитлеровцы стремились любой ценой овладеть Ленинградом. Наше командование, прочно удерживая подступы к Ленинграду, стремилось ударами во фланг противника войсками Северо-Западного фронта ослабить натиск фашистов на город и стабилизировать положение. Важная роль в этих условиях отводилась 288-й стрелковой дивизии, в составе которой сражался Бояринов.

Судите сами. Третьи сутки 1016-й стрелковый полк вел бои под Ленинградом за улучшение позиций, а точнее за

высоту 142,6, которая господствовала над окружающей местностью. Ее не сумели осенью 1941 года удержать наши обескровленные части, и вот в феврале 1942 года бои за высоту возобновились с новой силой.

После короткой артиллерийской подготовки подразделения полка перешли в атаку. Глубокий снег, сильный минометный огонь фашистов сдерживали наших бойцов, но они шаг за шагом продвигались вперед. Наибольший успех выпал на долю 4-й стрелковой роты под командованием старшего лейтенанта Т. Жука и, в частности, на ее 1-й стрелковый взвод уже лейтенанта Бояринова. А он в это время, подобрав ручной пулемет раненого рядового Сивкова, бил по противнику короткими очередями.

Меня диск, он на миг оглянулся и увидел, как в небольшом овраге, у подножия высоты, занимал огневую позицию минометный расчет сержанта Семенова, единственно уцелевшего из минометного взвода батальона, которым еще совсем недавно командовал сам лейтенант.

«Живы, братцы», — мелькнуло в голове лейтенанта, и он вспомнил тот жаркий бой с фашистами, когда их батальону пришлось в течение нескольких дней отбивать ожесточенные атаки гитлеровцев под непрерывными бомбежками и артиллерийским огнем. Тогда его взвод сумел подавить несколько противотанковых орудий фашистов, 3 миномета и 4 станковых пулемета. Но это далось нелегко: погиб расчет сержанта Акимова, были ранены младший сержант Бойко, рядовые Струков и Алтабаев.

Тем временем его стрелки короткими перебежками приближались к вершине высоты, где засели гитлеровцы и, забросав их гранатами, с криками «Ура!» бросились на фашистов. Завязалась рукопашная, в которой командир взвода сумел одолеть двух гитлеровцев, а третьего прикончил ефрейтор Сычев, который вовремя подоспел на выручку своему командиру. В пылу схватки лейтенант не заметил, что с его лба стекает струйка крови — этот след оставил на его лице первый сраженный им фашист.

Но противник не стал мириться с потерей высоты и стал готовиться к контратаке.

Разгадав замысел фашистов, комбат капитан Крылов приказал ротам закрепиться на высоте и отразить возможную контратаку противника. В это время лейтенант Бояринов, эвакуировав раненых, велел подчиненным окопаться на северо-западных скатах высоты и подготовиться к новому бою, который предвещал быть нелегким: ведь из 23 бойцов взвода после штурма высоты в строю осталось лишь 15 человек.

Стрелки принялись за привычное солдатское дело — оборудование позиций, а их командир, наскоро перевязав рану, отправился к пулеметчикам. Лейтенант был доволен работой своих подчиненных: вскоре появились первые контуры окопа с площадками для ручных пулеметов и ячейками для стрелков.

Через некоторое время Бояринов заметил, что на опушке небольшой роци, в километре от высоты, стала накапливаться пехота и несколько танков противника. Доложив об этом командиру роты, лейтенант еще раз проверил готовность взвода к отражению контратаки.

Вскоре после удара авиации и огневого налета по высоте фашисты перешли в контратаку. Взвод встретил гитлеровцев дружным огнем ручных пулеметов, винтовок и автоматов, заговорила и наша артиллерия. Вот уже запылали головные машины противника, но остальные продолжали идти на высоту. Когда они подошли совсем близко к позиции взвода, по команде лейтенанта в них полетели противотанковые гранаты. Застыли еще несколько фашистских танков. Гитлеровская пехота залегла, а затем стала отходить. Но это было не все. За первой контратакой последовала вторая, но и она была успешна отбита.

День клонился к вечеру, когда гитлеровцы, после мощного удара авиации и огня артиллерии, перешли в третью контратаку. Вся земля вокруг позиции взвода лейтенанта Бояринова была перепахана бомбами, снарядами и минами. Казалось, что здесь не осталось ничего живого. Но когда фашисты вновь бросились на высоту, они были встречены прицельным огнем стрелков и артиллеристов. И все же несколько фашистских танков прорвались на наши позиции и стали

утюжить окопы стрелков. Прорвались два танка и к позиции взвода Бояринова. Один из них подбили наши артиллеристы, а второй... Второй поджег противотанковой гранатой сам лейтенант. И все же взводу не удалось избежать рукопашной с подвыпившими гитлеровцами. Бояринов пустил в ход пистолет, но предотвратить удар фашистского солдата прикладом ему не удалось. Все поплыло перед его глазами, но он быстро очнулся и взялся за ручной пулемет... Он не слышал шипенья вражеской мины, которая разорвалась неподалеку. Увидел только черно-красную вспышку и фигурки отчаянно дерущихся с фашистами его солдат. Дальше он ничего не помнил. Очнулся, уже лежа на носилках, в кузове трясущегося по фронтовой жердевке выдавшего вида газика, который вез его в медсанбат. Тяжелое осколочное ранение в голову, контузия, оставшийся навсегда шрам над правым глазом.

Эта была первая высота тогда девятнадцатилетнего лейтенанта Григория Бояринова, которую он сумел не только взять, но и удержать. Уже в госпитале он узнал, что за этот и предыдущий бой, когда он командовал минометчиками, он будет награжден высокой боевой наградой — орденом Красного Знамени.

После излечения Бояринова ждала не только награда, врученная ему 25 мая 1942 года, но и новое назначение — в 9-й пограничный полк НКВД по охране тыла Северо-Западного фронта, дислоцировавшийся под Вышним Волочком Калининской (ныне — Тверской) области. В задачу полка, входила организация бесперебойной связи и оказание специальной оперативной поддержки партизанским соединениям, действовавшим западнее Новгорода (ныне — Великого Новгорода). Осталось позади его первое боевое крещение в 1016-м стрелковом полку 288-й стрелковой дивизии. Здесь уже старший лейтенант Г.И.Бояринов, став сам снайпером, командовал фронтовой школой снайперов, готовил разведывательно-диверсионные подразделения и сам неоднократно возглавлял их, ежечасно рискуя жизнью отправляясь в глубокий тыл противника для выполнения

специальных заданий командования. Прошел по тылам противника десятки, если не сотни, километров. Участвовал в создании партизанских отрядов, проводил диверсии, вел разведку. Это была жизнь, полная опасностей, требующая полной самоотдачи, умения, храбрости и героизма.

Командир батальона майор Шалва Ясонович Чедия души не чаял в своем молодом подчиненном, и дружба между ними, выросшая в боях, видевшая смерть товарищей и друзей, осталась на всю как военную, так и послевоенную жизнь.

### Глава III

## Атака продолжается

Вскоре старший лейтенант Бояринов получил назначение на должность начальника резервной заставы — надежного средства командира батальона, которое он использовал в самые критические моменты. Не раз заставе приходилось участвовать в поисках и ликвидации фашистских агентов и диверсионно-разведывательных групп, а иногда совершать и вылазки в тыл фашистских войск, помогать нашим партизанам.

После напряженных боевых будней на передовой, специальных операций в глубоком тылу противника служба в полку по охране тыла казалась Бояринову непривычной. Не было непрерывных огневых налетов противника, коротких боевых схваток с его разведкой, пытающейся прощупать нашу оборону, и постоянного вгрызания пехоты в землю, которая хранила ее от излишних потерь. Всему этому боевому напряжению на смену пришла совершенно иная обстановка: круглосуточные дежурства личного состава на контрольно-пропускных пунктах, патрулирование, охрана командных пунктов, поиск и ликвидация диверсионно-разведывательных групп противника. Словом, боевая работа, но совсем иного рода, борьба с хитрым и коварным противником, которого можешь не видеть до момента столкновения с ним.

Задача его заставы — основного резерва командира — состояла в том, чтобы выполнять внезапно возникшие задачи, прежде всего по ликвидации шпионов и диверсантов в нашем тылу, а при необходимости и совершать выходы в тыл противника с целью ослабления его разведывательно-подрывных устремлений, захвата и обезвреживания наибо-

лее опасных диверсантов противника и предателей из числа лиц, совершивших государственную измену.

Здесь тоже требовалось известное воинское мастерство, а также умение быстро устанавливать контакты с местным населением, приобретать из его числа надежных помощников. Короче, необходимо было заново изучать и нового противника, и методы борьбы с ним.

На помощь ему пришли новые боевые товарищи: его заместитель старший лейтенант Андрей Иванович Свиридов, заместитель командира батальона майор Сергей Петрович Белов. Эти люди, каждый по-своему, учили вчерашнего пехотинца премудростям охраны тыла действующей армии, где важная роль, наряду с заградительной службой, отводилась агентурно-оперативной работе среди местного населения в нашем и вражеском тылу. Именно опираясь на постоянную помощь советских патриотов, наши воины по охране тыла сумели пресечь не одну разведывательно-подрывную акцию гитлеровских шпионов и диверсантов.

Особое внимание Бояринов уделял изучению поведения шпионов и диверсантов, которые стремились нанести удар по нашим войскам в наиболее уязвимых местах, посеять панику и неуверенность в нашем тылу. Григорий Иванович усердно штудировал приказы, различные руководства и памятки, служившие ему хорошим подспорьем в постижении чекистского мастерства. Он часто прибегал к помощи своих подчиненных, которые охотно делились с вчерашним пехотинцем своим опытом чекистской службы. Особенно он ценил советы своего заместителя Свиридова, который с боями прошел от западной границы до новгородских лесов.

— Однажды, в новогоднюю ночь, — рассказывал Бояринову Свиридов, — из штаба полка была получена информация, что в полосе 323-й стрелковой дивизии, обороняющейся на переднем крае, обнаружена лыжня, ведущая в наш тыл. Резервная застава была поднята по тревоге и на лыжах направлена на поиск неизвестных. Вскоре бойцы вышли на след, который вел к густому ельнику.

Приблизившись к нему, старший лейтенант Прокопенко, который тогда командовал заставой, решил по следу направить двоих бойцов, а основные силы послать в обход еловой рощи, примыкавшей к шоссеной дороге, по которой интенсивно перемещались боевая техника и грузы. Замысел начальника заставы был прост: блокировать опушку леса, не допустить выхода к дороге группы противника, а затем окружить и уничтожить ее. В заслон было выделено два отделения, в резерв — одно. Вскоре наблюдатели заметили несколько фигур в белых маскахалатах, которые появились на опушке ельника. Несомненно, это была та группа, по следу которой они шли. Диверсанты двигались смело, видимо, ничего не подозревая.

— А как развивались дальнейшие события? — нетерпеливо спросил Бояринов.

— Так вот, начальник заставы, подпустив ближе лазутчиков к рубежу блокирования, скомандовал: «Вы окружены, бросайте оружие!» В ответ диверсанты открыли бешеный автоматный огонь. Мы ответили тем же. Группа противника залегла. В это время Прокопенко приказал резерву — 3-му отделению — ударить по противнику во фланг. Диверсанты, не ожидавшие такого удара, пытались отойти по старому следу. Но их встретили дружным огнем бойцы Нехода и Соловьев, которые шли по следу противника. Вскоре все стихло. Результат столкновения: у противника — четверо убитых, двое раненых и четверо пленных, у нас — трое раненых, в том числе начальник заставы. И что интересно, все диверсанты были одеты в форму бойцов Красной Армии, имели соответствующие документы, рацию и взрывчатку.

В свою очередь заместитель начальника разведки полка Петр Николаевич Елисеев, не считаясь со временем, считал своим долгом приобщать Бояринова к азам агентурно-оперативной работы. Он говорил Григорию Ивановичу:

— Теперь, Гриша, ты чекист, человек, которому доверено работать не только с личным составом, но и другими людьми, делать из них своих надежных помощников, вместе идти на незримого противника.

Бояринов, услышав от старшего начальника слово «чекист», спросил, что оно означает. И Петру Николаевичу пришлось удовлетворить его любознательность. Он поведал ему о Чрезвычайной комиссии, учрежденной советской властью в конце 1917 года для борьбы с контрреволюцией и саботажем, о ее первом председателе, профессиональном революционере Феликсе Эдмундовиче Дзержинском, о боевых традициях отрядов ЧК, в том числе нынешних войск охраны тыла действующей армии.

Молодой старший лейтенант с благодарностью принимал уроки своих боевых товарищей и особенно гордился тем, что командир батальона часто называл резервную заставу своей гвардией. Это было высшей степенью доверия старшего начальника к своим подчиненным, которые не раз показывали образцы мужества и героизма, образцы честного служения Родине.

Командовать таким подразделением Бояринов считал большой честью. Поэтому старался не только учиться сам, но и учить своих подчиненных, которые уже имели определенный опыт борьбы со шпионами и диверсантами противника, но нуждались в каждодневной практике постижения чекистского искусства. В те немногие часы, которые можно было выкроить между выполнением боевых задач, личный состав резервной заставы упорно учился.

В короткий срок бойцы заставы сумели в совершенстве овладеть способами несения службы часовым, наблюдателем, дозорным, патрульным и конвойным. Более того, они стали уверенно действовать в составе подразделений при проведении засад и налетов, заслонов и поисковых групп.

Но особенного успеха достигла резервная заставка при проведении поисков шпионов и диверсантов. Правда, для этого потребовалась помощь штаба и командира батальона, которые оказали Бояринову необходимую помощь в организации и проведении тренировок, а затем и итогового занятия на местности. В результате заставка научилась вести поиск противника в блокированном районе, окружать его и вести преследование. При этом бойцы действовали с полной выкладкой, совершая многокилометровые марши.

Бойцы заставы гордились тем, что командир батальона доверяет им самые ответственные задания, а ими командует понюхавший порошу боевой командир с орденом Красного Знамени на груди.

Так день за днем росла боевая сплоченность этого небольшого коллектива, а вместе с ним и профессиональное мастерство Григория Ивановича. Теперь он мог говорить с начальниками и подчиненными на одном языке, понимать их с полуслова, четко выполнять все приказы и указания. А это немало. Когда имеешь дело с коллективом единомышленников, настоящих товарищей по оружию, тогда спорится дело, легче преодолеваются трудности, успешнее идет боевая работа.

Называется это состояние в боевой деятельности любого командира «становлением», «мужанием» и другими подобными словами. Но смысл их один — человек готов на высоком профессиональном уровне решать самые ответственные задачи, решать их эффективно, в короткий срок, с наименьшими потерями личного состава.

Не могло это остаться незамеченным командиром батальона. Он, командуя пограничной комендатурой, сейчас батальоном по охране тыла действующей армии, повидал в своей жизни немало молодых командиров, становление которых проходило по-разному. У одних через серию проб и ошибок, а у других, более способных и старательных, — через успехи в служебной деятельности, маленькие, но постоянные шажки и шаги вперед по пути совершенствования профессионального мастерства.

Наступило время, когда командир батальона с полным основанием мог доверить командиру резервной заставы самые сложные и ответственные задания. О некоторых из них любил впоследствии рассказывать своим друзьям Григорий Иванович.

Первое задание было связано с поиском и ликвидацией немецкой разведывательно-диверсионной группы в районе Замостье, Никулино в октябре 1942 года. После окружения нашей 2-й Ударной армии в районе Синявинских болот немецко-фашистское командование активизировало свою

разведывательно-подрывную деятельность в оперативном тылу наших войск. С этой целью оно усилило авиационную разведку и заброску в наш тыл шпионов и диверсантов.

Полученная в батальоне радиограмма была краткой и категоричной: «Немедленно примите меры к ликвидации диверсантов противника в районе Замостье, Никулино».

Командиру батальона было над чем задуматься. Линейные заставы были переведены на усиленный режим службы, резервов у них, по сути, не было. К тому же большая разбросанность подразделений батальона на значительном фронте не позволяла создать сколько-нибудь значительную группировку для уничтожения диверсантов противника. Оставалось рассчитывать на резервную заставу, штабные подразделения, а также на помощь тыловых частей армии, дислоцирующихся в районе предстоящей операции, которые на это время переподчинялись командиру батальона.

Замысел по ликвидации диверсионной группы противника у командира батальона созрел быстро. Он, тщательно оценив обстановку, решил провести поиск противника в блокированном районе, окружить и уничтожить его. Рубежи блокирования прикрыть заслонами из подразделений 12-го дорожного, 94-го мостового батальонов и 6-го батальона связи. Поисковые группы силою каждое до отделения сформировать из резервной заставы, взвода связи и комендантского взвода. В резерве иметь отделение резервной заставы. К поиску приступить немедленно.

Выслав представителей штаба батальона во взаимодействующие подразделения тыловых подразделений дивизии для передачи приказа на занятие рубежей блокирования, командир батальона вызвал Бояринова и приказал ему срочно создать группу поиска и выдвинуться на исходный рубеж.

Сбор заставы и штабных подразделений занял считанные минуты. Вскоре Бояринов, выслав вперед разведдозор, повел своих бойцов в район операции. Местность была лесисто-болотистой, использование автотранспорта исключалось, и заставе пришлось броском преодолеть расстояние в 15 километров.

Двигались быстро. Часа через полтора добрались до деревни Замостье, на восточной окраине которой был намечен исходный рубеж. Под прикрытием дозорных, развернувшись в цепь, стали выдвигаться на него. Левее Бояринов увидел, как, спешившись с автомашин, на рубеж блокирования стали выходить заслоны взаимодействующих подразделений, а вскоре на заставу прибыл командир батальона, который решил организовать свой КП за боевым порядком подразделений поиска. Это подбодрило Бояринова. Теперь он мог при осложнении обстановки рассчитывать на помощь старшего начальника, его советы.

Неожиданно впереди раздались выстрелы, и Бояринов увидел, как к дороге, ведущей в Никулино, устремились несколько диверсантов. Они стремились прорваться на стыке заслона и заставы, чтобы пробиться в лес западнее Замостья. Бояринов приказал левофланговому отделению прижать противника огнем, а затем атаковать его. Поняв, что пробиться в лес не удастся, диверсанты, отстреливаясь, стали отходить в лесной массив, откуда они недавно появились.

Вскоре застава организованно заняла исходное положение и по команде командира батальона начала осмотр местности или, говоря жаргонным языком, «прочесывание». Бойцы двигались осторожно, внимательно осматривая не только складки местности, но и деревья, на которых могли затаиться диверсанты. Правофланговая поисковая группа, перед которой лес был редкий, продвигалась более успешно. Бояринов приказал ей сбавить темп, чтобы в боевом порядке не появилась брешь. Это предостережение не оказалось лишним. Действительно, в этом районе возникла внезапная стрельба и, как позже выяснилось, группа из нескольких диверсантов пыталась прорваться через боевой порядок поисковых подразделений, но огнем наших бойцов была отброшена в глубь лесного массива. В центре, где находился Бояринов, были обнаружены и уничтожены два диверсанта, прятавшиеся на деревьях. У одного из них была захвачена топографическая карта с какими-то пометками, которая тут же была направлена посыльным командиру батальона.

Но, пожалуй, кульминационным моментом действий наших поисковых групп был их выход к лесной сторожке, где диверсанты решили дать нашим бойцам настоящий бой. Первым подошло к избушке отделение сержанта Гужавина и было обстреляно сильным автоматным огнем. Бойцы залегли. Бояринов изменил направление поиска левофлангового отделения и приказал ему, сблизившись с противником, забросать его гранатами. Командир батальона, контролировавший здесь обстановку, одобрил решение начальника заставы и дополнительно приказал ему поджечь сторожку. Усилия поисковых групп оказались успешными. С избушкой было покончено, а трое вырвавшихся из нее диверсантов были захвачены в плен. Еще через час поисковые группы достигли конечного рубежа и соединились с заслоном. Операция была успешно завершена. Диверсионно-разведывательная группа противника перестала существовать. Было уничтожено 10 диверсантов и пятеро захвачено в плен. Нашими трофеями стали 12 автоматов, ручной пулемет, радиостанция и 8 кг взрывчатки.

Это было первое боевое крещение бывшего пехотинца Бояринова в новой роли командира чекистского подразделения в борьбе с противником совершенно другого плана, который постоянно старается нанести удар по нашим войскам из-за угла, в спину. И надо сказать, крещение было успешным. На разборе операции командир батальона отметил уверенные действия молодого чекиста и похвалил его.

Но, пожалуй, пиком успехов начальника резервной заставы был его рейд в тыл противника по указанию Военного совета фронта. Дело было так. В январе 1943 года по информации партизан, действовавших на оккупированной территории Псковской и Новгородской областей, большую угрозу для них представлял, наряду с полевым гестапо, некий Гурьянов, в прошлом учитель одной из сельских школ. Было решено захватить изменника, доставить его в расположение наших войск и заставить публично раскаяться в содеянном. Операция по захвату Гурьянова была поручена оперативной группе батальона Белова при содействии партизан бригады Карицкого.

Командир батальона, получив задачу, испытывал некоторые затруднения в подборе и формировании оперативной группы, но в конце концов решил, что выполнить ее наиболее успешно сможет застава Бояринова, усиленная работниками особого отдела. Командир и его бойцы были обстрелянные люди, побывавшие не в одних боевых переделках, хорошо знающие здешние места и население.

Идея решения командира батальона состояла в том, чтобы, изучив в деталях поведение Гурьянова, его связи, наклонности, устроить на пути его следования засаду и внезапно напасть на него. Затем, скрытно преодолев передний край, вывести его в расположение наших войск. Осуществить первую часть замысла поручалось партизанам, а вторую — оперативной группе.

Началась длительная и кропотливая подготовка операции. Командир батальона вместе с представителями партизан углубились в изучение Гурьянова, а Бояринов — в детали силовых действий его подчиненных по захвату изменника.

В результате было установлено, что Гурьянов всегда передвигается под усиленной охраной местных полицейских. И только лишь визиты к своей любовнице, проживающей в деревне Новинка, совершает в сопровождении шофера и личного охранника. Это уязвимое звено в поведении Гурьянова и решила использовать наша оперативная группа, превратив дом любовницы в своеобразную ловушку для изменника. Партизаны даже сумели подробно описать внутреннее устройство дома любовницы Гурьянова, что очень пригодилось группе Бояринова: на специально подобранном объекте заранее были отработаны способы захвата Гурьянова. Были также согласованы вопросы перехода оперативной группы в тыл противника через передний край, где в ту зиму были значительные промежутки между боевыми подразделениями противника.

Наконец, все было готово, и оперативная группа с наступлением темноты, в ночь под Рождество, на лыжах двинулась на выполнение задания. Мастерски действовали партизанские проводники. Они умело обходили населенные пункты,

занятые гитлеровцами, и, наконец, после почти 30-километрового марша вывели чекистов в исходное положение в лесу, в двух километрах восточнее деревни Новинки, где, предположительно, в эту ночь должен был находиться Гурьянов.

Вскоре партизанская разведка и высланный с ней пограничник Гужавин сообщили, что машина Гурьянова стоит у избы, а он сам находится в доме. Там же, видимо, находились шофер и охранник. Это, несомненно, осложняло дело. Тогда Бояринов решил выманить под благовидным предлогом пособников из дома, обезвредить их, а затем уже захватить Гурьянова. В качестве предлога был избран стук в окно на кухне дома. Разбуженные стуком шофер и охранник выбежали из дома, чтобы узнать, в чем дело, но тут же были схвачены пограничниками. Когда Бояринов с группой захвата проникли в дом, они увидели безмятежно спящего в постели Гурьянова с его любовницей. Вынув из-под подушки пистолет изменника, Бояринов скомандовал:

- Встать, руки вверх!
- Это что еще? — спросонья спросил изменник.
- Вы арестованы, Гурьянов.

Заставив Гурьянова стать на лыжи, оперативная группа двинулась в обратный путь. Поскольку ночь была на исходе, решили устроить в большом лесном массиве дневку, а передний край перейти уже в другом, заранее разведанном месте.

Воспользовавшись передышкой, оперативные работники вместе с командиром группы допросили Гурьянова и подробно запротоколировали его показания. Из его рассказа вырисовалась в деталях вся история его падения. Сын зажиточного крестьянина, раскулаченного во время коллективизации, окончил педагогический институт и работал учителем начальных классов в одном из сел на Новгородчине. С началом войны был призван в армию. Во время боев на подступах к Даугавпилсу дезертировал с оружием из части и направился вслед за гитлеровцами в родимые места. Здесь, быстро найдя язык с оккупантами, пошел служить полицаем. Участвовал в многочисленных карательных акциях против местных партизан, жестоко расправлялся с местными жите-

лями, которых подозревал в нелояльном отношении к фашистам. Словом, у него руки были по локоть в крови. И для нашего командования было небезынтересно, чтобы такой предатель публично раскаялся в содеянном и призвал других полицейав отказаться от своей деятельности и переходить к партизанам.

Когда оперативная группа благополучно вышла в расположение наших войск, Гурьянов был направлен в распоряжение командования фронта, где он обратился с письмом к своим сподвижникам с призывом порвать со своим прошлым. Письмо в виде листовки с подписью Гурьянова было распространено на оккупированной территории и возымело свое действие. Десятки бывших полицейав перешли на сторону партизан.

Командир батальона, довольный успешным выполнением задания подчиненными, перед строем оперативной группы объявил ее личному составу благодарность, на что чекисты дружно ответили: «Служим Советскому Союзу!».

С каждым днем командир батальона все больше убеждался в незаурядных командирских и моральных качествах старшего лейтенанта Бояринова, и перед ним встал вопрос: не попробовать ли выдвинуть его на должность заместителя начальника штаба батальона? Посоветовался с начальником штаба майором Прохоровым, своими заместителями по политчасти и разведке. Они поддержали предложение командира, отметив при этом недюжинные умственные способности Григория Ивановича, его мужество, выдержку, дисциплинированность, штабную культуру. Оставалось поговорить с самим Бояриновым и согласовать вопрос с командованием полка.

Когда командир батальона вызвал к себе Бояринова и предложил ему подумать над предложением о выдвижении, Григорий Иванович, внимательно выслушав командира, сказал:

— Предложение заманчивое, справлюсь ли я? Ведь одно дело — резервная застава, а совсем другое — штаб батальона, подразделения которого разбросаны на десятки километров.

— Разделяю ваши сомнения, товарищ Бояринов, но вы, как нам кажется, лучше, чем кто-либо другой, подходите для этой должности: удачное сочетание боевого опыта с неплохой штабной подготовкой в училище. Подумайте, даю вам на это три часа.

— Есть, товарищ майор! — только и смог ответить Бояринов.

Время, которое отвел ему на размышление командир батальона, Бояринов провел в мучительных поисках ответа, но так и не нашел убедительных доводов не согласиться с командиром. Раз предлагают — значит доверяют, решил, в конце концов, Григорий Иванович, и направился на доклад к командиру батальона.

— Я не ожидал другого ответа, — сказал майор, — хотя участок работы, который вам придется осваивать, далеко не простой. Вы сумеете в этом убедиться после встречи с Владимиром Степановичем, начальником штаба батальона.

— А если у меня дела не пойдут? — спросил Бояринов.

— Не пойдут — поможем, было бы у вас желание, — заключил командир батальона.

Начальник штаба майор Соколов встретил своего нового заместителя приветливо, ввел в курс боевой обстановки на фронте и оперативной обстановки в полосе ответственности полка и ознакомил его с кругом обязанностей, а они были достаточно сложные.

Прежде всего это было планирование служебно-боевой деятельности батальона на определенный период, подготовка проектов боевых приказов и распоряжений, сбор и обобщение данных об обстановке для доклада командиру батальона и вышестоящему штабу, обобщение оперативно-боевого опыта батальона, подготовка донесений, информирование соседей и взаимодействующих частей и масса других, не предусмотренных уставами и инструкциями, больших и малых дел, которые возлагаются на штаб — «мозг армии», как любил повторять слова маршала Шапошникова Владимир Семенович.

Первым поручением, которое предстояло выполнить Бояринову, была подготовка справки по итогам служебно-боевой

деятельности батальона за первое полугодие 1943 года. Опыта разработки подобного рода документов у Григория Ивановича не было, и ему не раз приходилось обращаться к своему непосредственному начальнику. Дело двигалось, и вскоре Бояринов представил начальнику штаба проект документа. Владимир Семенович внимательно посмотрел его и посоветовал Григорию Ивановичу дополнить его более подробными выводами и уроками, а вступительную часть несколько сократить. После доработки справка получилась лаконичной и убедительной. Позже командир батальона отметил, что первый блин молодого штабиста не оказался комом, а вполне приемлемым боевым документом.

Более сложным делом для Бояринова оказалась разработка проекта плана служебно-оперативной деятельности батальона на второе полугодие 1943 года. Оно осложнялось тем, что со дня на день ожидалось поступление в батальон нового приказа по внесению некоторых дополнений и изменений в деятельность войск по охране тыла действующей армии и положения о преобразовании особых отделов НКВД в особые отделы «Смерш» (смерть шпионам) Наркомата обороны и Наркомата Военно-Морского флота. Эти документы по-новому трактовали взаимоотношения войск по охране тыла и органов военной контрразведки, что, естественно, не могло не отразиться на парировании деятельности немецко-фашистских спецслужб, которые в период подготовки наступления немецко-фашистских войск под Курском повысили свою активность. Поэтому, как рекомендовали в своих указаниях командир и начальник штаба батальона, план должен был быть ориентирован на согласованное применение в предстоящий период оперативных и войсковых средств и тесное взаимодействие их с органами военной контрразведки, подчиненными уже другим ведомствам.

Хотя общий замысел служебно-боевых действий батальона был сформулирован в боевом приказе, детали, причем весьма существенные, должны были содержаться в плане. Вот эти «детали» в полном объеме не представлял Бояринов. Пришлось обращаться к прежним планам, советам Владими-

ра Семеновича и сослуживцев. Работа была сложной еще и потому, что план практиковалось составлять как бы состоящим из двух частей — графической и текстуальной. Текстуальная часть представляла собой довольно подробную пояснительную записку, в которой в основном освещались силы и средства служебно-боевой деятельности батальона и их взаимодействие с соседями и органами безопасности.

Григорию Ивановичу больше по душе была разработка первой части. Он неплохо владел графикой, любил и умел читать топографическую карту. Его прельщало наглядно изображать служебно-боевые задачи батальона, дислокацию его подразделений, взаимодействующие органы и, конечно, данные о противнике. Ему казалось, что он не просто имитатор чьей-то воли, а полноценный командир, ведущий за собой солдат невидимого фронта. Блажен тот человек, который так думает и находит в этом удовлетворение.

Проект плана служебно-боевой деятельности удалось разработать в срок, и Бояринов в приподнятом настроении направился на доклад к начальнику штаба. Однако радость оказалась преждевременной. Владимир Семенович, похвалив в целом удачно разработанный план, отметил в нем ряд недоработок. Так, в частности, не в полной мере был отражен маневр силами и средствами батальона в полосе ответственности, не предусмотрены возможные варианты действий резерва батальона на случай выброски диверсионно-разведывательных групп противника на стыках с соседями, не оговорены сигналы опознавания войск при проведении совместных действий по ликвидации шпионов и диверсантов противника.

Когда, после внесения поправок и дополнений, план был доложен командиру батальона, тот с удовлетворением отметил, что теперь ему не стыдно будет доложить такой документ командованию полка по охране тыла.

Так, шаг за шагом Григорий Иванович осваивал штабное мастерство, помогал командиру и начальнику штаба батальона уверенно управлять подчиненными подразделениями, четко оформлять необходимую документацию.

Но у Бояринова, как, видимо, у каждого военного профессионала, была еще одна страсть. Он не мог жить без общения с командирами и бойцами подразделений батальона, без той боевой жизни, которая необходима для военных всех рангов, независимо от должностей и званий. Поэтому часто по поручению начальника штаба выезжал на заставы, КПП, в соседние части, общался с личным составом, жадно ловил каждое слово бывалых воинов, учил и учился у них. Особенно тесно общался с начальником штаба одного из батальонов, его земляком старшим лейтенантом Николаем Меньшовым, которого сослуживцы звали «Колей мудрым» за его взвешенный подход к анализу обстановки при принятии решений, живой и образный характер речи, пересыпанный народными пословицами и поговорками. Однажды «Коля мудрый» рассказал ему, как бойцы их батальона, Каверин и Середа, неся патрульную службу, обнаружили в молодом лесу двоих неизвестных, которые спокойно спали на еловых ветках, пока их не разбудил зычный голос Каверина: «Штиль гештанде, хенде хох!» («Встать, руки вверх!»). «Отделение ко мне!» Бойцы упали и вскинули автоматы. В ответ воздух резанули сразу два шмайсера. Каверин повторил команду, и лишь после этого с земли поднялись неизвестные с поднятыми руками. Остальное было делом техники.

Из рассказанного Бояринов сделал вывод, что даже в самой сложной обстановке можно побеждать противника не столько числом, сколько умением. Но и Григорий Иванович часто помогал своему боевому товарищу в разработке и оформлении документов, делился опытом пехотного командира.

Однажды, после поездки на 8-ю заставу, бойцы которой недавно разоблачили и захватили группу матерых диверсантов, Григорий Иванович проявил еще одну сторону чекистского характера: он написал для фронтовой газеты «За Родину!» небольшую статью «Схватка в перелеске», за которую его похвалил командир батальона. Это в жизни фронтового командира стало первым опытом самостоятельного изложения и обобщения интересных фактов и событий, который

впоследствии ему очень пригодился при обучении в Военном институте и адъютантуре.

В конце 1943 года Григорий знакомится со своей будущей женой капитаном медицинской службы Валентиной Сергеевной Осиповой, красавицей и, главное, умницей, которая сама позднее признавала, что не смогла противостоять натиску этого молодого, уже хорошо знавшего себе цену офицера. Они полюбили друг друга и сохранили свою любовь, уважение, верность и понимание друг друга до самого конца своих жизней. Они расписались сразу после освобождения Ленинграда от блокады, куда старший лейтенант Г.И.Бояринов вошел в первых рядах воинов-освободителей. В семье Бояриновых до сих пор хранится их свидетельство о браке, подписанное начальником штаба батальона и скрепленное печатью полка НКВД.

Батальон Белова после освобождения Риги принял новую полосу охраны тыла наших войск, которым была поручена ликвидация курляндской группировки противника. Служебно-боевая деятельность полка проходила в непрерывных столкновениях с бандами латышских националистов.

Приближался конец Великой Отечественной войны. Старшему лейтенанту Г.И.Бояринову, как и любому другому участнику войны, довелось испытать все: и горечь поражений, отступление, боль, страдания, и радость победы. Война закалила его характер, именно здесь он приобрел боевой и жизненный опыт и самое главное — именно во время войны, когда он поднимал солдат в атаку и шел у них впереди, может быть, навстречу смерти, у него выработалось где-то в глубине души беззаветное чувство горячей любви к своей Родине, делу защиты которой он посвятил всю свою жизнь.

В начале 1944 года началось формирование пограничных частей вновь создаваемого Северо-Западного пограничного округа, куда для несения дальнейшей службы, с учетом имевшегося у него опыта, и был направлен старший лейтенант Бояринов. Некоторое время Григорий Иванович служит на полуострове Порккала в Финляндии, в составе погранко-

мендатуры 106-го (Таллинского) пограничного полка Северо-Западного пограничного округа в качестве командира заставы. Перед пограничниками стояла задача организации охраны морского участка государственной границы: в первую очередь недопущения прорыва через границу потенциальных нарушителей из числа прибалтийских буржуазных националистов, локализации возможной угрозы высадки с моря шпионов и диверсантов противника.

К концу лета 1944 года Валентина Сергеевна, которая всюду следовала за мужем и продолжала службу в армии в качестве врача в звании капитана медицинской службы, была вынуждена оставить зону боевых действий и выехать на родину, в Кировскую область. Семья ждала ребенка, и их первенец, которому при рождении дали имя Игорь, появился на свет в декабре 1944 года.

Бояринову, к тому времени капитану, пришлось вновь вникать в почти незнакомое дело организации охраны морского участка государственной границы. А подумать было над чем. Во-первых, охрану границы осложняла напряженная обстановка в тылу полосы охраны отряда, где особую активность проявляли эстонские буржуазные националисты из организации «Кастелайт», во-вторых, существовала постоянная угроза высадки с моря шпионов и диверсантов противника и, в-третьих, некомплект личного состава отряда, не позволявший выделить необходимое количество нарядов для охраны государственной границы. В данных условиях принципы пограничной службы Бояринов постигал, как говорится, с ходу. Кое-что он позаимствовал из прежнего опыта, но в основном многое решал в процессе службы в новой должности.

Прежде всего, пришлось основательно засесть за приказы, указания, постановления. Но этого было явно недостаточно. Требовалось, как воздух, общение с более опытными товарищами, непосредственными начальниками. И они охотно шли на это, видя, с каким интересом Бояринов брался за дело, стараясь не упустить ни одной детали в организации охраны границы на морском побережье.

Благотворное влияние на формирование Григория Ивановича как специалиста пограничной службы оказал бывалый пограничник, комендант одного из участков отряда майор Сечкин Георгий Петрович, будущий генерал-майор, доктор военных наук, профессор, с которым долгие годы связывала Григория Ивановича служба в Пограничных войсках и учебных заведениях. Сечкин с его постоянным стремлением постичь новое, неизвестное, заражал и без того неугомонную душу Бояринова той неиссякаемой энергией, которая может творить чудеса.

В этой связи небезынтересен следующий эпизод из боевой дружбы этих незаурядных людей.

После того как замерз Финский залив, участились случаи прорыва нарушителей границы из Эстонии в Финляндию по льду залива. При этом нарушители использовали специальные сани (подкури), при помощи которых они с большой скоростью передвигались по льду. Пограничные наряды явно не успевали их преследовать. И Сечкин с Бояриновым решили победить их этим же оружием.

Однажды им удалось задержать двоих нарушителей границы и захватить у них подкури, которые представляли собой гнутую конструкцию из металлических труб, основание которых составляли полозья, плавно переходящие в спинку. Держась за нее, нарушитель отталкивался ото льда одной ногой, держа вторую на полозе. Набрал скорость, нарушитель становился на оба полоза и передвигался со скоростью до 20 километров в час. Трофей опробовали на льду и решили соорудить несколько таких саней для пограничников.

Вскоре изготовленные в отряде сани были апробированы на участке комендатуры майора Сечкина и показали высокую эффективность. Пограничные наряды, выходявшие на побережье замерзшего залива, надежно преграждали путь нарушителям, многие из которых были успешно задержаны «саночниками».

Капитан Бояринов составил подробное описание подкури и подготовил специальную инструкцию по использованию их пограничными нарядами. Вскоре инструкция была утвер-

ждена и одобрена командованием отряда и руководством пограничного округа. Сечкин и Бояринов были рады первой, хотя и небольшой, совместной победе над нарушителями границы.

Отличительной чертой молодого командира погранзаставы было умение принимать быстро нестандартные решения в сложных ситуациях. Так, например, однажды в холодный зимний день Бояринов вышел с контрольными функциями в наряд с молодым бойцом. Они прошли вдоль берега Финского залива до стыка с соседней заставой. Там увидели на снегу следы нарушителей границы, которые вели в сторону моря. Григорий Иванович отправил солдата на погранзаставу за подкреплением, а сам бросился преследовать нарушителей. Разгоряченный преследованием, Бояринов сбросил с себя полушубок и бежал налегке, в одной гимнастерке. Солдат добрался до заставы, доложил о происшедшем, и там было принято решение направить на помощь Григорию Ивановичу легкомоторный самолет. Летчик прилетел в то место на заливе, где был Григорий Иванович, и начал кружиться вокруг него. Григорий Иванович показал ему руками направление, куда надо лететь, чтобы обнаружить нарушителей границы. Летчик полетел в том направлении и вскоре обнаружил группу вооруженных людей. Он вернулся к Бояринову и совершил посадку на лед. Летчик сказал, что он полетит в погранотряд и доложит обстановку, Григорию Ивановичу надо здесь дожидаться подкрепления. Но тот, не раздумывая, взобрался на крыло самолета и приказал доставить его к нарушителям. Лететь в одной гимнастерке на крыле самолета морозным днем было, конечно, шагом отчаянным, но в этом был весь Григорий Иванович. Более того, поскольку сапоги скользили на крыле самолета и было очень трудно удержаться, Григорий Иванович сбросил сапоги и практически босиком, в одних носках, лег на крыло. Летчик, тем не менее, взлетел. Холодный ветер насквозь продувал взмокшую гимнастерку, а руки и ноги обжигал холод металла, но Григорий Иванович не обращал внимания на это. Летчик через несколько минут вновь посадил самолет на лед с некоторым

опережением перед нарушителями границы, а затем улетел на аэродром докладывать обстановку. А Григорий Иванович дождался в торосах, когда к нему приблизилась группа из трех нарушителей, неожиданно выскочил перед ними и громко приказал остановиться и бросить оружие на лед. Для нарушителей это оказалось полной неожиданностью, и они, растерявшись, не смогли оказать сопротивление и побросали все свое оружие. Григорий Иванович вынул затворы из автоматов и винтовок и вернул оружие диверсантам, не забыв при этом надеть один из полушубков нарушителей и валенки, потому что к тому времени он промерз настолько, что ему было трудно шевелить руками и ногами. Уже недалеко от берега их встретила группа пограничников, которая спешила на помощь к своему командиру. За успешное задержание нарушителей границы Григорий Иванович был награжден медалью «За отличие в охране границы».

Этот случай вошел в историю советских погранвойск как первый в истории пример взаимодействия пограничного наряда и авиации при задержании нарушителей. О нем написан очерк, который вошел в книгу «Северо-Западный пограничный округ».

В это время началось формирование пограничных частей вновь создаваемого Прибалтийского пограничного округа. Григорий Иванович получил назначение в 106-й Таллинский пограничный отряд на должность заместителя начальника штаба отряда — начальника отделения службы.

Особо следует рассказать о настоящем наставнике Григория Ивановича — начальнике штаба отряда майоре Глухове Анатолии Самсоновиче. Это был опытный начальник с доверенным опытом, грамотный штабник и доброжелательный человек. Его любимой фразой была: «Кончил дело — начинай новое смело». Он мог сутками работать в штабе, а затем долго пропадать в подразделениях отряда, откуда он всегда возвращался в приподнятом настроении и передавал его своим подчиненным. На первых порах Бояринов старался во всем подражать ему, а затем, освоившись, пробовал сказать свое слово при решении вопросов организации охраны госу-

дарственной границы. Так, планируя охрану границы на весенне-летний период, Григорий Иванович предложил выделить подвижные наряды для контроля прибрежного шоссе и распределить усилия между отрядами и береговыми частями Балтфлота во время поиска нарушителей и диверсионно-разведывательных групп противника. Эти мысли замначальника штаба были успешно внедрены в практику пограничного отряда.

Григорий Иванович выступил инициатором разработки в отряде формализованных боевых документов, которые позволяли оформлять их в наиболее удобоваримом виде, экономить время и прививали офицерам более высокую штабную культуру. Кроме того, в этом случае значительно облегчалась их шифровка и передача по каналам связи.

Заметным вкладом Бояринова в вопросы совершенствования охраны государственной границы явилось его активное участие в осуществлении идеи начальника отряда о проведении в отряде регулярных командно-штабных учений и тренировок, с максимальным приближением их к срокам проведения учений Сухопутных войск и сил флота. Правда, это была нелегкая работа, так как приходилось разрабатывать не только все детали охраны государственной границы и борьбы с нарушителями и диверсантами, но и вопросы взаимодействия с командованием регулярных войск и сил флота. Он сутками трудился в штабах ВМБ (Палдиски) и мотострелковой дивизии в Таллине. Это позволяло на учениях оперативно и тщательно проигрывать все варианты совместных действий.

Положительных результатов достиг Григорий Иванович в организации совместной слаженной работы с заместителем начальника отряда по разведке майором Званцевым Алексеем Ивановичем, который всегда старался своевременно информировать отделение службы о последних данных о противнике, новых ухищрениях спецслужб иностранных государств на море и в приграничных районах. В свою очередь Бояринов информировал Званцева о данных, добытых о противнике пограничными нарядами и соседями. Это благопри-

ятно сказывалось на выработке и принятии решений начальником отряда по охране государственной границы.

И еще одной новацией проявил себя Григорий Иванович как один из руководителей штаба отряда. Он научился сам и научил состав своего отделения печатать на пишущей машинке, что экономило время и значительно повысило культуру оформления боевых документов. Вскоре это стало достоянием всех офицеров штаба Таллинского пограничного отряда. Сам начальник отряда подполковник Валерий Сергеевич Никитченко «заразился» этим и стал отмечать в служебных аттестациях штабных офицеров их умение владеть машинописью.

Вместе с тем служба в Прибалтике явилась для Бояринова школой высокой бдительности, постоянной боевой готовности, выдержки и самообладания. В этом неоднократно убеждался сам Григорий Иванович. Не проходило дня, чтобы из подразделений отряда не поступали сообщения о задержанных нарушителях границы, появлении в наших территориальных водах подозрительных судов, нападениях националистических банд на военнослужащих и руководителей местных органов власти.

Испытать это на себе Бояринову пришлось во время выезда на 1-ю комендатуру, на участке которой действовала банда под руководством бывшего офицера СС Георга Пруса. Националисты не только дестабилизировали обстановку в тылу полосы охраны отряда, но и напали на пограничные наряды, транспортные средства, одиночных военнослужащих.

Руководством МГБ Эстонии было принято решение силами 106-го пограничного отряда, батальона Внутренних войск и мотострелкового батальона провести специальную операцию по ликвидации банды. По замыслу операции вероятный район нахождения банды намечалось блокировать силами мотострелкового батальона с суши, 1-й и частично 2-й комендатуры пограничного отряда с моря, а поиск в заблокированном районе, провести силами батальона Внутренних войск.

По распоряжению начальника пограничного отряда капитану Бояринову совместно с начальником 1-й коменда-

туры капитаном Лосевым предстояло организовать заслон на трехкилометровом участке приморского шоссе и не допустить прорыва противника в прибрежный лесной массив.

В назначенное время подразделения, привлеченные к операции, заняли назначенные рубежи, а поисковые группы начали осмотр местности. Временами внутри блокированного района вспыхивали перестрелки, и вскоре они переместились к заслону, занимаемому 1-й комендатурой. Вот в гуще деревьев показались первые бандиты, которые, отстреливаясь, приближались к пограничникам. Капитан Лосев, находившийся с Бояриновым на НП, подал команду: «Огонь!» Бандиты залегли, а часть из них, забросав позиции наших бойцов гранатами, пошла на прорыв. Тогда Бояринов с резервом заслона бросился им наперерез и, ведя огонь на ходу, добил бандитов. На поле боя остались трупы семи бандитов, четверо были захвачены в плен. Не удалось банде вырваться из блокированного района и на других направлениях. Операция была успешно завершена.

Это была последняя боевая операция Бояринова на границе. Вскоре он и майор Сечкин, мечтавшие пополнить свой боевой опыт теоретической подготовкой, были направлены на обучение в Военный институт МГБ СССР в Москве.

Григорий Иванович неоднократно вспоминал позднее свою беседу с командующим Северо-Западным пограничным округом, который вызвав к себе молодого, подающего большие надежды офицера, сказал ему: «Сынок, я давно приглядываюсь к тебе. Из тебя может выйти прекрасный кадровый офицер с большими перспективами. Для этого у тебя есть все: боевой опыт, ум, смелость, умение находить общий язык с подчиненными и старшими по званию, но не хватает одного — высшего образования, а с ним и настоящих глубоких знаний. Сынок, тебе придется трудно, посоветуйся с женой. Она у тебя умница, отличный врач и прекрасный человек. Мой тебе совет: иди и учись. Потом вспомнишь меня, старика, добрым словом». Бояринов запомнил эти слова командира, которого он глубоко уважал, на всю оставшуюся жизнь и всегда старался следовать им.

## Глава IV

# Сражение за знания

О первой встрече с Григорием Ивановичем в институте МГБ рассказывал позднее Владимир Николаевич Андрианов. Целая группа офицеров, принятых на учебу, находилась в аудитории, когда дверь распахнулась и на пороге появились два молодых офицера с орденами Красного Знамени на груди — Сечкин и Бояринов. При том, что тот набор слушателей собрал целую группу блестящих боевых офицеров, среди которых были В.Н.Андрианов, И.И.Москвичев, В.Е.Ложкин, появление этих молодых людей не прошло незамеченным, более того, Григорий Иванович вскоре был выбран старостой учебной группы.

Учился в институте капитан Бояринов старательно, с интересом осваивал научные основы охраны государственной границы, историю военного и пограничного искусства, партизанской борьбы, уголовного права и процесса, активно занимался в научном обществе слушателей. Все годы учебы он оставался старостой курса и пользовался у своих товарищей по учебе заслуженным авторитетом.

Большое влияние на формирование личности и научных поисков Григория Ивановича оказал начальник кафедры тыла, ветеран четырех войн, известный разведчик и партизан профессор Илья Григорьевич Старинов. Он разглядел в пытливом офицере, члене научного кружка слушателей, незаурядные способности исследователя и аналитика, имеющего боевой опыт. Поэтому наставник и предложил своему молодому коллеге разработать под его руководством научный доклад «Партизаны-чекисты в Великой Отечественной войне». Он порекомендовал Григорию Ивановичу тщательно

изучить архивные материалы и литературу по теме, а также познакомил его со своими боевыми товарищами по партизанской борьбе — В.А.Карасевым, Д.Н.Медведевым, Е.И.Мирковским, Н.А.Прокопюком, М.С.Прудниковым, которые дали Бояринову ряд ценных советов.

Первый вариант доклада хотя и понравился Илье Григорьевичу, но не обошелся без серьезных замечаний учителя. Зато после доработки он был признан одним из лучших на научной конференции института.

После успешного дебюта своего подопечного Илья Григорьевич предложил ему поразмыслить над своей дипломной работой. Григорий Иванович призадумался. С одной стороны, его влекла партизанская тематика, а с другой — специальная тактика пограничных войск в войне будущего.

«А что если попытаться соединить эти две проблемы?» — мелькнула мысль у выпускника.

Когда он вновь встретился со своим учителем, они вместе еще раз подумали над темой, которая в окончательном виде была сформулирована так: «Боевая деятельность партизанских формирований и роль в ней пограничных войск».

Работа над дипломом потребовала от Григория Ивановича колоссального напряжения всех сил и энергии: нужно было вновь окунуться в архивы, выслушать советы ветеранов, регулярно посещать практические подразделения, глубоко анализировать и обобщать факты и явления, делать выводы, вносить предложения. В конечном счете дипломная работа удалась, что единодушно отметили в своем отзыве научный руководитель и оппоненты.

Институт окончен с отличием. Впереди Григорий Иванович вновь увидел границу, ее беспокойные будни, напряженный повседневный труд. Это желание он четко изложил на мандатной комиссии. Но неожиданно услышал вопрос ее председателя генерал-лейтенанта Н.П.Стаханова, начальника Главного управления пограничных войск:

— А что если мы назначим вас на преподавательскую работу в институте?

Предложение настолько было необычным, что у Григория Ивановича в голове все перемешалось: граница — родная стихия; институт, Москва — заманчиво, но боязно, а вдруг наставник из него не получится? И все-таки... Он спокойно и уверенно ответил:

— Спасибо за доверие!

Так началась в жизни Григория Ивановича новая атака. На этот раз на науку, посвященную решению проблем специальных действий на территории, контролируемой противником.

## Глава V

# Наступление на науку

Говорят, что человеку, накопившему определенный запас знаний, а тем более имеющий еще и практический опыт, свойственно стремление к самовыражению, закономерному подтверждению своего жизненного авторитета. Это происходит либо в форме служебной карьеры, новаторства, изобретательства, либо в форме написания книг, разработки научных трудов, чаще диссертаций, в которых воплощаются те или иные идеи человека.

Григорий Иванович избрал путь разработки кандидатской диссертации. Он успешно сдал кандидатские экзамены и не без помощи своего учителя — Ильи Григорьевича Старикова — избрал тему — «Тактика партизанских действий в современной войне».

Диссертацию предстояло готовить на базе старейшего военного учебного заведения наших вооруженных сил — Военной академии им. М.В. Фрунзе, где Григорию Ивановичу посчастливилось встретиться с известным разведчиком, специалистом в области партизанской борьбы, заместителем начальника разведки ряда фронтов в период Великой Отечественной войны, заместителем начальника кафедры разведки академии полковником Синяевым Анатолием Дмитриевичем, который согласился стать научным руководителем молодого исследователя.

С сентября 1956 года Григорий Иванович — адъюнкт академии, где он с первого дня включился в активную работу над диссертацией. Ему только 34 года, а он уже полковник. В октябре 1956 года в семье Бояриновых родился второй ребенок и опять сын, которому дали имя Андрей. Во время

учебы в академии Бояринов направляется на стажировку в Грузию, где в течение года командует Батумским пограничным отрядом.

Его успешной работе над темой способствовали не только умелое руководство со стороны Анатолия Дмитриевича, но и знакомство Григория Ивановича со своим однокашником по Военному институту МГБ майором (впоследствии — генерал-майором) Владимиром Николаевичем Андриановым, который несколько ранее защитил кандидатскую диссертацию по истории партизанской борьбы.

Владимир Николаевич, сын ветерана-пограничника, участника Великой Отечественной войны, в 17 лет сам стал фронтовиком, получил навыки действий в тылу противника в составе передовых подразделений. Закончив с золотой медалью Военный институт МГБ, он всю свою жизнь посвятил развитию исторической науки (стал доктором исторических наук, профессором) и подготовке чекистских кадров. Его последняя должность в органах безопасности — заместитель начальника управления кадров КГБ СССР.

Этот человек, который до самозабвения был предан истории партизанской борьбы, делился с Григорием Ивановичем своим опытом написания диссертации, работы в архивах и практических подразделениях. Позже он активно участвовал в развитии КУОС и стал для Григория Ивановича настоящим вдохновителем его задумок и дел. Более того, исходя из потребностей практики, он не раз давал руководству КУОС полезные советы и прямые указания.

Этих двух незаурядных людей со времени совместной учебы в институте связывала крепкая мужская дружба и взаимное уважение. После гибели Григория Ивановича до официального прощания гроб с телом привезли в госпиталь на Пехотной. Владимир Николаевич в это время лежал там и, узнав об этом и понимая, что не сможет принять участие в похоронах из-за болезни, попросил разрешить ему проститься с другом лично, что и было сделано.

Вспоминается такой случай. Во время обсуждения в управлении кадров и ПГУ КГБ вопроса о горной подготовке слу-

шателей КУОС попутно возникла мысль пойти дальше — организовать на КУОС еще и подводную (легководолазную) подготовку. Дело было непростое. Владимир Николаевич Андрианов и заместитель начальника 8-го отдела управления «С» ПГУ КГБ Александр Иванович Лазаренко сообщили, что наиболее подготовленную учебную базу в этом отношении имеет Черноморский флот, в частности его 17-я отдельная бригада специального назначения.

Было решено дополнительно изучить этот вопрос, поручив Григорию Ивановичу связаться с Главным штабом ВМФ и внести соответствующие предложения. При этом установить первоначальный контакт с моряками взял на себя Владимир Николаевич.

Ему удалось принципиально договориться с руководством Главного штаба Военно-Морского Флота о подводной подготовке слушателей КУОС, хотя по ряду обстоятельств ее практическое осуществление было сделано лишь в 1981 году.

Работал Григорий Иванович над диссертацией так же напористо, как воевал на фронте. Много писал по проблеме, часто публиковал свои материалы в различных изданиях, отшлифовывал свои теоретические взгляды и практические предложения.

Первое обсуждение на кафедре проходило бурно и интересно. В составе кафедры были бывалые фронтовики-разведчики, в частности, полковник Сергей Владимирович Гришин, Герой Советского Союза, знаменитый командир партизанского полка «Тринадцать», кстати, земляк Григория Ивановича, полковники Владимир Романович Школяр, Николай Сергеевич Николаев и другие товарищи, знавшие толк в партизанской борьбе.

Особые споры вызвали те места рукописи Григория Ивановича, где излагались закономерности и принципы тактики партизанской борьбы, а также управления партизанскими формированиями.

Сергей Владимирович Гришин порекомендовал Григорию Ивановичу дополнительно изучить опыт партизанской борьбы югославских партизан, а полковник Цапенко Николай

Николаевич — встретиться с некоторыми командирами партизанских отрядов и соединений, которые могли дать адъютанту ряд ценных советов.

Начался новый этап работы Григория Ивановича над своим детищем — довести его до нужной кондиции, чтобы диссертация полностью отвечала требованиям Высшей аттестационной комиссии. Но для этого нужно было еще немало потрудиться.

Первым делом он обратился за помощью к Илье Григорьевичу Старинову, который в это время работал над историей партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Он внимательно выслушал Григория Ивановича и порекомендовал ему дополнительно отработать ряд источников по теории и практике партизанской борьбы — труды Д.Давыдова, Н.Голицына, Ф.Гершельмана, М.Дробова, П.Каратыгина, В.Клембовского. Кроме того, он познакомил его со своими товарищами, бывальыми партизанами-чекистами. С некоторыми из них Бояринов уже был знаком. Это были люди удивительной судьбы, которые имели за плечами значительный опыт оперативной работы и руководства партизанскими формированиями в годы войны. Некоторые из них стали авторами популярных книг о партизанской борьбе. Из встреч с ними Григорий Иванович вынес много полезного, особенно в области ведения разведывательной работы и совершения диверсий в тылу немецко-фашистских войск. В частности, он многое почерпнул из встреч с Евгением Ивановичем Мирковским, который посоветовал ему глубже проработать вопрос о рейдах партизан по тылам противника. Это особенно важно, говорил Евгений Иванович, в том случае, когда боевая деятельность партизан в районе базирования невозможна или нецелесообразна. Его отряду, например, пришлось на протяжении почти полутора лет совершить рейд в фашистском тылу протяженностью более 2 тысяч километров. Не случайно условным наименованием его отряда было «Ходоки». А Михаил Сидорович Прудников обратил внимание Григория Ивановича на необходимость ведения в партизанских формированиях четко налаженной контрраз-

ведывательной работы. Он, например, напомнил, что контрразведчики его соединения (а оно к лету 1944 года насчитывало более 3,5 тысячи человек) разоблачили более двух десятков фашистских агентов, пытавшихся внедриться в ряды партизан.

Пришлось Григорию Ивановичу дополнительно поработать в архивах и фондах военно-учебных заведений, занимавшихся вопросами партизанской борьбы. К примеру, в Военно-воздушной академии (ныне Военно-воздушная академия имени Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина) он нашел уникальный материал о деятельности по обеспечению партизан материальными средствами в годы Великой Отечественной войны 101-го военно-парашютного авиационного полка под командованием известной летчицы Героя Советского Союза Гризодубовой Валентины Степановны. Это позволило Григорию Ивановичу глубже обосновать вопросы материально-технического обеспечения партизанских формирований, роли в этом вопросе военно-транспортной авиации.

Много полезных советов дал Григорию Ивановичу его научный руководитель Анатолий Дмитриевич Синяев, особенно по вопросам взаимодействия фронтовой разведки с партизанами, а также управления ими со стороны центральных органов партизанского движения. Не остался в стороне и Владимир Николаевич Андрианов. Он внимательно прочитал первый вариант диссертации своего товарища и высказал ряд полезных рекомендаций. Более того, он поделился с ним переводами трудов руководителя итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти по вопросам партизанской борьбы.

Помимо этого материалы диссертации были апробированы Григорием Ивановичем на межвузовской научно-исторической конференции по вопросам партизанской борьбы в Великой Отечественной войне, которая состоялась в апреле 1959 года. Тогда выступление адъюнкта из Военной академии им. М.В.Фрунзе произвело на участников благоприятное впечатление, в своих выступлениях они поддержали основные идеи Григория Ивановича.

Как и следовало ожидать, второе обсуждение диссертации Григория Ивановича, на котором присутствовали представители других кафедр и Военно-научного управления Генерального штаба ВС СССР, прошло успешно. Выступившие отметили добросовестность автора при доработке своего труда, значительный объем проделанной работы и самое главное — ценность теоретических вопросов и практических рекомендаций.

Вскоре диссертационный совет академии принял труд Григория Ивановича к защите, назначил официальных оппонентов и ведущую организацию. Это были серьезные судьи трехлетнего труда молодого исследователя. Первый официальный оппонент — доктор военных наук, профессор генерал-майор М.А.Абсалямов. Он в тот период являлся начальником кафедры разведки Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР, широко известный научной общественности не только как профессионал-разведчик, но и как специалист в области партизанской борьбы. Был хорошо знаком с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко, бывшим начальником Центрального штаба партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Второй оппонент — доктор исторических наук, профессор, полковник А.С.Князьков, автор ряда оригинальных трудов по истории партизанского движения в России и СССР. В качестве ведущей организации было определено Военно-научное управление Генерального штаба, которое в то время возглавлял известный военачальник и ученый, доктор военных и исторических наук, профессор генерал-полковник Махмуд Ахметович Гареев (ныне — генерал армии, президент Академии военных наук России).

Отзывы столь авторитетных судей были строги, но справедливы: они единодушно одобрили диссертацию Григория Ивановича, отметив в то же время в ней ряд недостаточно обоснованных положений, которые в основном касались определения роли и места партизанской борьбы в стратегических операциях вооруженных сил на основных стратегических направлениях.

Григорий Иванович внимательно изучил высказанные замечания и стал серьезно готовиться к предстоящей защите. Он провел пробную защиту диссертации перед кафедрой (в те годы, в отличие от сегодняшнего дня, это было обычной нормой). Его еще раз выслушал первый учитель — Илья Григорьевич Старинов и благословил своего ученика на решающее сражение в науке.

Наступил час защиты. Это был яркий солнечный день начала сентября 1959 года. Вел диссертационный совет начальник академии, известный полководец Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, профессор генерал армии Павел Алексеевич Курочкин, кстати, земляк Бояринова.

Четкий доклад Григория Ивановича совет и приглашенные на него гости выслушали с большим вниманием. Убедительно отвечал диссертант и на вопросы. Даже заданный членом совета, начальником кафедры философии, доктором философских наук, профессором генерал-майором М.Н.Новохатко вопрос о закономерностях партизанской борьбы не смутил Григория Ивановича. Он ответил на него уверенно, не забыв увязать его с общими закономерностями вооруженной борьбы. А ответ на вопрос члена совета, начальника кафедры тактики инженерных войск, профессора генерал-майора В.Я.Пляснина об инженерном оборудовании района базирования партизанского соединения подтвердил подробными расчетами. Не менее убедительными были ответы Григория Ивановича и на другие вопросы.

Выступления официальных оппонентов, других ученых, присутствовавших на заседании, были достаточно остры, но носили доброжелательный характер.

Подводя итоги защиты диссертации, генерал Курочкин отметил ее пионерский характер, глубокое обоснование основных теоретических положений и практических рекомендаций, умение диссертанта защищать свои убеждения.

Диссертационный совет по достоинству оценил научный труд Григория Ивановича и единодушно проголосовал за присуждение ему ученой степени кандидата военных наук.

Академическая газета «Фрунзевец» от 14 ноября 1959 года откликнулась на это событие содержательным очерком: «Работа полковника Г.Бояринова — это результат глубокого исследования, базирующегося на большом историческом и документальном материале, личном опыте диссертанта. В нем обобщается многосторонний опыт героической борьбы партизанских формирований в тылах немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны.

Особый интерес и целостность работы заключается в том, что это первый труд в области научного анализа методов формирования партизанских отрядов, принципов их организации, решаемых ими задач, методов их выполнения, средств, использующихся ими при ведении разведывательно-диверсионных и боевых действий, методов организации взаимодействия с регулярными войсками...

Целеустремленность в работе, умение добиваться поставленных задач, характеризуют стиль молодого исследователя, посвятившего свои знания большому и малоизученному с оперативно-тактической точки зрения вопросу организации и ведения вооруженной борьбы в тылу противника...».

По сути дела, Григорий Иванович явился продолжателем развития теории так называемых малых войн или, как принято теперь называть, войн малой интенсивности.

Атака Бояринова на науку закончилась заслуженной победой.

После успешной защиты диссертации Григорий Иванович посвятил себя совершенствованию в области развития теории и практики партизанской борьбы, а также борьбы органов безопасности со спецслужбами иностранных государств на государственной границе. Его достойным руководителем в этой области стал начальник курсов усовершенствования руководящего состава пограничных войск генерал-майор Евгений Васильевич Рыжков, в прошлом начальник разведотделов ряда пограничных округов.

Ветеран пограничной разведки поведал своему молодому коллеге не только ее секреты, но и привил ему настоящую любовь к этой очень важной отрасли пограничного иску-

ства. В своих беседах с Григорием Ивановичем во время разбора подготовленных им учебных материалов Евгений Васильевич всегда находил повод для того, чтобы лишний раз подчеркнуть роль разведки в охране государственной границы, особенно работы «за кордоном». На многочисленных примерах из личной практики он убеждал своего собеседника в необходимости иметь оперативные источники на территории сопредельного государства. Именно благодаря их своевременной информации о готовящихся нарушениях государственной границы пограничникам удавалось успешно задерживать шпионов, диверсантов и контрабандистов. При этом Евгений Васильевич подчеркивал особую важность такой информации при подготовке сопредельного государства к агрессии против нашей страны. В этом случае, в дополнение к закордонным источникам, важно иметь еще оперативные группы разведорганов пограничных войск для действий в тылу противника.

В подтверждение своих суждений он приводил многочисленные примеры из успешных действий подобных групп на территории Маньчжурии при разгроме японской Квантунской армии в августе 1945 года.

Подобного рода встречи с ветераном пограничной разведки позволяли Григорию Ивановичу еще глубже проникнуть в сущность ведения разведывательных и иных действий на территории, контролируемой противником, использовать их в своих научных трудах, и если понадобится — то и на практике.

Под руководством такого наставника Григорий Иванович шаг за шагом превращался в настоящего генератора идей в вопросах не только использования оперативных сил и средств в охране государственной границы, но и деятельности разведорганов пограничных войск на территории, контролируемой противником. Не забывал Григорий Иванович и своей слабости — развития тактики партизанской борьбы, поддерживал теплые, дружеские связи со своим первым учителем Ильей Григорьевичем Стариновым, который в ту пору трудился над историей партизанского движения в годы

Великой Отечественной войны в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Именно в этот период появились такие работы Григория Ивановича, как «Разведка в охране государственной границы», «Пограничники — участники партизанской борьбы в годы Великой Отечественной войны», «Партизаны Смоленщины», «От спецназа к партизанской борьбе» и ряд других оригинальных работ.

Но особый след в творческой биографии Григория Ивановича оставила монография «Партизанская борьба в современных войнах». Это был довольно объемный труд с многочисленными иллюстрациями и приложениями, который стал настольной книгой специалистов в области партизанской борьбы, а также разведчиков и контрразведчиков. Она до сих пор востребована в учебных заведениях органов безопасности.

Не случайно эта яркая, самобытная фигура молодого ученого, преподавателя-новатора обратила на себя внимание Харитона Игнатьевича Болотова — первого начальника КУОС, когда он занялся подбором преподавателей на курсы. Но обо всем по порядку.

## Глава VI

# КУОС — судьба моя

Так часто любил выражаться Григорий Иванович, связывая всю свою дальнейшую службу в органах безопасности с подразделением, где не только воплотились его творческие замыслы, но и наиболее ярко вырисовывалась цель его жизни.

Идея создания специального учебного подразделения в составе КГБ СССР зрела давно. Реализуя уроки, сделанные в ходе Карибского кризиса 1961 года, и продолжая совершенствование структур для действий в тылу противника во время войны, руководство страны и КГБ пришло к выводу, что слабым местом в этом деле, несмотря на наличие кадровой бригады особого назначения (ОБОН) в составе КГБ, является подготовка руководителей и заместителей руководителей групп специального назначения органов безопасности, предназначенных для действий в глубоком тылу противника. Прорабатывалось несколько вариантов: организовать специальные курсы на базе одного из полков ОБОН (например, Ленинградского или Алма-Атинского); создать их при одном из учебных заведений КГБ; сделать их автономными, с подчинением органам внешней разведки.

Приняли вариант, предложенный первым заместителем Председателя КГБ СССР генералом армии Цвигуном Семеновом Кузьмичем, куратором внешней разведки, — создать их при Высшей школе, головном учебном заведении КГБ, имеющем исходную учебную базу, преподавательский состав и условия для размещения.

Так было положено начало созданию легендарных курсов совершенствования офицерского состава (КУОС) КГБ СССР.

Местом дислокации была утверждена лагерная база Высшей школы в Подмосковье.

Первым руководителем КУОС после необходимых согласований был назначен полковник Харитон Игнатьевич Болотов — участник Великой Отечественной войны, ветеран разведывательных органов пограничных войск. Он родился 10 октября 1919 года. В 1939 году был призван на военную службу, отдав ей более 42 лет. С 1944 года, после серьезного ранения и излечения в госпитале — на оперативной работе, на которой прошел все ступени, до начальника разведотдела пограничного отряда. Один из авторов этой книги помнит Харитона Игнатьевича с 60-х годов прошлого столетия на преподавательской работе в Московском высшем командном военном училище, где он окончательно сформировался как ас пограничной разведки. Харитона Игнатьевича всегда отличали высокий профессионализм, дисциплинированность, выдержка, хладнокровие, исполнительность, умение работать с людьми.

Видимо, эти и другие положительные качества Харитона Игнатьевича убедили руководство КГБ СССР назначить его на должность начальника КУОС.

Принялся за порученное дело полковник Болотов с огоньком, пригласив в качестве своих ближайших помощников полковников Александра Александровича Арфанова с кафедры оперативно-тактической подготовки и полковника Григория Ивановича Бояринова с кафедры тактики и оперативного искусства пограничных войск Высшей школы. Знания и опыт этих признанных профессионалов в области борьбы с разведывательной и иной подрывной деятельностью противника на нашей территории и действиями подразделений органов безопасности во вражеском тылу были как никогда кстати.

Харитона Игнатьевича руководство ПГУ КГБ предупредило, что первые наборы слушателей на КУОС (их было сделано четыре) будут носить экспериментальный характер. Поэтому он и его боевые помощники смело принялись за разработку учебного плана и программ обучения, удовлетворен-

ные тем, что в эти документы в процессе обучения можно будет вносить необходимые поправки и дополнения и таким образом доводить их до кондиции.

Дело спорилось. Вскоре Александр Александрович и Григорий Иванович доложили Харитону Игнатьевичу проекты основных документов по организации учебного процесса на курсах. Он их внимательно изучил, внес некоторые поправки и после обсуждения в узком кругу специалистов доложил руководству ПГУ. Там их рассмотрели, дополнили рядом положений и утвердили. Особенно ценные предложения внесли начальник отдела «В» ПГУ генерал-майор Виктор Михайлович Владимиров и его помощник полковник Борис Иванович Пономарев.

Через некоторое время прибыл первый набор слушателей и курсы стартовали. Но не все на первых порах ладилось. То со стрельбищем возникали накладки, то полигонные занятия срывались, то лекторы из Москвы задерживались. Но постепенно, по мере сплочивания коллектива и утряски отдельных нестыковок, все становилось на свои места и КУОС уверенно обретал характер специального учебного подразделения. Это позволило стабилизировать учебный процесс и даже наладить систему полевых занятий, завершающихся комплексным оперативным учением.

Первый выпуск КУОС не стал комом. Наоборот, он вселил в руководство курсов и преподавателей уверенность в правильности избранного направления подготовки обучаемых — агентурно-оперативная и диверсионная работа в тылу противника и полевая выучка обучаемых.

Опыт, полученный на первом наборе слушателей, позволил в последующем избежать досадных издержек.

Григорий Иванович в ходе начального становления КУОС постепенно приобретал не только навыки профессионала-наставника, но и организатора учебного процесса. Харитон Игнатьевич стал поручать своему заместителю ряд ответственных оперативных заданий. Вспоминается, например, случай, когда в 1968 году Григорию Ивановичу было поручено возглавить подготовку при КУОС оперативных групп

органов безопасности для действий на территории Чехословакии в период ввода туда войск стран Варшавского договора. Григорий Иванович фактически стал заместителем руководителя этих сборов генерал-майора Шевченко, который высоко оценил профессиональные и организаторские качества своего старательного коллеги.

Харитон Игнатьевич с удовлетворением отмечал, что вокруг него постепенно формируется коллектив преподавателей-единомышленников, создаются первые учебные и методические пособия, крепнет материально-техническая база. Словом, сбывалась мечта первооткрывателя — неизведанная ранее земля становилась обетованной.

В свою очередь Григорий Иванович был доволен тем, что его боевое крещение на этих уникальных курсах состоялось, что он обрел здесь необходимые навыки и умения и был готов двинуться дальше, сделать больше и лучше.

Наступил 1969 год. Международные позиции Советского Союза укреплялись, несмотря на то, что во Вьетнаме еще полыхала американо-вьетнамская война, а на Ближнем Востоке не утихала конфронтация Израиля с арабскими государствами. Ширилось национально-освободительная борьба в Лаосе, Камбодже, Мозамбике и Анголе.

В этой обстановке руководство страны и КГБ предпринимали ряд мер по укреплению обороноспособности нашего государства. Совершенствовались органы внешней разведки.

19 марта 1969 года было подписано Постановление Совета Министров СССР о создании Специальных курсов КГБ. Зашифрованное наименование КУОС — курсы усовершенствования офицерского состава. В почтовой переписке использовался адрес — войсковая часть 93526. Этот день принято считать днем рождения этого самобытного учебного подразделения, хотя справедливости ради надо сказать, что оно ведет свою историю с осени 1966 года.

Начальником КУОС был назначен полковник Г.И.Бояринов, зрелый ученый и опытный организатор, который под руководством Харитона Игнатьевича Болотова обрел все необходимые качества руководителя на новом витке разви-

тия КУОС. Полковник Болотов с его согласия полностью переключился на оперативный профиль подготовки слушателей.

С чего начинался новый этап в деятельности КУОС? Если отвечать коротко, то с закрепления нового, более комфортно-го места дислокации в Подмосковье, увеличения срока обучения на курсах до 7 месяцев, развития новых профилей подготовки и материально-технической базы.

Именно этот десятилетний период существования КУОС (1969–1979), по мнению авторов книги, считается наиболее плодотворным в деле подготовки оперативных подразделений органов безопасности для деятельности в тылу противника и яркой страницей в боевой биографии Григория Ивановича Бояринова, его предпоследней атакой на жизненные бастионы. Поэтому авторы в своем повествовании уделили основное внимание освещению именно этого периода неутомимой деятельности Григория Ивановича, завершившегося его уходом в бессмертие.

Когда Григорию Ивановичу под руководством первого начальника КУОС полковника Харитона Игнатьевича Болотова доверили перерабатывать программу обучения слушателей с 5-месячным сроком обучения, он первым делом окунулся в изучение опыта прошлых войн, участия в них зафронтовых оперативных групп органов безопасности. В его памяти остались отдельные эпизоды такой деятельности из времен Отечественной войны 1812 года, Первой мировой и Гражданской войн и особенно Великой Отечественной войны, в которых в тылу противника действовали не только отдельные разведчики-диверсанты, но и многочисленные подразделения. Поэтому первым делом он принялся за подробное изучение исторического наследия в области применения оперативных групп органов безопасности на территории, контролируемой противником.

На основе ранее полученных знаний в Военном институте и адъюнктуре Военной академии им. М.В.Фрунзе, дополнительного изучения многочисленных источников перед Григорием Ивановичем раскрылась широкая картина историче-

ского прошлого, из которого можно было почерпнуть многое для действий подразделений органов безопасности в тылу противника в современных условиях.

Действительно, еще действия партизан Дениса Давыдова в 1812 году доказали не только возможность, но и необходимость применения небольших, мобильных отрядов в тылу противника. Эту же мысль подтвердили оперативные группы органов военной контрразведки русской армии во время Первой мировой войны. Они глубоко проникали в тыл немецких войск, добывали ценные разведывательные данные и успешно совершали многочисленные диверсии.

Гражданская война, с ее совершенно иным содержанием противоборства и маневренным характером боевых действий, придала новый облик действиям подразделений органов безопасности на территории, контролируемой противником. Во-первых, они стали более массовыми и, во-вторых, отличались разнообразием форм и способов выполнения поставленных задач. В последующем эти изменения, рожденные на полях Гражданской войны, были блестяще подтверждены во время Великой Отечественной, когда в тылу немецко-фашистских войск, под руководством 4-го управления НКВД и 4 подразделений на местах, действовали 2222 оперативные группы органов безопасности и в их составе было несколько тысяч одиночных разведчиков и диверсантов.

Послевоенный период ознаменовался поиском новых форм руководства и действий оперативных групп органов безопасности в тылу противника. Они постоянно изменялись и совершенствовались.

Так, на смену культа зарубежных акций против государственных изменников и предателей пришел период планомерного становления организованных действий подразделений органов безопасности в тылу противника накануне и в ходе войны.

Поначалу, с мая 1946 года, организаторские функции в этом отношении возлагались на отдел «ДР» МГБ СССР во главе с бывшим начальником 4-го управления НКВД СССР во время Великой Отечественной войны генерал-лейтенантом

Павлом Анатольевичем Судоплатовым. По его словам, в задачу отдела входила организация специальных действий в тылу ряда зарубежных государств. Несколько позже, постановлением Политбюро от 9 сентября 1950 года № 77/309, отдел «ДР» был расформирован, и на его базе было создано Бюро № 1 МГБ СССР (приказ МГБ СССР от 28 сентября 1950 года № 00532) с функциями ведения разведывательной и диверсионной работы за границей. Деятельность Бюро № 1 ограничивалась отдельными зарубежными акциями против некоторых лиц и важных объектов в течение 1950–1953 годов.

После слияния в апреле 1953 года МГБ и МВД Бюро № 1 было ликвидировано. А 30 мая 1953 года приказом МВД СССР № 00318 был создан 9-й (разведывательно-диверсионный) отдел для выполнения особо важных задач за рубежом. Но он просуществовал недолго. После ареста Л.П.Берии был арестован и П.А.Судоплатов, бессменный руководитель этой структуры на протяжении 12 лет. Функции 9-го отдела были переданы в 12-й отдел Второго Главного управления (внешняя разведка) МВД СССР (с сентября 1953 года). Задачи 12-го отдела были значительно расширены — от ведения разведки на территории потенциальных стран-агрессоров и совершения диверсий на важных стратегических объектах противника до совершения актов террора в отношении наиболее активных противников Советского государства.

После создания в марте 1954 года Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР 12-й отдел прекратил свое существование. Его задачи были возложены на вновь организованный 13-й отдел при ПГУ (внешняя разведка) КГБ СССР. Работа 13-го отдела за рубежом стала более профессиональной и выверенной. Отдельным акциям стала предшествовать более тщательная разведка объектов и маскировка их под случайные происшествия. Стало больше уделяться внимания подготовке кадров для действий в тылу противника в случае войны. Деятельность 13-го отдела положила начало планомерной подготовке подразделений органов безопасности для выполнения задач в тылу противника.

Белась активная разведка важнейших объектов на территории потенциальных противников, готовились их подробное описание и соответствующие кадры.

В октябре 1966 года 13-й отдел был преобразован в отдел «В» (на правах управления) ПГУ КГБ СССР. В деятельности отдела происходит ряд изменений. Принимается решение «законсервировать» ряд зарубежных резидентур диверсионной направленности, начать подготовку мест базирования оперативных групп и закладки крупномасштабных тайников за границей, а также подготовку руководителей и заместителей руководителей оперативных групп (к этому времени относится и создание КУОС при Высшей школе КГБ СССР).

В военное время на базе отдела «В» предполагалось развертывание Управления специальных операций, которое должно было руководить оперативными группами органов безопасности на важнейших стратегических направлениях. Не надо забывать, что в то время шла так называемая «холодная война», порождавшая множество очагов политической и военной напряженности. Вокруг нашей страны были расположены в непосредственной близости сотни военных баз НАТО. Остро стояла задача — поставить под прицел стратегические объекты НАТО, а в особый период нейтрализовать их. Кадры для оперативных групп предполагалось готовить на базе Отдельной бригады особого назначения (ОБОН) и КУОС.

Отдел «В» ПГУ возглавил кадровый разведчик, руководитель ряда резидентур за рубежом генерал-майор Виктор Михайлович Владимиров, под руководством которого были разработаны первые программы подготовки оперативных работников для Московского, Ленинградского, Киевского, Краснодарского, Алма-Атинского, Ташкентского и Хабаровского учебных центров.

Много полезного позаимствовал Григорий Иванович из этих программ для КУОС. Прежде всего, он уяснил, что программа подготовки будущих руководителей и заместителей руководителей групп специального назначения должна носить комплексный характер, где на первое место должна быть поставлена разведывательная и контрразведывательная подготовка.

Основатели Спецкурсов КГБ с самого начала рассматривали их не только как Учебный центр и кузницу квалифицированных командирских кадров на особый период, но и как подразделение специальных операций. Недаром некоторые товарищи расшифровывали аббревиатуру КУОС как: «команда универсального офицерского спецназа». Как сила специальных операций КУОС успешно использовался в последующих кризисных ситуациях за рубежом. Эти факты хорошо известны всем. Так что решение о создании КУОСа было своевременным и дальновидным, и жизнь доказала его правильность.

С подобного рода подходом к содержанию программы Харитон Игнатьевич и руководство отдела «В» согласились, но в то же время высказали обеспокоенность, кто это будет осуществлять. Посоветовались с руководством отдела «В» ПГУ КГБ СССР, командованием Высшей школы КГБ, при которой сначала обосновался КУОС до выделения в самостоятельную структуру, и пришли к выводу, что поначалу это надо осуществлять силами профессорско-преподавательского состава кафедры № 3 и других кафедр Высшей школы и постепенно подбирать кандидатов на замещение штатных должностей КУОС.

Особую сложность представлял подбор преподавателей, специалистов по агентурно-оперативной работе. Григорий Иванович внес предложение подобрать их как из числа преподавателей Высшей школы, многих из которых он хорошо знал, так и из опытных оперативных работников практических подразделений. Так и поступили. На КУОС стали преподавать Б.Ф.Баранов, А.А.Говоров, Ф.С.Быстряков, А.А.Драга, В.В.Назаров, а позже, из числа практиков и прошедших переподготовку на КУОС — П.И.Ницев, А.А.Набоков, Л.И.Корольков, Я.Ф.Семенов, В.Н.Овсянников, В.П.Рябов.

Именно об этих пионерах, утверждавших на КУОС приоритет агентуриста-разведчика и контрразведчика, настало время рассказать подробнее.

Удачно вписался в коллектив КУОС старший преподаватель спецдисциплин Высшей школы КГБ, а впоследствии

один из заместителей Григория Ивановича полковник Александр Афанасьевич Говоров, участник Великой Отечественной войны, сотрудник военной контрразведки «Смерш» с 1943 года. Защитник Сталинграда, профессионал-контрразведчик с охотой передавал свой боевой опыт слушателям КУОС. На лекциях и практических занятиях у него всегда находился подходящий пример по успешным действиям оперативных групп органов безопасности в тылу противника, заканчивающийся поучительными выводами. Он был прекрасным собеседником и старшим товарищем, всегда доступным для общения со своими молодыми коллегами.

Он любил рассказывать, какую роль сыграли в пленении, а затем в пресечении попыток фашистов освободить фельдмаршала Паулюса в Сталинградской области военные контрразведчики, как они сумели разоблачить и обезвредить на фронте сотни гитлеровских шпионов и диверсантов, в том числе государственного изменника Таврина, который пытался со своей помощницей Шиловой проникнуть в Москву и устроить террористический акт против Верховного Главнокомандующего Советскими Вооруженными Силами И.В.Сталина. И всегда на всех занятиях и в беседах у него ведущую роль играли агенты — добровольные помощники органов безопасности, истинные патриоты нашего Отечества.

Ценил Григорий Иванович Говорова и как талантливого автора многих лекций и учебных пособий, его способности мыслить масштабно, перспективно.

Слушатели КУОС с уважением относились к своему преподавателю. Когда он появлялся перед ними, возникал тихий шепот: «Идет «смерть шпионам». И Александр Афанасьевич оправдывал их доверие, старался донести до сердца каждого из них любовь к профессии чекиста-агентуриста.

По-отечески любил Григорий Иванович и выпускника Высшей школы КГБ и КУОС Якова Федоровича Семенова. Его удивительная биография предлагается вниманию читателя.

Яше Семенову не было и года, когда его отец Федор ушел на советско-финляндскую войну. Затем он сражался с фаши-

стами во время Великой Отечественной войны и погиб в 1942 году. В конце июня 1941 года Яша вместе с матерью и другими жителями приграничных деревень Северной Карелии был эвакуирован в Архангельскую область. Там в 1943 году умерла мать. Яша вернулся в Карелию только летом 1944 года. Его взяла на воспитание бабушка по отцу Анастасия. Яша рос трудолюбивым мальчиком, помогал бабушке по хозяйству, хорошо учился. В аттестате за среднюю школу имел только одну четверку. Был чемпионом Лоухского района по лыжным гонкам, имел 1-й спортивный разряд, занимался в драмкружке, пел в школьном хоре.

В 1957 году поступил в Петрозаводский государственный университет на лесоинженерный факультет. Материально ему помогал младший брат отца Михаил, несмотря на то, что у него самого была большая семья: жена и четыре дочки.

Студенческие годы Якова прошли под девизом: «Первый в спорте, лучший в учебе!» Все пять лет он входил в сборную университета по лыжным гонкам, а с 1962 по 1964 год бегал за сборную Карелии по биатлону.

Памятным для молодого специалиста явился 1967 год, когда ему предложили работу в органах безопасности.

Получив основательную специальную и языковую подготовку в стенах Высшей школы КГБ (он хорошо знал французский и финский языки), Яков Федорович был назначен преподавателем специальных курсов.

За годы учебы в ВКШ сдал кандидатские экзамены и поступил в адъюнктуру.

Впоследствии его судьба складывалась так. Наступил 1979 год, непростой период в жизни нашего государства. В разгаре была «холодная война», упорное противостояние двух великих держав — СССР и США, выливавшееся в миллиардные расходы, борьбу за сферы влияния, стремление западных держав взорвать Советский Союз изнутри, создать тревожную обстановку на его границах, в том числе в Средней Азии. В качестве «узла противоречий» и плацдарма против СССР США и их союзники по НАТО избрали Афганистан, бедную страну с полуфеодальными порядками, неустойчи-

вым государственным строем и большими запасами полезных ископаемых. Советскому руководству нужно было принимать срочные меры по упреждению попыток стран Запада, прежде всего США, утвердиться в этой стране и превратить ее в противника СССР. Было решено начать решительные действия с глубокой разведки политической, экономической и военной обстановки в Афганистане, быта, нравов и обычаев населяющих его народов. Одновременно предпринимались шаги по политической и дипломатической линии, которые сводились к укреплению взаимоотношений нашего государства с демократическими силами Афганистана, пришедшими на смену королевской власти, приобщению вооруженных сил молодой республики к практике Советской армии, оказанию Афганистану экономической помощи.

Усиление разведки предусматривало главным образом ее активизацию с позиции советского посольства, а также использования под соответствующим прикрытием специальных подразделений. Одним из таких подразделений явилась группа «Зенит», созданная КГБ СССР летом 1979 года. В ее задачу входила тщательная разведка политического и экономического положения в стране, расположения важных государственных и военных объектов в столице Афганистана — Кабуле и его окрестностях, возможностей силовых структур государства.

Эту группу и возглавил начальник КУОС полковник Григорий Иванович Бояринов. Большая часть зенитовцев и Г.И.Бояринов вернулись в Союз в конце августа 1979 года, а к убытию в Афганистан готовилась уже другая группа — «Зенит», в которую и вошел Яков Федорович.

Прибыв в Кабул 17 сентября 1979 года, группа Семенова быстро освоилась с обстановкой и приступила к тщательному сбору сведений об интересующих нашу разведку объектах. Поддерживая постоянную связь с советским посольством, группа сумела установить полезные контакты с нашими специалистами, работающими в Афганистане в соответствии с заключенными экономическими соглашениями, журналистами и некоторыми представителями афганской общественности.

Визуальное наблюдение и установленные контакты позволили группе в относительно короткий срок не только собрать необходимые сведения, но и оценить сущность происходящих в Афганистане политических и экономических процессов.

В аналитической записке, подготовленной Я.Ф.Семеновым, был сделан вывод, что к осени 1979 года антиправительственные вооруженные выступления нашли поддержку у населения в большинстве провинций страны.

Видимо, эти сведения, наряду с другими материалами, заставили советское руководство усилить противодействие проамериканским силам в Афганистане и пойти на решительные шаги по оказанию помощи прогрессивным силам страны.

В органах безопасности СССР это выразилось в активизации внешней разведки в Афганистане и соседних с ним регионах. Ее суть состояла в том, чтобы внезапными действиями нескольких спецподразделений создать необходимые условия для прихода к власти в Афганистане прогрессивных сил.

Важнейшей составной частью специальной операции было овладение дворцом Тадж-Бек, в котором располагался глава государства Амин.

По настоянию Григория Ивановича Якову Федоровичу было поручено возглавить группу «Зенита» в количестве 30 человек и совместно с группой «Гром» Михаила Романова при поддержке «мусульманского батальона», укомплектованного выходцами из Среднеазиатских республик, внезапными действиями изолировать Амина.

Дворец Тадж-Бек был крепким орешком. Подходы к этому отдельно стоящему сооружению хорошо просматривались, а стены могли устоять даже от обстрела мощных артиллерийских систем. Внутри здание представляло из себя сплошной лабиринт многочисленных комнат и коридоров, в которых даже в спокойной обстановке легко можно было заблудиться.

Охранялся дворец личной гвардией Амина, которая располагалась в трех казармах на расстоянии 800–1500 м от

дворца, и непосредственной охраной дворца. Подъехать ко дворцу можно было только по серпантину, преодолев три террасы. Охрана располагала несколькими танками, стрелковым и противотанковым оружием.

Ровно в 19.15 27 декабря 1979 года в центре Кабула группой Бориса Плешкунова был подорван коллектор правительственной связи, что послужило сигналом для начала действий остальных подразделений.

Чуть раньше этого взрыва группа «Зенит» на 3 БТРах под прикрытием «шилок» устремилась ко дворцу. Я.Ф.Семенов был в первой машине. Все три машины попали под плотный огонь крупнокалиберного пулемета, который находился у торца здания.

Первая машина пробилась в «мертвую зону», вторая была подбита и сгорела (погиб зенитовец Борис Суворов, остальные были ранены, двое тяжело). Во втором БТРе находилась группа под командованием Александра Титовича Голубева. Бойцы из второй и третьей машин, прикрывая друг друга плотным огнем, проскочили в «мертвую зону». Замыкающим был БТР, где находился Г.И.Бояринов. Шквальный огонь из дворца заставил штурмующих спешиться и на минуту залечь. В это время группа «Гром» на 6 БМП начала выдвигаться к дворцу вслед за группой «Зенит».

Григорий Иванович видел, как Яков Федорович повел своих товарищей в атаку. Уже в первые минуты боя и «Зенит», и «Гром» понесли потери.

По паролю «Миша-Яша» зенитовцы и громовцы объединялись и в дальнейшем действовали совместно. Вскоре они пробились к лестнице, ведущей на второй этаж, где находился Амин. Вперед вырвалась группа Семенова: сам Яков, Виктор Анисимов, Сергей Голов, Виктор Карпухин, Эвальд Козлов и Александр Плюснин. Чуть позже к ним присоединились Александр Карелин и Нурик Курбанов. В ход пошли гранаты. И вдруг среди автоматных очередей раздался со стороны бара женский крик: «Амин! Амин!» Зенитовцы бросились вперед и рядом с площадкой второго этажа, у стенки бара, обнаружили мертвого Амина.

А в это время у входа во дворец на руках у зенитовца Александра Иващенко умирал его командир, наставник и боевой друг — Григорий Иванович Бояринов, умирал как солдат, с автоматом в руках...

Еще один оперативный работник, подобранный Григорием Ивановичем на преподавательскую должность, оставил в его душе заметный след. Речь пойдет о Льве Ивановиче Королькове. Это офицер, обладающий не только человеческим обаянием, но и являющийся человеком смелым и решительным. Он подкупал слушателей умением спокойно и рассудительно оценивать оперативную обстановку, делать из нее правильные выводы, намечать наиболее эффективные мероприятия и проводить их в жизнь.

Лев Иванович всегда исповедовал правило: «Делай, как я!» И когда дело дошло до плановых прыжков с парашютом, он попросил разрешения у Григория Ивановича прыгнуть вместе со слушателями. Тот, немного подумав и оценив значение личного примера в таком неординарном деле, ответил: «Мягкого приземления, Лев Иванович!» Но не так все просто на практике.

Когда Ан-2 взмыл в воздух и набрал высоту, Лев Иванович услышал сзади: «Пошел!» и, оттолкнувшись от корпуса самолета, шагнул в бездну, случилось непредвиденное. Стропа перехлестнула купол парашюта, в результате чего тот сложился пополам. Корольков стремительно приближался к земле. На площадке все замерли, ожидая трагической развязки. Дело в том, что за два часа до этого на глазах у слушателей разбился солдат, у которого не раскрылся парашют. Но Лев Иванович не растерялся. Видя, что его попытки сбросить стропу с купола не дают результата, он в этой сложной обстановке пошел на раскрытие запасного парашюта, тот раскрылся и все окончилось благополучно. Неудача не поколебала желания Льва Ивановича прыгать и прыгать, и судьба была благосклонна к нему еще много лет.

Однажды Лев Иванович, зайдя в кабинет Бояринова, откровенно сказал ему:

— Хочу вернуться на живую оперативную работу, Григорий Иванович, и прошу вашего согласия.

— Желание похвальное, но как вы там будете без нас? — спросил Григорий Иванович.

Действительно, Лев Иванович сросся с коллективом, стал одним из его заметных членов, не мог жить без систематических стрессовых ситуаций, которые были свойственны учебному процессу на КУОС.

— И все же постарайтесь, Лев Иванович, еще раз спросить себя: все ли взвешено до конца. Если так — возражать не буду.

Через некоторое время Корольков уже летел в одно из дальневосточных управлений, куда его давно влекла беспокойная чекистская служба. Трудился старательно, имел несколько поощрений от руководства, переписывался с друзьями на КУОС. Но что-то внутри подсказывало ему: «Лев Иванович, а все же КУОС с одуванчиками парашютов, горными реками, длительными переходами по тылам противника, постоянной сменой обстановки, наверное, и есть твое настоящее призвание?» И он решил твердо — возвращаюсь.

В Подмосковье Льва Ивановича встречали радушно, как своего заблудшего сына, но всем сердцем прикипевшего к этому небольшому, но скрепленному настоящей солдатской дружбой коллективу единомышленников.

Особое беспокойство у Григория Ивановича вызывала постановка на КУОС преподавания специальной тактики, впоследствии по совету одного из авторов этой книги переименованной в оперативно-боевую подготовку.

Действительно, руководителей оперативных подразделений органов безопасности для выполнения задач на территории, контролируемой противником, предстояло учить не только разведке и контрразведке в рассматриваемых условиях, но и способам воздействия на важнейшие объекты противника. Для этого необходимо было углубить их знания, умения и навыки по совершению налетов, устройству засад, оперативной топографии, огневой подготовке, радиоделу, парашютно-десантной и горной подготовке, физическому

единоборству. Предстояло использовать в этом отношении весь положительный опыт, имевшийся в чекистских учебных заведениях, и пойти дальше, с учетом новой политической и оперативной обстановки, складывающейся в мире.

Не обошлось без споров в поисках истины. Уже после первых выпусков КУОС в 1967–1969 годах стало ясно, что сводить действия подразделений органов безопасности только к силовому воздействию на объекты противника — это только одна сторона вопроса. Другая, не менее важная, на чем настаивал Григорий Иванович, — оперативная составляющая. Доказательством правоты данной точки зрения служило то неоспоримое обстоятельство, что ни одна боевая акция подразделений органов безопасности в тылу противника не обходится без тщательной его подготовки, прежде всего в области разведки и контрразведки, в частности в опоре на надежную агентуру.

Эту точку зрения Григория Ивановича активно поддерживали А.А.Арфанов, Б.Ф.Баранов, А.А.Набоков, П.И.Нищев, С.С.Конокотов, Л.Е.Колобков и другие преподаватели.

Застрельщиком специальной тактики (оперативно-боевой подготовки) на КУОС стал полковник Александр Александрович Арфанов, воспитанник пограничных войск, участник Великой Отечественной войны, ветеран кафедры оперативно-тактической подготовки Высшей школы КГБ. Он еще в период руководства КУОС Х.И.Болотовым внес ряд ценных предложений по комплексированию оперативных и боевых вопросов в учебном процессе КУОС. Особенно в ходе комплексных оперативно-боевых учений на местности. Помнится, как Александр Александрович, будучи посредником на одном из таких учений, мастерски организовал агентурное проникновение оперативной группы в здание администрации местных органов власти, а затем ночной налет на этот хорошо разведанный объект противника. На другом подобном учении он разработал фабулу по захвату на объекте противника представителя спецслужб противоборствующей стороны. Он и заместитель Григория Ивановича, его сослуживец по Военному институту МГБ и Высшей школе КГБ, полков-

ник Борис Федорович Баранов, кстати, оба кандидаты военных наук, были неиссякаемыми генераторами идей не только при разработке учебных программ и тематических планов, но и при составлении тактико-специальных занятий (ТСЗ) и упомянутых учений на местности.

Особенно удавалось это Александру Александровичу, прекрасному штабному работнику и хорошо эрудированному специалисту в области специальных действий подразделений органов безопасности в тылу противника. Эти качества полковник Арфанов приобрел еще в годы Великой Отечественной войны. Встретив войну на государственной границе, Александр Александрович не только извлек полезные уроки из первых боев с фашистами, но и затем воплотил их в схватках с фашистскими диверсантами. Закончив Военную академию им. М.В.Фрунзе с золотой медалью, он был назначен на преподавательскую работу в Военный институт МГБ СССР, готовящих кадры для Пограничных и Внутренних войск, где быстро приобрел заслуженный авторитет как специалист по борьбе с разведывательно-диверсионной деятельностью противника и специальными действиями наших подразделений в его тылу. На этой богатой основе развернулась его деятельность на КУОС, что весьма положительно было оценено Григорием Ивановичем.

Особенно тщательно разрабатывал Александр Александрович комплексные тактико-специальные занятия на местности в составе учебной группы по схеме: выход с исходной точки в заданный район, базирование, проведение отдельных оперативно-боевых действий и возвращение на базу. На ТСЗ группа, как правило, действовала при активном противодействии противника.

На ТСЗ уяснялась задача, оценивалась обстановка, затем руководитель оперативной группы (слушатель) принимал решение. В большинстве случаев его решение утверждалось преподавателем. В этом случае, если руководитель группы принимал упрощенное решение, оно не утверждалось. Необходимо было искать вариант решения, адекватный задаче и обстановке. Бывало и такое, что преподаватель (он же

посредник) отстранял руководителя группы от должности и назначал другого, требуя более тщательного подхода к выработке решения. Лишь после этого решение утверждалось. Надо сказать, что утвержденное решение не было догмой, а лишь руководством к действию. Разумное творчество на занятиях всемерно поощрялось.

Разработал Александр Александрович и цикл лекций: «Теория и практика управления оперативной группой в тылу противника».

Своеобразно складывались личные взаимоотношения у Григория Ивановича с Александром Александровичем. А дело было прежде всего в том, что в свое время полковник Арфанов был преподавателем оперативно-тактической подготовки у Григория Ивановича в Военном институте, а сейчас Александр Александрович стал подчиненным Григория Ивановича. К чести последнего, он никогда не подчеркивал этого, а строил свои отношения с Александром Александровичем как благодарный ученик с учителем. Более того, учитывая некоторые черты здорового тщеславия в характере Александра Александровича, Григорий Иванович стремился всегда поддержать его ценные предложения, похвалить и поощрить своего учителя. Это, кажется, устраивало обоих, и их совместная служба на КУОС протекала при сердечной симпатии и взаимном уважении.

Так складывалась иногда судьба настоящих солдат Отечества, которые, не помышляя о большой карьере, вносили свой посильный вклад в общее дело по укреплению безопасности нашей Родины.

«Мозговым трестом» считался на КУОС заместитель Григория Ивановича, его однокашник по Военному институту МГБ, полковник Борис Федорович Баранов, неиссякаемый остряк с казалось бы вечно приклеенной к губам сигаретой.

Григорий Иванович усмотрел в нем не только своего ближайшего помощника, но и основного идеолога в области полевой выучки слушателей, без которой немыслима оперативно-боевая деятельность подразделений органов безопасности в тылу противника.

Действительно, Борис Федорович был прекрасным организатором учебного процесса, непреклонным блюстителем выполнения распорядка дня, незаменимым координатором деятельности всех служб курсов, прекрасным дипломатом во взаимоотношениях КУОС с руководителями оперативных и обеспечивающих подразделений Комитета государственной безопасности, а также со структурами других министерств и ведомств.

Один из авторов этой книги вспоминает, чего стоила спартанская «полевая академия» Бориса Федоровича на своем примере.

Ему запомнилось, как после многокилометрового марш-броска, с постоянной опасностью столкнуться с «противником», слушатели наконец достигли места расположения оперативной группы. Предстояло, прежде всего, оборудовать укрытие (землянки). Заниматься этим после марш-броска было одно удовольствие, если бы не комары, которые ранним утром тучей налетали на каждого. Но когда сильно устаешь и перед тобой стоит задача в течение всего нескольких часов построить укрытие, то на комаров внимания не обращаешь, и дело спорится. Вот котлован готов, ребята уже заготовили бревна для наката. По углам укрытия ставятся столбы, сверху делается настил. Если прихвачена полиэтиленовая пленка, то она кладется сверху. Затем все это засыпается слоем земли. Сверху землянка аккуратно маскируется дерном. По радиации докладывается в Центр, что убежище в отведенные сроки оборудовано. Получается ответ, что группе надо временно укрыться в убежище, так как «в наш район заброшен карательный отряд «противника» для поиска группы». Вся группа во главе с командиром спускается в убежище и аккуратно закрывает вход. В это время другая группа слушателей, изображающая «карателей», выходит в район укрытия и пытается обнаружить его, но, к нашей радости, не находит. Довольные слушатели поднимаются из «схрона» наверх, и после короткого обсуждения всех достоинств и недостатков укрытия теперь уже мы берем на себя функции «карателей» и идем искать убежище другой группы.

Слушателям казалось, что после ночного перехода, тяжелой работы по обустройству «схрона» преподаватели дадут им возможность поспать хотя бы два часа. Однако не судьба. Поступает радиограмма, из которой следует, что надо провести разведку двух оборонных предприятий в ближайшем городке, а также заминировать мост через реку. Четыре человека переодеваются в гражданскую одежду и отправляются на разведку объектов, столько же — минировать мост. Командир группы с радистом и двумя сотрудниками остаются на базе.

Разведка объектов проводится по всем правилам. При подходе к ним слушатели с помощью бинокля определяют конфигурацию зданий и сооружений, фиксируют прибытие и убытие автомашин, железнодорожных составов и пытаются определить характер перевозимых ими грузов, а затем с помощью местных жителей уточняют характер продукции, выпускаемой на объекте. Для этого приходится слушателям пройти в город, потолкаться на базаре, в близлежащих магазинах, на почте. Самую ценную информацию они получают в «забегаловке», где полупьяные граждане ведут откровенные беседы. Через час-полтора слушатели уже имели исчерпывающую информацию об объекте. Можно было возвращаться на базу, но не такими были ребята. Им захотелось узнать об объекте «противника» гораздо больше. Решили «попижонить» и пробраться на объект, охраняемый ВОХРом. Вскочили на проходивший в сторону завода товарняк и уже через 5 минут были на объекте, где спокойно походили по территории завода. Задали несколько невинных вопросов встречавшимся сотрудникам предприятия и через час таким же путем выбрались с территории. Добрались до базы, составили отчет о проведенной разведке объекта, который по радиации отправили в Центр, и тут же замертво уснули в надежде поспать положенные два часа в сутки. Посланную нами информацию в Центр передали в местный райотдел КГБ, на территории которого находился завод. В последующем из райотдела поступило письмо, где высоко оценивалась наша «работа» и обещали сделать соответствующие выводы. Хотя

первая реакция руководства местного отдела КГБ была чрезвычайно негативная. Защищая «честь мундира», утверждали, что не верят в «сказки» о том, что спецгруппа могла проникнуть днем на хорошо охраняемый объект и у сотрудников режимного предприятия получить полную информацию о назначении завода и выпускаемой продукции. Пожалуй, еще более резкая реакция была только у руководства ВМФ СССР, когда там получили сообщение, что хорошо охраняемый многоэтажный подземный Командный пункт подводных сил ВМФ СССР «заминирован» и условно «уничтожен». Эту работу успешно осуществил слушатель Вячеслав Заволока. Забавно было слушать рассказ Вячеслава о том, как его после нескольких суток пребывания в лесу, пропахшего дымом от костра, помыли, побрили и одели в военную форму. После этого на руках вынесли из леса, поближе к автобусной остановке. Там он смешался с сотрудниками особо режимного объекта и сумел проникнуть на объект, где сразу попал на построение. А в строю, как известно, все знают, кто стоит слева и справа, и будут очень удивлены появлению нового и незнакомого человека. Вячеслав быстро оценил критически складывающуюся обстановку и нашел убежище в столовой. После многих приключений он смог, наконец, войти в подземный Командный пункт. Там он довольно долго ходил по этажам, пытаясь понять, где же находится командование Командного пункта, пока не увидел красную ковровую дорожку. Все ясно, подумал он, это верный демаскирующий признак. Заложил «взрывчатку и отравляющие вещества» и благополучно выбрался с объекта вечером с окончившими работу сотрудниками. Представляете, как нервничали ребята в лесу, ожидая своего товарища!

Не менее оригинален при проведении разведки объекта был и Игорь Гиоргадзе — будущий министр безопасности Грузии. Его, как и Славу Заволоку, ребята переодели в форму милиционера и вручили ему палку «гаишника». Игорь встал на дороге неподалеку от режимного объекта и у незадачливых водителей вместо денег получал нужную информацию, а им и невдомек было, что этот «зануда» не был заинтересован

в получении денег. Читая им «нотации», он заодно умело получил исчерпывающую информацию об объекте. Приходится только удивляться, насколько люди беспечно и легко делятся информацией о режимных объектах.

Через подобные разведоперации проходили все слушатели КУОСа.

Возвращаясь к нашим разведчикам, следует сказать, что поспать свои положенные два часа после разведки объекта, как они рассчитывали, не удалось. По радию получили сообщение, что база группы окружена «карателями» и приказано прорваться сквозь кольцо окружения в лес, расположенный в 5 километрах от базы. Быстро собираемся, и через пять минут слушатели уже на марше. В темноте подходим к указанному в радиограмме лесу и двигаемся в глубь массива. Но неожиданно охранение группы напарывается на засаду «карателей», и мы, отстреливаясь, отходим в район сбора. И хотя слушатели знали, что патроны холостые, а вместо гранат летят взрывпакеты, все равно уровень адреналина в крови резко подскакивал и от желания поспать не оставалось и следа. Но группа понесла потери. В основном пункте сбора оказалась половина разведгруппы, а на запасном появилось еще трое. Двое «погибли» в засаде противника. Что ж, на войне как на войне.

Преследование группы «карателями» проводилось строго в соответствии с планом занятий. Когда и где оно будет осуществлено, знали только посредники.

Решение на отрыв от преследования противника руководитель группы принимал самостоятельно и нес за это полную ответственность. «Карательную» функцию на учении выполняли солдаты отдельного взвода учебного обеспечения КУОС. Как правило, на одну учебную группу назначали отделение до 10 человек. Взвод имел свою программу подготовки к таким действиям. Занятия с солдатами вели преподаватели кафедры, готовя их к профессиональным действиям в роли «карателей». Надо сказать, что солдатами в подобных операциях всегда овладевал азарт, свои действия они старались выполнить образцово.

Если группа могла оторваться от преследования и благополучно выйти в район временной базы, она получала положительную оценку и, как правило, посредники в качестве поощрения сокращали маршрут на выход в район основного базирования. Группа встречала это решение с восторгом, понимая, что действия их были грамотными, а уровень физической подготовки достиг нужной кондиции. Это были только одни сутки действий группы в тылу противника.

В Григории Ивановиче удачно сочеталась высокая требовательность к подчиненным с человеческим, добрым отношением к окружающим людям. Характерный пример. Одна из групп слушателей, намучившись с многокилометровой переноской «раненого» бойца в виде муляжа, набитого песком, решила, как мы говорили, пойти на «военную хитрость».

Слушатели довольно часто прибегали к разного рода «военным хитростям». Посредники-преподаватели к этому практически всегда готовы. Поэтому воспитание и обучение в подобных случаях осуществлялось методическими приемами, то есть через вводные, которые на порядок сложнее предыдущего задания. Это вырабатывает устойчивое правило: дают преподаватели задание — надо выполнять. Учиться бывает очень трудно, а иногда на пределе возможного, что требует проявления воли, командирского характера.

Вот и наши слушатели закопали «чучело» в лесу, а по прибытии на базу в ходе доклада начальнику учений полковнику Бояринову сообщили, что «раненый» в дороге скончался от полученных ран, поэтому его «похоронили» со всеми почестями, а личные документы и вещи принесли для передачи родным.

Григорий Иванович спокойно выслушал доклад, не стал устраивать разноса. Он вынул из планшетки лист бумаги и зачитал «радиограмму» из Центра, в которой указывалось, что «погибший» сотрудник за проявленный героизм в боях с противником представлен к званию Героя Советского Союза. Далее сообщалось, что тело Героя необходимо доставить на родину для похорон со всеми полагающимися воинскими почестями. В связи с этим Центр просил указать основную и

запасную площадки для приема самолета. Пришлось ребятам, проклиная свою смекалку, возвращаться к своему чучелу, извлекать его из земли и нести на основной пункт сбора несколько десятков километров, да к тому же еще подыскивать две поляны, пригодные для приема самолета.

Делалось это неспроста. Во-первых, наглядно и доходчиво обучало тому, что раненый сковывает маневр спецгруппы. Во-вторых, учиться надо без послаблений. В реальной обстановке будет еще труднее. К преодолению трудностей надо быть готовыми.

Работая начальником кафедры и спецкурсов, Бояринов принимал активное участие в разработке и проведении занятий по всем дисциплинам. За этот период он не пропустил ни одного суточного выхода, учения или специального комплексного занятия, которые отрабатывались при любых погодных условиях, преимущественно зимой и весной. Всегда старался встретить учебную группу на конечном пункте, приободрить слушателей и уверял, что на следующих выходах будет легче.

«Академиком» оперативно-боевой деятельности подразделений органов безопасности в тылу противника на КУОС считался Анатолий Алексеевич Набоков. Бог наградил его не только статной фигурой и привлекательной внешностью, даром неподражаемого барда и весельчака, но и незаурядного мастера выполнения на занятиях различных тактических приемов, ориентирования на местности и выживания на «подножном» корму.

Григорий Иванович высоко ценил человеческие и профессиональные качества Набокова и поэтому поручал ему проведение наиболее сложных практических занятий, в том числе ночью. И не ошибался. Анатолий Алексеевич всегда их выполнял с блеском. Особенно ему удавалось быстро налаживать со слушателями человеческие контакты. Вспоминается такой случай. После многокилометрового ночного марша по лесисто-болотистой местности слушателей ожидал большой привал. До предела уставшие, промокшие, они стремились побыстрее пробраться к большому казану, где их ждал

отменный чай с дольками лимона. Здесь их встречал Анатолий Алексеевич и, старательно наливая черпаком каждому кружку чая, спрашивал:

— Ну что, дошли до точки, братцы? Вижу, что пришлось потрудиться и небо кажется с овчинку. Ничего, потерпите еще немного, а теперь доставайте свои запасы, и на душе станет веселее.

Слушатели в ответ лишь согласно кивали головами, сил не было никаких, но спустя всего несколько минут уже переходили к шуткам и розыгрышам.

— А лягушки на десерт будут, Анатолий Алексеевич? — спрашивали слушатели.

— Будут, — отвечал тот. — Можете и ужа попробовать, — отшучивался наставник.

Выросший в лесистой местности, Набоков с увлечением рассказывал слушателям премудрости ориентирования в незнакомых местах: если человек заблудился в лесу, он, к своему изумлению, может возвратиться в то место, где уже был. Дело в том, что человек при ходьбе делает правой ногой бóльший шаг, чем левой. Левша, естественно, наоборот. Или еще такие приметы. Мох обычно бывает на северной стороне деревьев, камней и других предметов. У недозревшей брусники красная сторона всегда повернута на юг, а белая на север. Перелетные птицы весной летят на север, а осенью на юг.

При передвижении по тылам противника, учил своих подопечных Анатолий Алексеевич, нужно соблюдать исключительную бдительность и осторожность. Он требовал на практических занятиях решения коротких вводных типа: «Вперед — растяжка, действуйте!» или «Нападение разведчиков на объект «противника» отбито, один из них — убит, ваше решение!»

Отличительной чертой Анатолия Алексеевича было стремление научить слушателей думать, творчески мыслить, находить выход из казалось бы безнадежного положения.

Однажды он, проводя занятия со слушателями по устройству ночной засады, предложил им выбрать место, где ее

можно было наиболее целесообразно организовать: на прямом участке дороги или на ее повороте. Многие решили вопрос с ходу — на прямом участке, тем более, что здесь с обеих сторон дороги кустарник близко подступал к проезжей части и можно было в короткие сроки устроить двустороннюю засаду. Казалось, все логично и обоснованно. И тогда Анатолий Алексеевич задал вопрос: «А все ли так думают?» Слушатель Игорь Дзедзюля, неторопливый, смекалистый оперативный работник из Курской области, ответил, что он думает иначе, а именно: в этом месте наиболее выгодно устроить трехстороннюю засаду, из которой противнику не так просто будет выбраться, а тем более организовать оборону. Ценную мысль слушателя Набоков поддержал и подтвердил это примером из опыта боевых действий вьетнамских партизан, когда они, устроив подобную засаду, силами всего восьми человек сумели нанести ощутимые потери пехотной роте американцев, которая выдвигалась для проведения карательной операции в район Сонгми.

Позже, уже в Афганистане в 1980 году, Анатолий Алексеевич проявил себя как настоящий профессионал. Руководя в спецотряде «Каскад» подразделением «Урал», он не только сумел наносить по моджахедам внезапные, продуманные удары, но и не потерять при этом ни одного сотрудника. Недаром он заслужил там ласковое прозвище «Мастер удача».

С глубоким уважением относился Григорий Иванович и к преподавателю оперативно-боевой подготовки полковнику Леониду Ефремовичу Колобкову. Участник Великой Отечественной войны, воспитанник Военной академии им. М.В.Фрунзе, ученик Ильи Григорьевича Старинова, Леонид Ефремович удачно сочетал в себе черты требовательного, строгого наставника, интеллигента и доступного, задушевного человека. Слушатели ласково звали его «Леньчик», и он отвечал им взаимностью.

Характерной особенностью преподавательского кредо Леонида Ефремовича было стремление научить слушателей действовать не только в качестве руководителей оператив-

ных групп, но и как учителей подчиненных. Его любимой поговоркой было: «Учись сам и учись учить других». Поэтому на своих занятиях он стремился создавать такую обстановку, чтобы слушатели, принимая то или иное решение, думали, как воплотить его в жизнь, довести до сознания каждого исполнителя, научить повелевать людьми. Иными словами, руководитель оперативной группы, по его мнению, должен быть не только командиром, но и учителем своих подчиненных. Чувствовалось, что у Леонида Ефремовича была душа настоящего педагога, и это не могло не радовать Григория Ивановича.

Григорию Ивановичу удалось привлечь к работе на КУОС и склонного к педагогической деятельности, опытного практического работника Кекшоева Николая Николаевича. Этого аккуратного любознательного офицера отличали такие качества, как законопослушность, пунктуальность, исполнительность. Никто на КУОС, за исключением, пожалуй, преподавателя международного и административного права, кандидата юридических наук, полковника Сергея Сергеевича Конокотова, не знал лучше, чем Николай Николаевич, законы, уставы, постановления, приказы и другие нормативные документы, которыми должен руководствоваться каждый оперативный работник органов безопасности, тем более при выполнении задач в тылу противника.

Когда одного из авторов этой книги пригласили прочитать на КУОС лекцию по опыту деятельности спецслужб зарубежных стран в тылу противника, Николай Николаевич попросил дать согласие автора на издание лекции и постановку по ней видеофильма. Согласие было дано, и вскоре слушатели КУОС получили возможность шире использовать в учебном процессе опыт вероятного противника в изучаемой области.

Заметно выделялся Николай Николаевич среди других преподавателей редкой памятью и умением быстро устанавливать контакты с казалось бы недоступными людьми. Именно ему в 1978 году, по поручению Григория Ивановича, удалось договориться о встрече преподавателей и слушателей КУОС с ветераном внешней разведки, заместителем началь-

ника ПГУ КГБ СССР генерал-лейтенантом Вадимом Алексеевичем Кирпиченко, который выступил на КУОС с содержательной лекцией о проблемах внешней разведки в современных условиях, ответил на многочисленные вопросы, посетил лабораторную базу и библиотеку курсов, выразив свое удовлетворение увиденным.

Хорошо сознавал Григорий Иванович значение в учебном процессе слушателей КУОС минно-подрывного дела. С этой целью он решил пригласить в качестве консультанта и преподавателя своего первого учителя еще по Военному институту — Илью Григорьевича Старинова, кавалера двух орденов Ленина, Октябрьской Революции, пяти орденов Красного Знамени, орденов Отечественной войны I степени, Красной Звезды и «За заслуги перед Отечеством» IV степени, а также нескольких орденов иностранных государств и многих медалей, профессора, почетного сотрудника органов безопасности.

О себе Илья Григорьевич рассказывал кратко:

— Отец и мать из крестьян, от голода подались в путевые обходчики. Шестеро детей, я — старший. Вся семья жила в железнодорожной будке. На фронте оказался в 18 лет, пошел добровольцем, был пешим буденновцем...

Гражданская война, оставив на теле Ильи Григорьевича несколько рваных отметин, закончилась для него в 1921 году в Батуми. Подготовившись самостоятельно по математике и физике, сдал как бывший гимназист на «отлично» вступительные экзамены в Воронежскую школу военно-железнодорожных техников, которую окончил с отличием, затем — служба в полку.

Глубоко запал в душу юноше такой боевой эпизод. Есть в 70 километрах южнее Орла железнодорожный мост через реку Свапа. Мост небольшой, длиной всего 50 м, но имевший важное оперативное значение. Вывод его из строя мог надолго парализовать движение по важной железнодорожной магистрали Харьков—Москва, в том числе маневр около десятка бронепоездов, которыми располагала деникинская армия. Это обстоятельство блестяще использовала разведывательно-диверсионная группа 9-й стрелковой дивизии, которая суме-

ла в ночь на 4 октября 1919 года, т.е. в самый напряженный период боевых действий на юге страны, взорвать мост и прервать по нему движение на 12 суток. Это был серьезный удар по группировке Деникина, рвущейся к Москве. Молодой боец подумал тогда, что можно, оказывается, усилиями небольшой группы воинов нанести серьезный ущерб целому войску противника. Эта мысль затем превратилась в жизненное правило, боевое кредо Ильи Григорьевича Старинова и определила его дальнейший путь служения Отечеству. Он решил изучить минно-подрывное дело самым доскональным образом.

С осени 1923 года Илья Григорьевич учился в Ленинградской школе военно-железнодорожных техников. В 1924 году в качестве командира роты участвовал в строительстве железной дороги Орша—Лепель. Так у него в жизни и повелось: то взрывал железную дорогу, то восстанавливал ее.

В 1929 году был привлечен к подготовке диверсантов-подпольщиков в киевской школе Кочегарова, предназначенных для вывода из строя железнодорожных участков в случае оккупации противником нашей территории.

Затем служба в отделе Главного разведуправления при Генштабе Красной Армии. В этот период активно работал над созданием на территории Советского Союза баз для того, чтобы в случае нападения противника быстро организовать массовое партизанское движение в тылу врага.

В то время, по словам Старинова, исходили из того, что в случае нападения противника его войска, перейдя границу и углубившись на советскую территорию, выйдут на укрепленные районы и увязнут в позиционной войне. В тылу врага в это время развернется партизанская война. Войска противника, лишившись через некоторое время свежего пополнения, подвоза боеприпасов и продовольствия, будут вынуждены отступать. Вместе с противником, как предполагалось, отойдут и партизанские формирования, продолжая осуществлять диверсии в его тылу. Это была достаточно хорошо продуманная система, рассчитанная как на оборону, так и на наступление. Базы создавались как на территории Советского Союза, так и вне ее.

Но, пожалуй, самым знаменательным событием в этот период жизни Ильи Григорьевича было его знакомство с известным военным инженером, профессором, начальником кафедры Военной академии им. М.В.Фрунзе Дмитрием Михайловичем Карбышевым.

Их первая встреча состоялась весной 1929 года, после того, как Илья Григорьевич написал две статьи для журнала «Война и техника». Дмитрий Михайлович, который был членом редколлегии журнала, очень радушно встретил своего молодого коллегу и посоветовал еще раз проверить выводы на практике, без всяких условностей, которых не будет на войне. Прощаясь, Дмитрий Михайлович крепко сжал руку молодого инженера и уверенным голосом сказал: «Желаю вам больших успехов. Верю, что вы их добьетесь».

Путь ко второй встрече был нелегким. Он лежал через горы Испании и снега Финляндии.

В 1936 году самым популярным лозунгом среди миллионов людей на планете стало выражение: «Но пассаран!» («Не пройдут!»).

Этот клич стал девизом республиканской Испании, вступившей в схватку с фашизмом, и воинов-интернационалистов, пришедших ей на помощь.

Весной 1937 года положение республиканских войск на Южном фронте продолжало ухудшаться. Фалангисты, имея достаточно растянутые коммуникации, тем не менее, продолжали непрерывно снабжать свои войска живой силой, техникой и боеприпасами. Из разведанных стало известно, что мятежники особо остро нуждаются в железной дороге на Пособланко.

С целью срыва на какой-то отрезок времени перевозок по этой дороге было решено вывести из строя тоннель на участке Пеньярроя—Кордова. Тоннель был длинный, более километра.

Вначале эту задачу пытались решить силами диверсионной роты. Рота, потеряв большую часть своего состава, все же подавила охрану и осуществила подрыв входной части тоннеля. Через два или три часа движение было восстановлено, а

охрана усилена. Операция оказалась бесполезной: погибли люди, затрачена исключительно дефицитная для республиканцев взрывчатка.

В условиях этой тяжелейшей обстановки командующий Южным фронтом Перес Салес поставил задачу по выводу тоннеля из строя партизанам, советником и инструктором у которых был И.Г.Старинов («Рудольфо»).

Для решения задачи была впервые в боевых условиях применена так называемая схватываемая мина самодельной конструкции, испытанная Ильей Григорьевичем еще в 1932 году под Киевом в полигонных условиях.

Изготовленная из старых автомобильных покрышек мина была установлена за 150–180 метров перед тоннелем, прямо на глазах у машиниста. Шел мощный грузовой состав, двойной тягой. Передний паровоз, зацепив сцепным устройством мину, поволок ее в тоннель. Разведчики-диверсанты начали забрасывать вагоны бутылками с зажигательной смесью. Горящий эшелон с грузом вооружения и взрывчатки скрылся в тоннеле, где в соответствии с расчетом сработала мина, раздался сильный взрыв, поезд сошел с рельсов, закупорив тоннель.

Эшелон с боеприпасами и военной техникой горел и взрывался в течение нескольких суток. Для ликвидации огня охрана несколько раз пыталась закрыть входные и выходные ворота тоннеля. С тушением пожара ничего не получилось. И так несколько раз: откроют — горит, снова закроют. Пожар бушевал до тех пор, пока все не выгорело. Тоннель оказался заваленным, путь ремонту не подлежал. Надо было все менять, укрепляя тело и обшивку тоннеля. Перерыв в движении составил более 7 суток.

Такого успеха никто не ожидал. Вся операцию провели 9 разведчиков-подрывников, затратив около 20 килограммов тротила. Об этой операции долго писали все зарубежные корреспонденты, а самое главное — Южный фронт республиканцев получил так остро необходимую передышку. Подразделение разведчиков-диверсантов было признано командованием Республиканской армии как особо эффективное воинское формирование. С этого момента начинается ускоренный

процесс организации спецформирования, выросшего в конечном счете в 14-й партизанский корпус.

Об И.Г.Старинове становится известно Франко. Последний дает задание по его ликвидации. Однако исполнить это франкистским террористам не удается — партизаны приняли самые надежные меры по охране и защите своего советника.

Известен и второй эпизод из испанской биографии И.Г.Старинова.

...Темной мартовской ночью 1937 года группа подрывников под руководством «Рудольфо» скрытно проникла в тыл противника и заминировала полотно железной дороги, по которой фашисты подбрасывали к линии фронта боеприпасы, вооружение и личный состав. Быстро установив под рельсы две мины, тщательно замаскировав их, подрывники стали наблюдать за магистралью. Вскоре грохот приближающегося к заминированному участку поезда смешался с двумя оглушительными взрывами.

Как позже установила разведка, под откос был пущен воинский эшелон со штабом и техническими специалистами итальянской авиационной дивизии, спешившими на один из кордовских аэродромов. Ни один из четырехсот фашистов не уцелел! Писатели Илья Эренбург и Михаил Кольцов, посетившие вскоре после завершения операции отважных минеров, назвали ее «Салютом республике».

Затем последовали еще более дерзкие налеты на вражеские коммуникации в районе Пособланко, Монтеро, Бельмеса, Талаверы, Сарагоссы. Писатель Эрнест Хемингуэй совершил с «Рудольфо» три рейда в тыл франкистов, чтобы увековечить память о таких, как он, в романе «По ком звонит колокол». Более года вел «Рудольфо» борьбу в тылу мятежников. Десятки вражеских эшелонов были пущены под откос. Во много раз больше было уничтожено фашистских автомашин с грузами, взлетели в воздух около сотни мостов, были выведены из строя многие линии связи. Таков был скромный вклад «Рудольфо» и его боевых друзей из отряда капитана Доминго в общее дело борьбы с мутной волной фашизма, захлестнувшей Европу.

И вот снова Родина. Как много хотелось поведать после возвращения Дмитрию Михайловичу! Ведь Испания была для Ильи Григорьевича той школой, где он на практике мог проверить советы своего учителя. Но судьба распорядилась по-своему.

В конце 1939 года разразилась война с белофиннами. Полковник Старинов был назначен начальником специальной группы Ленинградского фронта по разминированию. Финны не жалели мин. Некоторые устройства оказались довольно сложными. Долго бились специалисты, возглавляемые Ильей Григорьевичем, над тайнами их разминирования, пока не облекли свой нелегкий и опасный труд в первую инструкцию по обезвреживанию мин — важного военного козыря белофиннов.

Но пока инструкция доводилась до войск, группа дни и ночи трудилась в передовых частях. Так было и 11 февраля 1940 года, в день начала штурма главного оборонительного рубежа противника — линии Маннергейма, — когда полковник Старинов отправился с группой минеров проделывать проходы в минных полях противника в полосе Выборгского шоссе. Вражеский снайпер подстерег отважного минера и двумя пулями раздробил правую кисть руки Ильи Григорьевича. Пришлось около двух месяцев пролежать в госпитале. И только весной 1941 года, в Западном особом военном округе, Илья Григорьевич вновь встретился с Дмитрием Михайловичем. Это была необычная встреча. По указанию Генерального штаба Красной Армии несколько опытных военных специалистов, в том числе Д.М.Карбышев и И.Г.Старинов, выехали на нашу западную границу для проверки степени готовности наших оборонительных сооружений, в том числе Брестской крепости, к ведению боевых действий. Илье Григорьевичу выпала доля проверить их в полосе 4-й армии, в том числе на участках 88-го Шепетовского и 17-го Брестского пограничных отрядов, а Дмитрию Михайловичу — севернее, в полосе 10-й армии.

О многом тогда сумели поговорить эти мудрые люди: об Испании и Финляндии, о нависшей над нашей Родиной угро-

зой фашистского нападения, о боеготовности нашей армии. «Ну что же, Илья Григорьевич, теперь вам и карты в руки», — улыбнувшись, сказал Карбышев. Но похвала учителя, хотя и смутила Илью Григорьевича, была все же приятна и ко многому обязывала. «Дмитрий Михайлович! Вы ведь в свое время бывали в Бресте. Не можете ли помочь мне в одном деле?»

Действительно, еще по Первой мировой войне Дмитрий Михайлович хорошо помнил этот район. И хотя прошло почти двадцать пять лет с тех пор, как генерал был последний раз в старинной крепости, он прекрасно помнил детали, которые нельзя было найти ни в справочниках, ни на картах. В этот вечер Дмитрий Михайлович дал много полезных советов полковнику, которые существенно помогли ему в проверке боеготовности наших оборонительных сооружений.

«Может, еще свидимся, Илья Григорьевич», — сказал на прощанье генерал. Но это была последняя встреча Ильи Григорьевича со своим учителем. Вскоре генерал был уже в Белостоке, в штабе 10-й армии, а полковник — в Кобрине, в штабе 4-й армии. После этого Илья Григорьевич сумел еще побывать у пограничников 88-го и 17-го отрядов. Их начальники майор А.С.Зиновский и майор А.П.Кузнецов получили от него ряд полезных советов по дооборудованию опорных пунктов пограничных застав, устройству заграждений и подготовке путей маневра резервов. Как оказалось впоследствии, это очень пригодилось пограничникам. Так для Д.М.Карбышева и И.Г.Старинова началась Великая Отечественная война.

Много трудных боев выпало на долю бойцов и командиров 10-й армии, в составе которой находился генерал Карбышев. Они дрались в окружении, часто без пищи и достаточного количества боеприпасов, но мужественно, шаг за шагом пробивались к своим на восток. 3 августа 1941 года, когда цель, казалось, была уже близка и впереди лишь оставалась голубая лента Днепра, отряд, с которым отходил генерал, попал в засаду. Вражеским снарядом Дмитрий Михайлович был ранен и контужен и в бессознательном состоянии захвачен в плен, где до конца дней своих он оставался негнимоносимым российским патриотом.

А в это время на смоленском и рославльском направлениях действовала оперативно-инженерная группа под командованием полковника Старинова. Она не только минировала дороги, но и делала глубокие вылазки в тыл врага. Не случайно противнику на преодоление расстояния от Орши до Смоленска в 115 километров потребовалось около месяца.

Но если западное направление было первым боевым креплением минеров под руководством И.Г.Старинова, то аттестатом их зрелости явилась «Харьковская операция».

В конце сентября 1941 года приказом Наркома обороны была создана особая оперативно-инженерная группа при Военном совете Юго-Западного фронта, на которую была возложена задача по минированию мест скопления живой силы и боевой техники противника на подступах к Харькову и в самом городе. Начальником группы был назначен полковник И.Г.Старинов, а его помощником — талантливый военный инженер, специалист по установке радиомин Владимир Петрович Ястребов. За двадцать дней минеры установили несколько тысяч мин, из которых более трехсот мин замедленного действия и мин с радиовзрывателями.

Для одной из радиомин в Харькове был выбран особняк на улице Дзержинского, 17. Дом был примечателен тем, что в нем в разное время по «преемственности» проживали первые лица государственно-партийного аппарата Украины. В начале 30-х годов прошлого столетия в нем жил секретарь ЦК КП(б) Украины С.В.Косиор, позже — секретарь Харьковского обкома партии А.А.Епишев. В октябре 1941 года в особняке жил Н.С.Хрущев. Он выехал из здания в последний день пребывания наших войск в Харькове.

В подвальной части здания были подсобные помещения и небольшая котельная. Очистив ее от угля, минеры вскрыли пол, отрыли глубокий, более двух метров, колодец. Извлеченную землю аккуратно ссыпали в мешки. Установили в колодце заряд большой мощности и радиовзрыватели. Антенну вывели через трубу камина на чердак дома. Затем в котельной установили ложную мину — «блесну». Эта мина была установлена тоже профессионально. Немецкие саперы

при ее разминировании обнаружили, что электрические батареи, подключенные к взрывателям, отсырели и разрядились. Невдомек им было, что разряженными их установил специально Илья Григорьевич.

Генерал-лейтенант фон Браун, естественно, поостерегся въезжать в заминированный город и, дожидаясь разминирования, поселился в небольшом домишке на окраине Харькова. Внимание немецких квартирмейстеров привлек особняк на улице Дзержинского. В подвале особняка саперы заметили в груде угля едва заметный проводок. К концу следующего дня саперы разминировали мину, насыщенную различными дублирующими и подстраховывающими друг друга взрывателями и замыкателями. Капитан Гейден немедленно поехал к генералу фон Брауну и доложил о разминировании особняка.

Позднее, в Воронеже, И.Г.Старинову как руководителю операции пришлось пережить неприятный момент. Разведка фронта добыла приказ немецкого командования, в котором сообщалось, что в Харькове обнаружены и обезврежены русские мины и среди них — мины замедленного действия с часовыми замыкателями и электрохимическими взрывателями. К копии приказа, доставленного Илье Григорьевичу, была приколота немецкая сопроводительная записка: «Эти легко обнаруживаемые и обезвреживаемые мины устанавливались под руководством полковника Старинова». Фашисты сделали это специально, по личному указанию Гитлера, чтобы эта информация дошла до руководства, в надежде, что подручные Сталина сами уберут нашего минера. И это была действительно реальная угроза для Ильи Григорьевича. А затем пришло новое известие: из полуподвала особняка по улице Дзержинского фашисты извлекли особо сложную мину, и теперь в доме располагается начальник Харьковского гарнизона генерал-лейтенант Георг фон Браун — дядя изобретателя ракет ФАУ. На все претензии руководства Илья Григорьевич отвечал, что фашисты извлекли «блесну». Он очень тяжело переживал эту ситуацию.

Приказ на взрыв радиомин (их установили не только в особняке Брауна) пришел только 13 ноября 1941 года. В ночь



Григорий на Украине. 14 лет



На лагерных сборах, г. Черкассы,  
октябрь 1940 г.



Деревня Сукромля. Гриша в кругу родственников. 1930-е годы



Перед окончанием училища  
и отправкой на фронт. 1941 г.



С одноклассником по училищу.  
Лето 1940 г.



С родителями и братом Михаилом. 1945 г.



С земляком-победителем. Украина, 1945 г.



Надпись на обороте: «Моим любимым жене Валентине и сыну Игоречку  
от верного вам, с мыслями о вас на зеленом Порккала.  
20 октября 1944 г., ОГПУ, НКВД»



Слушатель 2-го курса института МГБ



Валентина Сергеевна. 1943 г.



Валентина Сергеевна  
и Григорий Иванович



Сыновья — Игорь и Андрей  
Бояриновы, 1959 г.

Кандидат военных наук,  
доцент ВКШ. 1960-е годы



Легендарный генерал-лейтенант  
Павел Анатольевич Судоплатов



Б.И.Васюков и Г.И.Бояринов



А.И.Цветков, Г.И.Бояринов и В.М.Саньков на объекте



И.Старинов в Гражданскую войну



И.Старинов после возвращения  
из Испании



К.Е.Ворошилов и И.Г.Старинов с командирами подразделений на учении



И.Старинов. Киев, 1920 г.



И.Старинов в госпитале после ранения  
на Финском фронте. Лето 1940 г.



И.Г.Старинов передает свой опыт ангольским партнерам



Г.Бояринов, А.Набоков, В.Казаченко и К.Барсегян на учениях.  
Голицыно, 1967 г.



Почетный караул на открытии памятника И.Г.Старинову



На открытии музея-класса в Академии ФСБ РФ  
в 101-ю годовщину со дня рождения И.Г.Старинова



Группа слушателей в учебном центре ВДВ готова к посадке в самолет



Генерал-майор  
Александр Иванович Лазаренко



Полковник  
Иван Григорьевич Заливакин



Полковник  
Борис Федорович Баранов



Подполковник  
Михаил Алексеевич Пантелеев



Полковник  
Харитон Игнатьевич Болотов



Полковник  
Александр Александрович Арфанов



Полковник Ф.С.Быстряков — страший посредник по противнику,  
готов к разбору этапа учений

П.И.Нищев  
на инструктаже  
афганцев



П.И.Нищев  
с «зенитовцами»  
в Афганистане.  
Лето 1979 г.



П.И.Нищев с учебной группой после отработки упражнений  
на боевом полигоне. 1975 г.



Г.И.Бояринов, И.Г.Старинов и И.Г.Заливакин  
со слушателями на учениях в Подмоскowie. 1967 г.



Г.И.Бояринов, А.Н.Ботян и Ф.С.Быстрянов на учениях в Подмоскowie. 1972 г.



Г.И.Бояринов и Л.И.Нищев у главного корпуса. 1974 г.



Г.И.Бояринов с преподавателями кафедры ОТП на объекте. 1974 г.

на 14 ноября начальник инженерных войск Юго-Западного фронта генерал-майор Невский вместе с начальником отдела инженерного управления фронта майором Черновым и Стариновым, прихватив строго засекреченные шифры, поехали на Воронежскую радиостанцию широкого вещания. В 3.15 радиоминам послали первый сигнал, последний — около 6 утра. Самолет-разведчик сфотографировал разрушенные объекты, и члены Военного совета смогли убедиться, что радиомины взорвались с большим эффектом. Подробности же взрыва мины на улице Дзержинского сообщил Старинову попавший в плен немецкий капитан Карл Гейден, занимавшийся разминированием «дома Хрущева».

Радиомины успешно подорвали не только штаб 68-й дивизии на улице Дзержинского вместе с Георгом фон Брауном, но и клевету пропагандистов вермахта о плохих русских саперах.

Специальная операция «Западня», проведенная группой полковника Старинова в Харькове, стала первой ласточкой в истории войн. Произошедшее было весьма серьезным, да к тому же и гибель фон Брауна нельзя было скрыть. Доложили Гитлеру, который поинтересовался, как погиб генерал.

Кейтель: «Радиомина, мой фюрер».

Гитлер взорвался: «Кейтель, какая чушь! В роте, в полку не имеют радиосредств, а радиомины есть?»

Кейтель: «Мой фюрер, это так».

Далее вопрос был адресован Канарису: «Кто и когда работал в России радиомину?»

Канарис: «Испытательный образец радиомины был изготовлен для морского ведомства харьковским профессором Пильчиковым накануне Первой мировой войны. Немецкая разведка пыталась осуществить его вербовку сразу после революции, но он от нашего предложения отказался. Агент-боевик его ликвидировал. Далее работу над радиоминой продолжал инженер Бекаури. Но в 1938 году пал жертвой молота репрессий. В настоящее время работу по проекту «Радиомина» ведет инженер Файнберг...»

Прервав Канариса, фюрер спросил: «Кто он: немец, еврей?»

Руководитель абвера уточнил: «Еврей».

Гитлер: «У нас есть радиомины?»

Канарис: «Нет, мой фюрер».

Гитлер: «Сколько потребуется времени для их изготовления?»

Шахт: «Минимум 3 месяца необходимо для изготовления образца».

Гитлер: «Хорошо, через 3 месяца покажите мне образец».

Через 3 месяца Гитлеру предъявили два образца радиомин.

Гитлер: «Теперь мы можем поставить их на поток?»

Шахт: «Это можете решить только вы, мой фюрер».

Гитлер: «Почему?»

Шахт: «На ее изготовление требуется столько платины, серебра, золота, вольфрама и молибдена, что для нас это непосильно. Если Вы разрешите использовать эти металлы, с таким трудом получаемые через Швецию, то техническое задание будет выполнено».

Фюрер, обращаясь к Кейтелю: «Какое значение имеет мина для хода и исхода войны: тактическое, оперативное или стратегическое?»

Кейтель: «Тактическое, мой фюрер».

Гитлер: «Тогда поставим ее на поток, когда «Норильский никель» будет у нас, и массово применим радиомины в США. Ведите НИОКР и о результатах докладывайте мне каждые 6 месяцев. А кто исполнитель операции?»

Канарис: «Старинов».

Гитлер: «Кто такой?»

Канарис: «Участник гражданской войны в Испании, полковник. Пленные характеризуют его как высококвалифицированного специалиста».

После этого Гитлер поручил Геббельсу разработать дезинформационные материалы по компрометации Старинова и передать их русской контрразведке.

Не обошлось и здесь без курьеза. После войны Старинов увидел в Харьковском музее фотоснимки разрушений ряда объектов, в том числе особняка на ул. Дзержинского, штаба

Украинского военного округа, якобы разрушенных партизанами-подпольщиками. Правда была восстановлена только через 20 с лишним лет, 6 февраля 1963 года, после публикации статьи писателя Овидия Горчакова в «Известиях».

В декабре 1941 года полковник Старинов прибыл на Южный фронт в качестве начальника инженерно-оперативной группы Ставки Верховного Командования, приданной 56-й армии, с задачами инженерной подготовки Ростова к обороне, организации диверсионных групп и руководства их деятельностью в тылу немцев в районе Таганрога и Мариуполя. В то время на подступах к Ростову тысячи горожан рыли три линии противотанковых рвов. Между ними нужно было соорудить минно-взрывные заграждения. Мин в Ростове было мало.

Для решения стоявших перед Стариновым задач требовалось, прежде всего, организовать в Ростове производство мин различных типов, особенно для партизан и диверсионных групп. Мины для этих целей должны быть «хитроумными», непонятными врагу. Важно было, чтобы они были безопасными при сборке, хранении и установке.

В обкоме партии Старинову порекомендовали наладить работу по изготовлению мин на базе мастерских Ростовского университета. Там ему порекомендовали помощником по организационно-хозяйственным и техническим вопросам Сергея Васильевича Гриднева, который оказался талантливым специалистом и хорошим организатором.

Работа была организована по следующей схеме: идеи в основном подавал Илья Григорьевич, чертежи разрабатывала конструкторская группа под руководством Гриднева, изготовлением деталей руководил технорук Иван Петрович Черницын, изготовление запалов выполняли доценты М.Г.Хапланов и А.А.Батырев.

Позже Илья Григорьевич вспоминал: «Рабочие экспериментальных мастерских были людьми необычными. Это был сплав ума, смекалки, трудолюбия и умения все делать быстро и хорошо. Рабочие, как правило, были высококвалифицированными, владели несколькими специальностями.

В результате мастерские выпускали в месяц до 15 тысяч мин различного типа».

Весной 1942 года Старинов впервые ставит перед военным руководством вопрос о создании специальных диверсионных частей для действий на коммуникациях противника. С этим предложением он обратился к командующему Калининским фронтом И.С.Коневу, который, положительно оценив идею, связался с начальником Генерального штаба А.М.Василевским и попросил его принять Старинова. Василевский дал добро на создание специальных диверсионных бригад и поручил Старинову возглавить первую из них — 5-ю инженерную бригаду специального назначения Калининского фронта. Из сотрудников Нахабинского полигона Илья Григорьевич отобрал командиров диверсионных групп. Он добился также откомандирования в бригаду командиров, с которыми служил под Харьковом и Ростовом, а также группу испанцев.

Затем Илья Григорьевич был назначен помощником начальника Центрального штаба партизанского движения по диверсии, а несколько позже — заместителем начальника Украинского штаба партизанского движения по диверсии.

Несколько раз находился в тылу фашистов главный минер украинских партизан. Он учил народных мстителей искусству побеждать врага малой кровью, наносить ему непоправимый ущерб грамотным использованием минно-взрывной техники, в том числе применением сконструированной им мины МС (мина Старинова). Это было сравнительно дешевое взрывное устройство в деревянном корпусе, которое практически невозможно было обнаружить миноискателем.

Со многими руководителями партизанских формирований его связывала не только общая партизанская судьба, но и личная дружба. Особенно крепкой она была у Ильи Григорьевича с командиром прославленного партизанского соединения, дважды Героем Советского Союза генерал-майором Алексеем Федоровичем Федоровым, который об этом тепло рассказал в своей книге «Подпольный обком действует», изданной в десятках стран мира. Летом 1943 года они вместе

детально разработали план блокады минно-взрывными заграждениями Ковельского железнодорожного узла, вынудив фашистов искать обходные пути для снабжения своих войск в северной части Украины. Под их руководством также были успешно проведены другие операции на коммуникациях противника, значительно снизившие переброску войск и грузов гитлеровцев в район Курской дуги.

Был Илья Григорьевич по-отечески влюблен в смекалестого, храброго командира Олевского партизанского соединения, бывшего пограничника Андрея Михайловича Грабчака, впоследствии Героя Советского Союза. Как-то летом 1943 года Грабчак поделился с прибывшим в его соединение полковником Стариновым своими мыслями взорвать важный железнодорожный мост через реку Убороть, недалеко от Олевска, на магистрали Брест—Киев. Мост усиленно охранялся с суши и воздуха. Но как это осуществить? И Илье Григорьевичу вспомнился эпизод из опыта войны в Испании, когда его минеры направили через приоткрытые ворота на склад горючих материалов вагонетку со взрывчаткой. Нечто подобное напрашивалось придумать и здесь. У партизан нашлись захваченные у фашистов две 250-килограммовые авиационные бомбы и сконструированная ими открытая железнодорожная мотодрезина. Решили погрузить бомбы на дрезину и направить ее на мост. Для усиления бдительности охраны на ней установили манекен в форме фашистского офицера, а на высоком древке — фашистский флаг. По замыслу партизан древко штандарта должно было зацепиться за ферму моста и привести в действие взрыватель. Так и произошло. Мост взлетел на воздух. На его восстановление фашистам потребовалось около недели.

Отгремели последние залпы Великой Отечественной войны, которую полковник Старинов закончил далеко за пределами Родины, в рядах югославских партизан. Илья Григорьевич возвратился в Москву и вскоре получил приглашение встретиться с начальником управления учебных заведений МВД СССР генерал-лейтенантом Соколовым Григорием Григорьевичем, которого Илья Григорьевич знал лично

еще до войны, как начальника Главного управления пограничных войск НКВД СССР. Во время беседы генерал Соколов рассказал Илье Григорьевичу об ошибках накануне войны в подготовке руководящих кадров для Пограничных войск, особенно по вопросам ведения партизанской борьбы, о намерении руководства министерства открыть на базе Высшей пограничной школы Военный институт и поставить в нем подготовку кадров на уровне требований современной военной и чекистской науки. Илья Григорьевич поддержал мысли генерала. И когда Григорий Григорьевич предложил ему занять должность начальника кафедры вновь организованного учебного заведения Пограничных войск, Илья Григорьевич, к тому времени уже кандидат технических наук, принял предложение с удовлетворением. Он посчитал за честь учить пограничников очень трудному, но крайне необходимому в условиях границы искусству — вести борьбу в тылу противника методами партизанской борьбы.

Здесь, в Военном институте, и состоялась первая встреча Ильи Григорьевича с одним из своих талантливых учеников — Григорием Ивановичем Бояриновым, который получил боевую закалку на Северо-Западном фронте в 288-й стрелковой дивизии и в 9-м пограничном полку. Когда зашла речь о написании дипломной работы, Илья Григорьевич без колебаний предложил пытливому ученику написать ее об участии пограничников в партизанской борьбе. Доверие учителя Григорий Иванович оправдал и блестяще защитил перед авторитетной комиссией диплом, основанный не только на глубоком анализе военно-политической обстановки в мире, точных расчетах, но и на личном опыте, полученном во время войны.

И вот Илья Григорьевич на КУОС, где проработал профессором много лет. Именно по инициативе Ильи Григорьевича для обучения слушателей технике минирования (разминирования) и подрыва объектов был оборудован на территории КУОС мини-полигон, а для практического выполнения работ — использован полигон одной из подмосковных воинских частей.

Он же оборудовал на КУОС специальную лабораторию — мастерскую для изучения минно-взрывной техники и изготовления слушателями в качестве зачетной работы самодельных взрывных устройств (СВУ) из подручных материалов.

Неиссякаемый на выдумки, фанатично влюбленный в свое дело прославленный ветеран учил слушателей самому опасному, но в то же время весьма эффективному искусству воздействия на объекты противника — их минированию (разминированию) и уничтожению. Когда у кого-нибудь из слушателей не ладилось дело с изготовлением СВУ, ему на помощь приходил Илья Григорьевич и личным участием помогал доводить устройство до конца.

В выполнении зачетного задания по изготовлению СВУ был двойной смысл: с одной стороны, слушатель учился, как это сделать из подручных средств, с другой стороны, он постигал умение распознавать признаки подготовки и применения СВУ противником. В этом не раз могли убедиться на собственном опыте выпускники курсов в Афганистане, а затем в Чечне.

Часто вспоминал Илья Григорьевич последнюю встречу с полковником Бояриновым, в ту пору начальником КУОС, где не одну сотню занятий со слушателями, вплоть до 1986 года, провел профессор Старинов. Это было в декабре 1979 года, перед второй командировкой Григория Ивановича в Республику Афганистан. Они крепко обнялись, и Григорий Иванович услышал из уст учителя только одну фразу: «Помни, Григорий, наш девиз — идти только вперед!»

Григорий Иванович создал на КУОС замечательную плеяду преподавателей минно-подрывного дела.

Наряду с Ильей Григорьевичем Стариновым, минно-подрывное дело преподавали Иван Григорьевич Заливакин, Борис Андреевич Плешкунов и Петр Иванович Нищев.

Заливакин запомнился своей крупной фигурой, доброжелательной улыбкой и особой требовательностью на занятиях.

Иван Григорьевич был примером для постоянного состава и слушателей КУОС: форма офицера — образцовая, граждан-

ская одежда — по моде, дача — двухэтажная, артезианский колодец — 160 метров глубиной, столярный инструмент, как у краснодеревщика, — уникальный, библиотека — обширнейшая. Всегда был при деньгах, хлебосолен, в обращении исключительно тактичен. Если кто-то попадал в трудное положение и надо было принять решение при многих неизвестных, то говорил: «Пойду посоветуюсь с «кладезем мудрости». Иван Григорьевич не отказывал в совете, но и никогда не поучал и не навязывал решения. Подводил к нему. Все ему за это были безмерно благодарны.

Иван Григорьевич был прекрасным воспитателем. Прорабатывая нарушителей дисциплины, говорил:

— Товарищи офицеры, не пейте водку стаканами, пейте коньяк небольшими рюмками и только по праздникам. Еще И.В.Сталин во время встречи с У.Черчиллем в 1942 году в Москве сказал, что выпить можно, но «Россию пропить нельзя». В ответ — легкий смех.

Но особым достоинством Ивана Григорьевича было то, что диверсионную подготовку он организовал с использованием всего арсенала табельных и нетабельных средств. Заливакин всегда проводил в жизнь принцип: командир оперативной группы должен владеть той техникой, которую ему придется применять в тылу противника.

В состав секции минно-подрывного дела входил техник-лаборант. Эту должность с самого начала функционирования КУОС занимал прапорщик Николай Николаевич Демченко. За годы работы со Стариновым и Заливакиным он приобрел целый ряд редких профессий — от химика до часовых дел мастера. Работал на токарных и фрезерных станках. Был универсалом в самом широком понимании этого слова.

На нем лежала обязанность по подготовке материальной базы к лекциям и практическим занятиям, в том числе к полигонным и полевым. Илья Григорьевич и Иван Григорьевич были скупы на похвалу, а Демченко боготворили.

Когда Демченко чем-то увлекался, Заливакин, пригласив его к себе, поначалу обращался: «Коля, голубчик». Ответа нет. Нарастание шло по форме: «Николай Николаевич».

Если и на это не было ответа, тогда Иван Григорьевич обратился к нему командным голосом: «Прапорщик Демченко!» Коля вырастал перед полковником.

Одаренным учеником Ильи Григорьевича Старинава был Борис Андреевич Плешкунов. Он удачно сочетал в себе качества наставника, диверсанта и оперативного работника. Эти драгоценные черты он проявил не только на преподавательском поприще, но и в боевой обстановке — при подрыве колодца связи 27 декабря 1979 года в Кабуле и во время оперативно-боевых действий в оперативной группе «Каскад» в Афганистане в 1980 году.

Родился Борис Андреевич 4 февраля 1937 года в Москве. Его отец погиб в Великую Отечественную войну в боях за Ржев. Закончив с золотой медалью среднюю школу № 608, поступил в Московский автодорожный институт. После окончания работал некоторое время на заводе в г. Рыбинск Ярославской области, а с 1961 года связал свою жизнь со службой в органах безопасности. В течение восьми лет он находился на оперативной работе, а затем был назначен преподавателем на КУОС, где впоследствии вырос до заместителя начальника курсов.

Григорий Иванович сразу оценил в нем такие ценные черты характера, как исполнительность, выдержку, спокойствие, глубокое знание тонкостей оперативной работы и диверсионной техники. Особенно Григория Ивановича привлекало кредо Бориса Андреевича: «Оперативные работники, будь то командир оперативной группы или его заместитель, должны при выполнении задач в тылу противника обращать особое внимание на разведку, агентурную и войсковую». В этом плане он был послушным учеником Ильи Григорьевича Старинава и Алексея Николаевича Ботяна. «Диверсант — это, прежде всего, хороший чекист», — не раз любил повторять это выражение Борис Андреевич слушателям КУОС.

Не случайно на него положился Григорий Иванович, комплектуя летом 1979 года для выполнения задач в Афганистане оперативную группу «Зенит-1», которая имела целью разведку важнейших объектов в Кабуле.

Особенно тщательно готовился Борис Андреевич к решающей операции в столице Афганистана в конце декабря 1979 года. К этой операции, проводимой под непосредственным руководством начальника управления «С» ПГУ КГБ СССР генерал-майора Ю.И.Дроздова, привлекались оперативные отряды КГБ «Гром» и «Зенит», подразделения ГРУ («мусульманский батальон»). Отряд «Зенит» должен был действовать в составе девяти групп во главе с наиболее опытными боевыми офицерами: дворец Тадж-Бек (Я.Семенов), Царандой (полиция) — Ю.Мельник, Генеральный штаб афганской армии — В.Розин, КАМ (военная контрразведка) — Р.Шафигулин, тюрьма — Ф.Коробейников, телеграф — В.Овсянников, колодец связи — Б.Плешкунов, почта — А.Пунтус, телецентр — А.Рябинин. Общим сигналом начала операции (ориентировочно в 19.15) должен был послужить подрыв колодца связи. Учитывая особую ответственность задания, Борис Андреевич готовился к нему продуманно и тщательно.

Григорий Иванович наблюдал, как в последние часы подготовки операции Борис Андреевич спокойно, без спешки комплектовал свой рюкзак: подготовил заранее рассчитанные заряды, тщательно уложил их, проверил и упаковал взрыватели, дополнительные принадлежности, провел заключительный инструктаж своей группы из девяти человек.

Бояринов не без грусти проводил на задание обе машины группы: УАЗ-469 и «Волгу».

События развивались по намеченному плану. Прибыв на место, подгруппа на УАЗ-469 остановилась у поста регулирования, другая на «Волге» — у гостиницы (на ней находился сам Плешкунов). Вот что поведал об этих минутах уже много лет спустя Борис Андреевич: «Колодец связи находился на многолюдной площади. Здесь располагались узел связи, пост Царандоя, банк, ресторан, кинотеатр. Прохожие постепенно покидали площадь. Стрелка часов приближалась к 19 часам. Необходимо было действовать. Сотрудник группы Хаятов, владеющий языком дари, покинул автомобиль и ушел, чтобы отвлечь внимание поста Царандоя. Под прикрытием трех сотрудников вышел из машины и я. Валерий Волох при

помощи самодельных щипцов открыл люк. Я с рюкзаком протиснулся в колодец, где наполовину была вода, и быстро установил заряды на уязвимые места объекта. Поставил взрыватель ровно на 19.15 и спешно покинул колодец. Сели в машины, окликнули Хаятова, который, войдя в роль, объяснил постовым, что идет проверка связи, и поспешили в исходное положение. Никто на командном пункте операции не ожидал такого скорого возвращения, и один из руководителей даже высказал сомнение, мол, все ли успели сделать. Но часы уже показывали 19.15. Прогремел мощный взрыв, Кабул остался без связи».

А продолжение боевой биографии Бориса Андреевича будет еще впереди.

Самобытной, колоритной личностью был на КУОС полковник Петр Иванович Нищев — один из достойных учеников Ильи Григорьевича Старинова. Он был не только опытным оперативным работником, воспитанником КУОС, но и ведущим преподавателем курсов, а затем его руководителем.

Родился Петр Иванович в 1938 году в Тамбовской области. В 1962 году с отличием окончил Харьковский автомобильно-дорожный институт и после окончания Высшей школы КГБ СССР в 1965 году был направлен на оперативную работу в Ивано-Франковск (Украина), где в течение девяти лет совершенствовал свое оперативное мастерство. С 1974 года — преподаватель, а затем старший преподаватель КУОС. В 1978 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук.

Григорий Иванович был доволен этим инициативным, думающим преподавателем, в котором явно просматривались задатки лидера (заглядывая вперед, отметим, что Петр Иванович стал впоследствии, в 1981–1983 годах, руководителем КУОС).

Занятия на КУОС под руководством Петра Ивановича всегда проходили на одном дыхании: будь то теоретические или практические занятия на полигоне, где слушатели видели конкретные результаты точности его теоретических расчетов по подрыву объектов. Слушателям нравилась его

открытая, прямая, доброжелательная, без сантиментов манера общения с ними. Речь его была богата народными присказками, неожиданными оборотами.

Крылатые выражения Петра Ивановича цитировались многими поколениями КУОС. А известный всем куосовец «Карась» (он же Сергей Григорьевич Климов) даже исписал целую тетрадь его высказываниями, которые зачитывал затем ребятам в свободные минуты на привалах, в автомашинах и т.д. Петр Иванович неоднократно пытался завладеть этой тетрадью, но безуспешно.

Кстати, надо сказать, что Сергей Григорьевич, проживающий сейчас в Луганске, замечательно поет, пишет стихи и подбирает музыку к своим стихам. Одна из его песен, написанная в Афганистане и посвященная маленькой дочери, особенно подкупает своей искренностью.

*В декабре зимы начало,  
В декабре дни рождения есть.  
Для кого декабрь — начало,  
Для кого — лебединая песнь.*

*В декабре меня кроха спросит,  
Потирая озябший нос:  
Папа, всем ли подарки приносит  
В новогоднюю ночь Дед Мороз?*

*В декабре есть еще одна дата,  
Без отметки на календаре.  
Я тебя целую как брата  
На кабульском чужом дворе.*

*Слезы радости, вспомни об этом,  
И друзьям своим растолкуй,  
Почему нам так дорог этот  
Неуклюжий мужской поцелуй.*

*В суете новогодней ночи  
Вспомни наш боевой «Зенит».  
Первый тост — за ушедших навечно,  
Тост второй — за ребят живых.*

И еще одним качеством обладал Петр Иванович — умением обобщать практический опыт действий оперативных групп в тылу противника и дальше развивать теорию их боевого применения. На основе изучения значительного количества архивных материалов, отечественного и зарубежного опыта он пришел к выводу, что борьба в тылу противника в современных войнах, в том числе применение в них подразделений органов безопасности, является объективной необходимостью и требует тщательной заблаговременной подготовки. Не случайно Григорий Иванович включил Нищева в состав авторского коллектива по разработке под руководством заместителя начальника 8-го отдела управления «С» ПГУ КГБ СССР полковника (впоследствии генерал-майора) А.И.Лазаренко монографии «Обеспечение безопасности и жизнедеятельности разведывательных групп», изданной в 1973 году. Эта книга хорошо известна в среде разведчиков и контрразведчиков. В ней глубоко разработаны такие вопросы, как сущность деятельности подразделений органов безопасности на территории, контролируемой противником, ее основные закономерности, принципы, направления, формы и способы деятельности подразделений органов безопасности в боевых условиях, обеспечение их безопасности и жизнедеятельности.

Еще два направления теоретических поисков Петра Ивановича ярко прослеживались в его многочисленных научных статьях, лекциях и учебных пособиях. Это разведка и оперативно-боевая деятельность. В этом смысле он пошел дальше своих учителей. В частности, в области агентурной разведки он считал необходимым более широко опираться на негласных помощников на территории противника. С этой целью он рекомендовал иметь в составе оперативных групп органов безопасности, засылаемых в тыл противника, специалистов-вербовщиков и агентов, подготовленных для непосредственного внедрения в спецслужбы и другие учреждения противника. В области оперативно-боевой деятельности Петр Иванович придерживался того мнения, что она должна включать в себя действия, мероприятия и специальные операции

(последние должны проводиться, как правило, с разрешения и поддержки Центра). Оперативно-боевая деятельность оперативных групп в тылу противника, утверждал Петр Иванович, должна носить комплексный характер и умело сочетать оперативные и силовые действия. Среди последних он отдавал предпочтение диверсиям, прежде всего без боевого проникновения на объекты противника.

Много полезного содержали советы Петра Ивановича в области применения подразделениями органов безопасности в тылу противника минно-взрывных средств, в том числе самодельных (СВУ).

Руководители КУОС — Харитон Игнатьевич и Григорий Иванович — хорошо понимали, что для сотрудников органов безопасности, действующих в тылу противника, очень важно умелое владение оружием, отечественным и иностранным, от пистолетов и пулеметов, до гранатометов и спецсредств всех типов. Оно должно быть основным средством самообороны и нападения. Это оружие в известной степени было уже освоено армейским спецназом. Предстояло обучить основам огневой подготовки и слушателей КУОС.

Было решено начать это беспокойное дело с подбора преподавателя на эту должность и создания материальной базы.

Подходящим кандидатом для этой цели оказался старший преподаватель кафедры оперативно-тактической подготовки Высшей школы КГБ, участник Великой Отечественной войны, в прошлом войсковой разведчик, мастер спорта по стрельбе, Федор Степанович Быстрыков.

Это был человек высоких боевых и человеческих качеств, веселый, жизнерадостный, мастер различного рода приколов и розыгрышей. Ему была свойственна фанатическая преданность преподаваемому предмету, сочетаемая с высокой дисциплиной и осторожностью при проведении стрельб. Более чем за тридцатипятилетнюю службу на этом поприще у него не было ни одного ЧП.

Сначала против привлечения Федора Степановича для проведения занятий по огневой подготовке на КУОС начальник кафедры оперативно-тактической подготовки Высшей школы

КГБ полковник Иван Иванович Москвичев не возражал. Но когда речь зашла о переводе Быстрякова в штаты КУОС, он заявил, что не позволит оголять кафедру. Пришлось Григорию Ивановичу применить все свое мастерство дипломата и однокашника Ивана Ивановича по Военному институту, чтобы получить его согласие на перевод Быстрякова.

Получив новое назначение, Федор Степанович с присущей ему энергией принялся осваивать новый участок. Начал он с создания материальной базы, которая стоила немалых средств, но она была крайне необходима — от оборудования тиров и аренды стрельбищ до приобретения самого оружия. Кирпичик к кирпичику создавал свое детище Федор Степанович. Разработал методические пособия, сконструировал специальные стенды материальной части оружия, изобрел специальные приспособления для контроля результатов стрельбы, систематически проводил соревнования. Занятия по огневой подготовке на КУОС стали настолько популярны, что многие слушатели отдавали ей значительную часть самоподготовки.

Федор Степанович был решительным противником пальбы в небо, наугад. Его любимая поговорка гласила: «Прицелился — стреляй!»

Большое внимание уделял Федор Степанович изучению баллистики и материальной части оружия, отечественных и иностранных образцов, а также устранению неисправностей при его применении.

И еще одно достоинство было у Федора Степановича. Он всегда учил слушателей правильно занимать положение для стрельбы, вести огонь из различных положений и обеих рук (это очень пригодилось его ученикам в Афганистане и других «горячих точках»).

При этом Федор Степанович щедро делился со слушателем своим фронтовым опытом применения оружия в сложных ситуациях. Например, он однажды рассказал слушателям, как чуть не стоила жизни схватка с фашистским верзилкой во время захвата «языка» в тылу противника. А дело было так. Разведгруппа Быстрякова получила приказ командира

полка: «Проникнуть в тыл противника и захватить важного «языка». Готовилась на этом направлении крупная операция наших войск. В назначенное время группа успешно преодолела передний край обороны противника и приступила к выполнению задачи. Сначала дело не ладилось. Никак не могли выйти на подходящий объект. Наконец, на тропинке, ведущей к блиндажу фашистов, показался рослый немец (как оказалось впоследствии, это был офицер) и с ним, ростом пониже, — другой. Решили брать первого, а второго — нейтрализовать. Когда Быстряков набросился на немца, стремясь его ошеломить, тот увернулся от удара и потянулся к пистолету. Еще мгновение — и грянет выстрел. Но Федор сумел предупредить фашиста. Его пуля ранила немца, и тот уронил пистолет. Завязалась борьба. Подхватив гитлеровца, разведчики стали отходить. Темнота сделала свое дело, и вскоре разведчикам удалось без потерь выйти в назначенное место и оказаться у своих. За захват фашиста, давшего ценные показания, Быстряков и сержант Малахов были удостоены медали «За отвагу». Кстати, это была уже вторая такая медаль у Федора Степановича. Первую он получил за первого «языка» полгода тому назад.

Федору Степановичу было свойственно чувство юмора, умение разыгрывать своих товарищей даже на первый взгляд в несложной ситуации. Преподаватели КУОС хорошо помнят, как однажды во время прыжков с парашютом близ г. Городок, где дислоцировалась Витебская воздушно-десантная дивизия, Федор Степанович встретил нескольких фронтовых ветеранов войны, с орденскими планками. Разговорились. Ветеранам импонировала беседа с боевым офицером, тоже участником войны. По древней традиции Федор Степанович угостил фронтовиков и попросил их, чтобы при следующей встрече они приветствовали его как участника освобождения Витебска от фашистских захватчиков. Через несколько дней Федор Степанович появился перед фронтовиками в сопровождении Бориса Ионовича Васюкова, руководителя цикла физической подготовки КУОС.

— Здравствуйте, Федор Степанович!

— Здравствуйте, мужики, а откуда вы меня знаете?

— Как же, Федор Степанович, вас все в городе знают как нашего освободителя.

Услышав такое от совершенно посторонних людей, Борис Ионович, обращаясь к Федору Степановичу, признался, что он до сих пор не верил, что его коллега действительно такая известная личность.

Надо признать, что хотя он неоднократно и «горел» у начальства за свои «художества», преподаватели и слушатели нескольких поколений уважали и любили его.

Каждому оперативному работнику, действующему в тылу противника, хорошо известно, какую роль в успешном выполнении поставленных задач в этих условиях играет надежная связь оперативной группы с Центром, и прежде всего по радио. Это хорошо понимал и Григорий Иванович, когда составлял программу изучения радиодола и подбирал преподавателя для этой цели. Остановился на кандидатуре подполковника Михаила Алексеевича Пантелеева, ветерана органов безопасности, до самозабвения влюбленного в радиотехнику. Пантелеев был надежным человеком, собранным и пунктуальным. В короткий срок он укомплектовал КУОС радиосредствами, разработал методические пособия, создал при помощи своих старательных и инициативных помощников — Анатолия Ивановича Бражникова и Александра Аркадьевича Соловьева — образцовую лабораторию связи. Основное внимание он уделял практической работе слушателей на радиостанциях, начиная с азбуки Морзе (к концу обучения некоторые слушатели уже могли передавать до 40 групп шифрованного текста в минуту), кончая новейшими образцами техники.

Готовя себе смену, Михаил Алексеевич остановил свой выбор на двух кандидатах — подполковниках Альберте Сергеевиче Евглевском и Михаиле Лаврентьевиче Оканове, одобренных Григорием Ивановичем.

Первый на своих занятиях со слушателями стремился максимально увязывать возможности радиостанций с реальной обстановкой, складывающейся в тылу противника. Он

добивался от обучаемых, чтобы они грамотно выбирали место и время ведения радиосеансов оперативной группы с Центром, были готовы в любой момент заменить радиста или обучить основам радиодола своих подчиненных.

Второй, в дополнение к своему коллеге, больше внимания уделял изучению перспективных радиостанций, их тактико-технических характеристик, особенно использованию аппаратуры быстрогодействия и шифрования.

Оба упомянутые специалиста радиодола запомнились слушателям КУОС еще и тем, что все проведенные ими занятия по технике радиосвязи тесно увязывались с оперативной обстановкой, на фоне которой она осуществлялась. Это импонировало слушателям, и Григорий Иванович был доволен, что такие казалось бы узкие специалисты нашли свое место в их умах и делах.

Григорий Иванович хорошо понимал, что действия оперативных групп органов безопасности в тылу противника требуют от их личного состава отменного здоровья, физической закалки, умения вести единоборство с хорошо подготовленным противником. Поэтому он, используя свой личный опыт, наработки в этом отношении отечественных и зарубежных спецподразделений, физиологов и психологов, предложил руководству ПГУ и КГБ разработать и воплотить в жизнь на КУОС особый курс физической подготовки слушателей. Этот курс, по его замыслу, должен был включать в себя две взаимосвязанные части — общую и специальную. Общая часть предусматривала дальнейшее физическое совершенствование слушателей путем выполнения физических упражнений различного характера, включая плавание, а также спортивных игр, специальная — подготовку к единоборству с противником, применение различных предметов и приспособлений для нападения и самообороны, а также специальные тренировки в интересах огневой, парашютно-десантной и горной подготовки.

Придерживаясь этого кредо, поддержанного руководством, Григорий Иванович стал подбирать преподавательский состав и создавать материальную базу в месте дислокации.

Ведущая роль в постановке физической подготовки на КУОС принадлежала заслуженному мастеру спорта, неоднократно чемпиону Москвы и Советского Союза по самбо Борису Ионовичу Васюкову.

Родился Борис Ионович 18 марта 1919 года в Рязанской области. С 1935 по 1945 год работал слесарем-инструментальщиком, мастером цеха завода № 30 Народного комиссариата авиационной промышленности. Работа на заводе совпала с его активными занятиями физкультурой и спортом. На первых порах выступал на соревнованиях по конькам, боксу, лыжам, борьбе. Меньше года потребовалось ему для того, чтобы добиться высокого по тем временам звания лучшего физкультурника-производственника. Ему была вручена Грамота Президиума Всесоюзного Совета физической культуры и спорта.

Не оставляя другие виды спорта, он все же отдавал предпочтение борьбе. Сегодня часто спорят о времени прихода в нашу страну восточных единоборств. Многие считают, что они появились у нас в конце 70-х годов ушедшего столетия. Но это не так. Достаточно взглянуть на диплом от 24 мая 1936 года, который был вручен Б.И.Васюкову за первое место на первенстве Москвы по дзю-до (приводим правописание того времени).

В 1938 году он занимает 1-е место по борьбе в вольном стиле на Всесоюзном сборе тренеров в Москве. Накануне Великой Отечественной войны, 4 марта 1941 года, он снова впереди — 1-е место по французской борьбе.

Сочетание высоких физических данных с такими же интеллектуальными возможностями позволили ему из года в год наращивать технику и искусство индивидуальной борьбы. Вплоть до 1949 года, когда он, не побежденный ни разу, никому не уступивший пьедестала номер один в своей весовой категории, уходит на тренерскую работу.

Самбо как вид борьбы все больше выделялся в тот период из вольной борьбы. Спортивное и жизненное счастье сопутствует Васюкову — он знакомится с основателем самбо Анатолием Аркадьевичем Харлампиевым и становится его лучшим учеником, а позже и сратником.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны спортсмены высшего класса демонстрировали приемы самбо руководству Народного комиссариата обороны. На показательном занятии присутствовал маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов. Спортивный азарт был настолько высок, что борцы не замечали зрителей высокого ранга.

К изумлению всех присутствующих, Борис Ионович смог «уйти» от «железного» приема на задержание, проведенного Харлампиевым, но при этом порвал связки на руке. След на руке остался у него на всю жизнь. Возможно, что учитель пощадил тогда ученика, не завершив прием, который мог привести к тяжелой травме.

Начало Великой Отечественной войны Васюков встретил не только как быстро растущий спортсмен высокого класса, но и как слесарь-инструментальщик, имеющий личное клеймо. В этой редкой во все времена профессии он догнал по мастерству своего отца, тоже слесаря-инструментальщика, более того — стал выполнять на оборонном заводе задания особой сложности.

Как и абсолютное большинство молодежи того периода, он в первые дни войны, имея по мирному времени «бронь», несколько раз писал заявление о направлении его в действующую армию. Но страна нуждалась в самолетах. Без слесарей-инструментальщиков высокого класса авиастроительный завод никак не мог обойтись. Ему и его товарищам по цеху всякий раз отказывали в отправке на фронт, приводя всякий раз веские доводы.

Шла война и спортивная жизнь в стране не могла быть такой, какой она была до войны, но она никогда и не замирала. Вольная борьба, ее особый вид самбо были нужны для подготовки военнослужащих, прежде всего разведчиков. Соревнования проводились и в Москве, даже в то трудное время.

Васюков в своей весовой категории не знал равных. 1945–1949 годы были особенно успешными в его спортивной карьере. В этот период довоенный спортивный потенциал страны был восстановлен и даже приумножен. Борис Ионов

вич в это время неоднократно подтверждает звание чемпиона Москвы и СССР по борьбе самбо. В 1946 году он поступил в ГЦОЛИФК (Государственный Центральный ордена Ленина институт физической культуры), который с отличием закончил в 1950 году.

С 1950 года Б.И.Васюков — на преподавательской работе в высших учебных заведениях органов безопасности, где создал «Школу самбо Васюкова». Он вырастил десятки мастеров и большое количество спортсменов-разрядников.

С 1969 года и до выхода на пенсию Борис Ионович работал руководителем секции физподготовки КУОС.

Занятия по физической подготовке под руководством такой легендарной личности, как Борис Ионович, были всегда увлекательны, интересны и полезны. Отработка приемов по рукопашному бою зачастую проходила не в спортзале на матах, а в лесу — в условиях, приближенных к боевым.

У Бориса Ионовича была своя методика проведения занятий. Она основывалась на лучших традициях русской школы борцов, его личном опыте многократного чемпиона.

Любой другой на его месте, достигший таких вершин в любимом им виде спорта — самбо, до конца дней своих вдалбливал бы слушателям свои приемы. Он же уже в те времена понял, что еще только появившиеся восточные единоборства — такие, как карате, кун-фу и другие, тоже имеют право на существование. Тем более, что если наш противник взял их на вооружение, то значит и нам надо постигать их основы. Не зацкливаясь на каком-то одном виде борьбы, он разрабатывал вместе со слушателями способы применения всего многообразия спортивных единоборств в боевых условиях.

Под стать Борису Ивановичу был на КУОС и его младший коллега, мастер спорта, неоднократный победитель различных соревнований, связавший в молодости свою жизнь со службой в органах безопасности, Александр Иванович Долматов. Помимо обучения слушателей самбо и другим восточным единоборствам он слыл на КУОС непревзойденным мастером по плаванию различными стилями, оказанию помо-

щи тонущим на воде, но главным образом по применению в целях самозащиты и нападения различных предметов — ножей всех типов, заточек, прутьев, топоров.

Авторам этой книги удавалось неоднократно наблюдать, как на занятиях по физической подготовке в специальном городке он терпеливо наставлял слушателей искусству применения этих предметов, демонстрировал им большое морально-психологическое воздействие на противника этих на первый взгляд обыденных вещей. Поражало, с какой легкостью и простотой Александр Иванович мог, например, метнуть нож на 10–12 метров и пробить им трехсантиметровую, а то и толще доску. Топор, брошенный им, надвое рассекал манекен человека, сделанный из плотного материала.

Но все же особой страстью его было боевое применение ножей специального назначения как отечественного, так и зарубежного производства, чему он с особым старанием обучал слушателей.

Он демонстрировал им, что для бесшумного «снятия» часового лучше всего использовать ножи с длинным двусторонним лезвием, как, например, кинжал английских командос. Длина клинка такого ножа составляла 15 см. Рукоятка была веретенообразной формы — выполнена из пластика и имела глубокое рифление. Таким ножом, по сути кинжалом, удобно было наносить колющие удары. Для этих же целей были пригодны и длинный клинок, и обоюдоострая заточка. Клинок в сечении имел ромбовидную форму, которая повышала жесткость при колющем ударе. Такая форма клинка удобна, когда надо нанести удар через теплую одежду. Для хозяйственных нужд он непригоден, так как узкий клинок имеет довольно большой угол заточки и поэтому плохо режет.

В отличие от английского ножа, рассказывал Александр Иванович слушателям, американский кинжал «Ка-Бар» являлся более универсальной конструкцией. Он имел такой же длины клинок, но уже с широкой, полуторной заточкой. Кроме нижней кромки, был заточен и пологий скос обуха. Для повышения жесткости и уменьшения веса в клинке

были две выбранные доли (в просторечьи именуемые кровостоком). Рукоятка «Ка-Бар» была довольно массивная, имела бочкообразную форму, изготавливалась из кожаных колец и заканчивалась массивным металлическим набалдашником, которым можно было также наносить травмирующие удары по голове противника. Нож «Ка-Бар» — универсален. Им можно резать, строгать, копать лунки, рубить тонкое дерево, открывать консервы.

Интересен по-своему и финский боевой нож «М-95», разработчиком которого являлся отставной капитан финской армии Пелтонен, служивший в войсках ООН и побывавший в различных «горячих точках». Нож выполнен в стиле классических финских ножей «Пуукко», представляет собой довольно длинный и узкий клинок с односторонней заточкой, который в сечении представляет треугольную форму. Благодаря такой форме клинок имеет малый угол заточки, что придает ему отличные режущие свойства. Ножны сделаны из качественной кожи. Как и положено финскому ножу, рукоятка ножа наполовину утоплена в ножны. На ножнах есть специальный выступ, упорев в который большой палец, можно легко и бесшумно вытащить нож.

И все же лучшими ножами, по мнению Александра Ивановича, для слушателей КУОС были советские метательные ножи. Одной из основных особенностей этих ножей было то, что центр тяжести у них находился в передней части клинка. Благодаря такой конструкции достигалась высокая точность при его метании.

Кстати, надо заметить, что и Григорий Иванович любил и умел метать ножи. Зачастую, когда приезжали из штаб-квартиры разведки кураторы КУОСа, Григорий Иванович показывал им свое мастерство в метании ножей и привлекал их к обучению этому. На объект периодически приезжал и куратор Спецкурсов по партийной линии Валентин Иванович Кикоть, которого Григорий Иванович тоже пристрастил к этому интересному занятию. Это было нетрудно сделать, потому что Валентин Иванович сам любил оружие и даже коллекционировал охотничьи ножи. Однажды Валентин Иванович попро-

сил Бояринова дать ему в коллекцию метательный нож в обмен на что-нибудь. Григорий Иванович сказал, что надо подумать. Как раз вскоре после этого разговора Валентин Иванович оказался в командировке в Польше. Там в одном из магазинов он увидел портфель «дипломат», которые очень ценились и были большой редкостью в то время, и решил, что Григорий Иванович будет очень рад этому подарку. Ему, как он говорил, хотелось сделать приятное человеку, которого он очень уважал. По возвращении из командировки Валентин Иванович сразу приехал к Бояринову и предложил ему «дипломат» в обмен на нож. Видно было, что портфель произвел впечатление на Григория Ивановича, но, немного подумав, он сказал, что нож он и так даст в знак уважения, а такой дорогой подарок не может принять и поблагодарил Валентина Ивановича за его отношение и за щедрость. Впоследствии Валентин Иванович еще раз возвращался к этой теме, но Григорий Иванович был тверд в своем решении. В наше время многим трудно понять такую щепетильность Григория Ивановича, но в то время в чекистской среде это считалось нормой.

Возвращаясь к Александру Ивановичу Долматову, надо сказать, что он был на КУОС настоящим пропагандистом физической культуры и спорта. Он настойчиво прививал слушателям мысль, что любой человек, тем более оперативный работник, должен постоянно заботиться о своем здоровье, поддерживать на должном уровне культ тела, вырабатывать и сохранять в себе на долгие годы силу и выносливость, потребность вести подвижный, активный образ жизни. Он не раз напоминал слушателям, что, например, японцы считают своим жизненным правилом проходить в день не менее 10 километров. И еще любил Александр Иванович напоминать им о необходимости физической закалки с тем, чтобы не бояться сквозняков, низкой температуры, прохладного ветра, холодной воды. Он также прививал им любовь к физической культуре: занятия каким-нибудь активным видом спорта, участие в спортивных соревнованиях, посещение стадионов, вплоть до чтения популярной газеты «Советский спорт», которая, кстати, недавно отметила свое 85-летие.

Еще в период становления КУОС Григория Ивановича и его единомышленников стал волновать вопрос, как учить слушателей способам переброски оперативных групп в тыл противника. По своему личному опыту и полученным знаниям он знал, что существует три основных способа переброски — наземный, воздушный и надводный (подводный). Какому из них отдать предпочтение, учитывая временные и материальные факторы? Эта мысль долго беспокоила Григория Ивановича, пока он не встретился и не пригласил работать на КУОС полковника Глотова Василия Степановича, ветерана органов безопасности, опытного оперативного работника и специалиста в области парашютно-десантной подготовки. Сам Василий Степанович имел к этому времени уже несколько десятков прыжков с парашютом.

Советы Василия Степановича пригодились как нельзя лучше. В разговорах с Григорием Ивановичем он убедительно доказывал сильные и слабые стороны известных способов переброски оперативных групп в тыл противника, но при этом неизменно защищал преимущества переброски групп по воздуху с выброской личного состава на парашютах. Он исходил из того, что парашютный способ десантирования хотя и требует тщательной наземной подготовки и определенных материальных затрат, но зато позволяет значительно сократить время на переброску группы в тыл противника и позволяет высадить ее в заданный район.

Выслушав доводы своего коллеги, Григорий Иванович остановил свой выбор на парашютном способе десантирования. Оставалось немного: убедить в этом руководство, подобрать подходящую базу для парашютно-десантной подготовки, предусмотреть средства финансирования. И в этом ему существенную помощь оказал Василий Степанович. Он денно и ночно, после получения одобрения руководства ПГУ и КГБ, в буквальном смысле мотался по соединениям воздушно-десантных войск, штабам, управлениям ведомства. Где-то просил, где-то убеждал, где-то настаивал. Все это не могло не сказаться на успехе задуманного дела.

Вскоре парашютно-десантная подготовка личного состава КУОС получила свое зримое очертание. Руководство Министерства обороны дало указание командующему воздушно-десантными войсками разрешить парашютно-десантную подготовку КУОС на базе трех воздушно-десантных дивизий — Тульской, Псковской и Витебской. Это устраивало руководство ПГУ и КУОС, так как парашютно-десантную подготовку стало возможным организовывать в разные сроки — весной и летом, осенью и зимой. Большую помощь в этом вопросе оказал КУОС заместитель начальника отдела «В» (впоследствии 8-го отдела Управления «С» ПГУ) полковник Лазаренко Александр Иванович, воспитанник воздушно-десантных войск, поддерживающий с руководством ВДВ постоянные связи. Он был лично знаком с легендарным командующим Воздушно-десантными войсками (ВДВ), Героем Советского Союза генералом армии Василием Филипповичем Маргеловым. Как известно, ВДВ десанниками расшифровывается как «войска дяди Васи». Одно только упоминание о знакомстве с такой легендарной личностью открывало все двери в войсках ВДВ. Лазаренко вместе с Григорием Ивановичем и Василием Степановичем посетил выделенные соединения ВДВ, ознакомился с их возможностями и материальной базой. После этого была окончательно сверстана программа парашютно-десантной подготовки, включающая наземную и десантную части. Она была рассчитана почти на три недели. Срок относительно небольшой, но для крайне напряженного учебного плана КУОС несколько растянутый. Решили искать выход. После первых трехнедельных сборов Василий Степанович, получив консультации бывалых десантников, предложил Григорию Ивановичу сократить срок их проведения сначала до двух недель, а затем и до одной недели. Это достигалось за счет сокращения времени на наземную подготовку: изучение материальной части парашюта, тренировки по укреплению стоп, прыжки с парашютной вышки и увеличение продолжительности учебного дня в период сборов до 16–18 часов. При этом некоторую часть наземной подготовки Василий Степанович предложил проводить на территории

дислокации КУОС. Для этого на объекте по указанию Григория Ивановича были оборудованы специальные тумбы для прыжков на землю, места для отработки приемов безопасно-го падения на землю, обрезания строп парашюта.

В результате проделанной работы парашютно-десантная подготовка на КУОС стала оптимальной, неотъемлемой частью обучения слушателей, настоящей школой выработки у них смелости, решительности, взаимовыручки и любви к небу — настоящему лекарю человеческих душ.

В частности, ее десантная часть включала прыжки с самостоятельным раскрытием слушателями основного и запасного парашютов, прыжки на лес и воду, а также ночью. В результате обучаемые получали навыки десантирования в наиболее типичных условиях обстановки, умения действовать после приземления на незнакомой местности, быстро выходить в заданный район.

Григорий Иванович своим опытным глазом наблюдал, как преобразуются слушатели после прыжков, становятся сильнее, собраннее, общительнее, готовыми пойти на любое дело. И при этом он не раз вспоминал Василия Степановича, который убежденно говорил, ориентируясь на свой опыт, что небо делает личность настоящим человеком.

Когда летом 1979 года Григорий Иванович с группой преподавателей убыл в продолжительную командировку в Афганистан, Василию Степановичу, в ту пору одному из кураторов КУОС по линии 8-го отдела ПГУ, выпала сложная задача — участвовать в подборе кадров для проведения специальной операции в Кабуле. Ему совместно с другим сотрудником 8-го отдела — Анатолием Александровичем Волгиным — предстояло отобрать наиболее подготовленных выпускников и преподавателей КУОС к выполнению очень важного правительственного задания, связанного с нейтрализацией американского ставленника в Афганистане — Амина, вокруг которого группировались силы местной контрреволюции, и оказанием помощи молодым демократическим силам.

Требования к кандидатам были строгие: абсолютная надежность, высокий профессионализм, отличные мораль-

но-боевые качества, физическая закалка. Найти таких людей в оперативных подразделениях, среди выпускников КУОС было непросто. Решили, прежде всего, рассмотреть кандидатуры из числа офицеров спецподразделений КГБ. Такой подход дал свои результаты. Вскоре в списке кандидатов появились такие фамилии, как Сергей Александрович Голов, Виктор Федорович Карпухин, Эвальд Григорьевич Козлов, которые впоследствии проявили себя как настоящие герои, и ряд других товарищей.

Учитывая разнообразие физико-географических условий на важнейших стратегических направлениях, Григорий Иванович и его ближайшие помощники всерьез задумались над горной подготовкой слушателей КУОС. Решили начать с выбора места для проведения занятий по данному виду подготовки. Предлагались два варианта — Крымский и Кавказский. Каждый из них имел свои преимущества и недостатки. Григорий Иванович, по совету руководства, решил лично побывать с группой специалистов в Крымском и одном из Кавказских учебных центров для принятия окончательного решения. Крым отличался устойчивой погодой, хорошими дорогами, подходящими объектами для отработки скалолазания. Но он не давал обучаемым реального представления о настоящих горах и в силу этого не мог в полной мере способствовать отработке всех вопросов горной подготовки. Кавказ был разнообразнее, он в полной мере удовлетворял потребностям горной подготовки оперативных групп, что впоследствии было подтверждено опытом их действий в Афганистане, Таджикистане и Чечне.

Результаты командировки в горы Григорий Иванович докладывал лично заместителю председателя КГБ СССР генерал-полковнику Владимиру Петровичу Пирожкову. Когда доклад был окончен, генерал Пирожков, который во время доклада делал в своем блокноте какие-то пометки, спросил Бояринова:

— А вы не прикидывали, Григорий Иванович, материальные расходы на проведение таких занятий в Крыму и на Кавказе?

— Не только прикидывал, Владимир Петрович, но и с тыловиками подробно подсчитал. Получается примерно одинаково. Кавказский вариант лишь требует немного больше расходов на перевозку слушателей к месту занятий и обратно, ориентировочно 25 рублей на каждого.

— А где взять эти даже небольшие деньги?

— За счет перевода слушателей на котловое довольствие Кавказского центра, с которым у нас уже есть договоренность.

— Быть посему, — сказал Пирожков, — утверждаем кавказский вариант.

Горная подготовка была для Бояринова не только школой отработки приемов скалолазания и совершения маршей в трудных условиях, но и средством совершенствования навыков оперативно-боевых действий. Особенно удавались здесь занятия по устройству засад, совершению налетов, в том числе в ночных условиях. Это радовало руководителя КУОС, и однажды, на одном из занятий, он наглядно показал слушателям, как должна действовать в засаде группа захвата, сославшись при этом на свой боевой опыт времен Великой Отечественной войны. При подведении итогов занятия он в свойственной ему манере закончил свое выступление короткой репликой: «Горы нам помогают, но они не прощают ошибок».

Действительно, в Григории Ивановиче постоянно жило то двуединое чувство руководителя и учителя, которое уживается далеко не у всех военачальников, но которое в действительности составляет весь смысл их жизни и деятельности.

Однако мало было получить добро на горную подготовку слушателей КУОС от руководства ПГУ и КГБ, не меньших усилий требовало ее практическое воплощение. С этой целью Григорий Иванович с группой преподавателей побывал в лагере горной подготовки Кироваканской (Армения) воздушно-десантной дивизии и нескольких местных альпинистских центрах. Решено было остановиться на смешанном варианте и использовать их в зависимости от обстановки.

Типовой вариант горной подготовки предусматривал акклиматизацию обучаемых, подготовку горного снаряже-

ния, разбивку и оборудование горного лагеря, переходы по горной местности, подъемы и спуски со скал, преодоление горных рек, отработку отдельных элементов оперативно-боевой подготовки (ориентирование в горной местности, проведение налетов, устройство засад, огневое поражение объектов). Весь комплекс отработки указанных задач предполагалось осуществить в течение двух недель. В последующем за счет ежедневного увеличения продолжительности учебного времени этот срок удалось сократить на 10 дней. Правда, Григорий Иванович остался не очень доволен этим вариантом, так как он сильно выматывал моральные и физические силы слушателей. Но пришлось смириться, памятуя заветное солдатское правило: тяжело в ученье — легко в бою.

Неизгладимо в памяти то ощущение, которое испытал, проходя на КУОС горную подготовку, один из авторов этой книги.

...Горный лагерь под Кироваканом. Подъем в 5.00, физическая зарядка и пробежка в окружающие нас горы. Затем завтрак и выход на горную подготовку. Разными способами поднимаемся сначала по простым маршрутам вверх по скале, а затем отрабатываем спуск со скалы. С каждым днем задания становятся все сложнее. В конце пребывания в горном лагере мы уже как заправские скалолазы поднимаемся по скале с отрицательным уклоном и с еще большим удовольствием спускаемся по ней. Незабываемое зрелище открывается перед глазами, когда смотришь вниз через плечо, спускаясь по веревке со скалы с отрицательным уклоном, и видишь внизу в голубой дымке горные пейзажи. Тысячу раз был прав Владимир Высоцкий, когда утверждал в одной из своих песен, что «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал». Для меня эти занятия были крайне интересными. С детских лет у меня была заветная мечта полазить по скалам, и вот этим мечтам суждено было сбыться. Получал истинное удовольствие от окружающей нас красоты и радости восхождения.

Бывали и курьезные случаи, которые мы и много лет спустя с удовольствием вспоминали. Например, когда впереди

идуций рязанец Володя Глебов неосторожно сбрасывал тебе на голову град небольших камешков, которые были причиной достаточно болезненных ссадин и царапин. В такой момент мы, естественно, в вежливой и корректной форм, как в известном анекдоте, делали ему замечания типа:

— Федя, ты не прав.

Были и достаточно приятные моменты, когда после очередного спуска со скалы с отрицательным уклоном мы ожидали на маленьком пятачке спуск остальной группы. Ложились на край пятачка и смотрели вниз, в пропасть глубиной в несколько сотен метров.

Вдруг из-под ног одного из слушателей, спускающегося со скалы, сорвался камень размером с голову человека и полетел в сторону лежащих на пятачке ребят. Слушатель, у которого выскочил из-под ног камень, закричал, чтобы мы побереглись. Едва мы успели повернуть головы, как камень со свистом шлепнулся между мной и Алексеем Золотаревым. Упал он правее или левее на пару десятков сантиметров — принес бы непоправимую беду. Но Бог нас миловал. Наш час еще не пробил.

Одно из происшествий запомнилось особенно ярко. Произошло оно в конце нашего пребывания в горном лагере. Шли привычные уже занятия по отработке подъема по отвесным скалам и спуск со скалы с отрицательным уклоном с подстраховкой.

Группа находилась на вершине скалы. Выше нас, как поется в песне, было только небо. Скала с отрицательным уклоном спускалась вниз не менее чем на 100 метров. Там находился небольшой пятачок, на который мы и спускались. С пятачка открывался вид в голубую бездну с белыми полупрозрачными облаками на многие километры.

Алексей Золотарев, стоя на самом краю скалы, готовился к спуску. Мне предстояло его страховать. Я стоял рядом с ним наизготове и любовался потрясающей панорамой, открывающейся перед моими глазами. Внизу, в голубой дымке, виднелись леса и горы. Впереди, насколько хватало глаз, поднимались вершины и скалы самых разнообразных очертаний.

То ли я засмотрелся на окружающую красоту, то ли Алексей от волнения перед спуском забыл предупредить меня о начале спуска, но он без предупреждения прыгнул со скалы. Веревка стремительно заскользила по моей правой руке, и я почувствовал, как она сразу резко обожгла ладонь и кожа между указательным и большим пальцем оборвалась и квадратиком болталась на моей ладони. Обжигающую острую боль в руке перебивала мысль, что могу не удержать Алексея и тогда не миновать беды. Левой рукой удалось страховочную веревку прижать к телу и тем самым остановить падение товарища. Все это продолжалось какие-то секунды, но боли и страха пришлось пережить столько, что хватило на всю оставшуюся жизнь. Был еще острый стыд за то, что не смог, в общем-то, несложный прием, который альпинистам приходится применять постоянно, отработать чисто. Кроме того, было обидно показать ребятам свою ободранную веревкой руку. После окончания спуска Алексея я как мог прилепил на место оторванную кожу. Уже много позже пришло понимание, что наряду со стыдом за неуклюжесть в исполнении рядового приема, применяемого любым альпинистом многократно, был и положительный момент в этом происшествии — проявил выдержку и характер, удержал Алексея, несмотря на острейшую боль. Можно ведь было и отпустить веревку со словами: «Извини, Алексей, но так больно, что никаких сил больше нет терпеть».

Слава Богу, в нашей группе таких не было.

Запомнились занятия и по преодолению горных рек. Здесь было много спортивного азарта. Какая из групп более удачно и быстрее сможет преодолеть бурную горную речку Памбак. Мощное, стремительное течение реки бесцеремонно сбивало нас с ног. Очень часто преодоление горных рек бывает далеко не забавой. Особенно если накануне был дождь. Вода в реке поднимается, скорость течения увеличивается. Зачастую требуется до 2–3 часов, чтобы наладить переправу. Те, кому выпадала наибольшая нагрузка, как правило, мастера спорта, после этого отлеживались какое-то время.

Еще более напряженными были занятия по переправе через горную реку по натянутому канату. Особые трудности приходилось испытывать при переброске одного из концов каната на противоположный берег. Здесь приходилось либо переправлять его разведчиком-одиночкой на резиновой лодке, либо использовать специальное метательное устройство.

С не меньшими трудностями пришлось столкнуться при обучении слушателей разбивке горного лагеря. Здесь мало знать нравы гор, коварные и непредсказуемые. Важно предвидеть последствия, с которыми могут столкнуться обучаемые при возникновении чрезвычайных ситуаций. И все же благодаря находчивости заместителя Григория Ивановича по тылу Владимира Михайловича Санькова и местных альпинистов удалось подобрать соответствующий тип палаток и оптимальные способы их размещения и крепления.

Завершалась горная подготовка, как и планировал Григорий Иванович, суточным горным переходом, в котором комплексно использовались альпинистские навыки слушателей по скалолазанию, преодолению горных рек, столкновению с условным противником, разведкой важного вражеского объекта и выводом его из строя. Как то Григорию Ивановичу и его преподавателям Анатолию Алексеевичу Набокову и Николаю Николаевичу Кекшоеву предстояло съездить в Ереван, где надо было дать телеграмму в Центр о завершении горной подготовки и поблагодарить армянских чекистов за помощь в организации учебного процесса. На обратном пути, проезжая мимо озера Севан, Григорий Иванович предложил своим товарищам искупаться в озере. Измученные жарой за целый день пребывания в городе в военной форме, преподаватели с энтузиазмом поддержали предложение начальника. Григорий Иванович первым разделся и нырнул в озеро. Всем своим видом он демонстрировал блаженство. Похлопывал себя по груди и при этом приговаривал, как это здорово хоть немного освежиться. Набоков и Кекшоев тоже быстро разделлись и с разбега нырнули в озеро. Буквально через секунду с громкими криками они выскочили на берег. Вода в горном озере была не выше 14 градусов. Находиться в такой воде, не

будучи подготовленным, невозможно. А Григорий Иванович, посмеиваясь, довольный произведенным эффектом, еще некоторое время поплавал и спокойно вышел на берег. Такой выдержке можно позавидовать.

Достойным помощником Григория Ивановича в создании учебно-материальной базы и материально-технического обеспечения на КУОС был Владимир Михайлович Саньков, который внес немалый вклад в успешное функционирование курсов. Это был полноценный заместитель начальника КУОС по тылу.

Имея профессиональное образование и опыт работы в области тылового обеспечения деятельности органов безопасности, Владимир Михайлович удачно сочетал эти качества и способствовал становлению тыла КУОС в самые короткие сроки. Он сумел организовать своевременную профилактику и ремонт автотехники, содержание складов, учебных и жилых помещений, снабжение КУОС табельным оружием, минно-подрывным имуществом, средствами защиты и связи, вещевым и продовольственным довольствием.

Его достойными помощниками были Евгений Иванович Обойшев, Александр Александрович Потанин и Игорь Васильевич Туляков, которые в полном объеме обеспечивали учебный процесс КУОС в стационарных и полевых условиях, в том числе в ходе воздушно-десантной и горной подготовки.

С удовлетворением отмечал Григорий Иванович усердие командира взвода учебно-боевого обеспечения Николая Александровича Зубкова, который из солдат-призывников в короткий срок делал настоящих бойцов спецназа, способных не только «подыграть» за противника, но и выполнить на полевых занятиях и специальных учениях самые сложные оперативно-боевые задачи. Кстати, Николай Александрович не забывал о самосовершенствовании. Он успешно окончил факультет заочного обучения Высшей школы КГБ, стал впоследствии признанным специалистом в области организации учебного процесса на КУОС. По стопам отца пошел и его сын.

КУОСу всегда уделяло большое внимание руководство Первого Главного управления КГБ СССР в лице сначала отде-

ла «В», а затем 8-го отдела Управления «С» (нелегальная разведка), которое на правах старшей инстанции контролировало их деятельность и оказывало им регулярную помощь. Хорошо запомнились Григорию Ивановичу встречи с такими ветеранами внешней разведки, как А.Н.Ботян, И.И.Филиппов, Д.А.Шапошников, а также с начальником отдела генерал-майором Виктором Михайловичем Владимировым и его заместителем полковником Александром Ивановичем Лазаренко. Особенно сильное впечатление на слушателей и преподавателей КУОС произвели лекции и беседы участника Великой Отечественной войны, ветерана внешней разведки, ныне Героя России, полковника Алексея Николаевича Ботяна, благодаря которым Григорий Иванович не только вносил соответствующие коррективы в учебный процесс курсов, но и приучал своих подчиненных к общению с носителями славных боевых традиций органов безопасности. Навсегда врезался в память Григория Ивановича и слушателей КУОС рассказ Алексея Николаевича об операции чекистов в сентябре 1943 года в г. Овруче (Северная Украина), из которого кузовцы крепко запомнили значение тщательной разведки объектов противника и агентурного проникновения на них.

Алексей Николаевич рассказывал, как в 1943 году оперативная группа Виктора Александровича Карасева «Олимп», в составе которой он действовал, после длительных маршей по тылам противника вышла из района Старой Руссы в Мухомедовские леса на стыке Киевской, Житомирской и Гомельской областей и организовала здесь базу. Ведя разведку в окружении базы, группа проникла в село Черниговку, где встретила бывшего старшину Красной Армии, окруженца Григория Васильевича Дьяченко, который люто ненавидел фашистов и готов был помочь представителям Большой земли. Он подробно рассказал о расположении немецких гарнизонов, местных полициях, оккупационном режиме. Во время второй беседы, продолжил рассказ Алексей Николаевич, я еще раз убедился в искренности и правдивости Дьяченко и спросил его, есть ли в округе у него родственники. Оказалось, что у Григория Васильевича один из дальних родствен-

ников работает в Овруче, завхозом гебитскомиссариата, которому немцы доверяют. Овруч хотя и был только районным центром Житомирской области, но фашисты значительно приподняли его «статус», сделав его своеобразным центром карательных операций против местных партизан и подпольщиков. Доложив Карасеву о добытых данных, Ботян получил приказ «копать» дальше. С помощью Дьяченко ему удалось, преодолев полицейские кордоны, встретиться с его родственником. Им оказался местный житель, в прошлом из раскулаченных, Яков Захарович Каплюк, которому фашисты доверили вести хозяйство в гебитскомиссариате. На сотрудничество он согласился не сразу. И его Ботян мог понять: незнакомый человек, семья, двое детей. Он хотел быть уверенным, что после совершения террористической акции при его участии он и его домочадцы останутся в безопасности. Но после веских доводов Ботяна, что о его судьбе позаботится наше руководство, он, в конце концов, поверил ему.

Якову было передано в общей сложности около 140 килограммов взрывчатки. Он «складировал» ее в подвале, тщательно маскируя и распределяя по точкам, чтобы взрыв произвел как можно более разрушительный эффект. Оставалось только дожидаться подходящего момента. И он не заставил себя ждать.

В Овруч из Берлина в начале сентября 1943 года прибыла большая группа специалистов по борьбе с партизанами. И вот когда в заминированном здании гебитскомиссариата шло секретное совещание по этому вопросу, раздался взрыв. Под обломками здания погибло более 80 гитлеровцев. Ботян со своими товарищами наблюдал за этой картиной с окраины города. Вместе с ними в полном составе была семья Каплюка. Чекисты сдержали пред ними свое слово. За организацию этой операции Алексей Ботян был представлен к званию Героя Советского Союза, но получил в силу бюрократических проволочек лишь орден Красного Знамени.

А ведь Алексею Ботяну при жизни поставили памятник. В Польше, в небольшом городке Илжа Радомского воеводства, установлен обелиск. На нем бронзовая табличка:

«Отсюда в ночь с 14 на 15 мая 1944 года вышли в бой с немецко-фашистскими оккупантами отряд Армии Людовой и разведывательно-диверсионная группа лейтенанта А.Ботяна — «Алеши». Конечно, обелиск поставлен не только ему. Но фамилия на бронзовой плите только одна, а ее суть состояла в следующем. В районе Илжи действовал небольшой отряд Армии Людовой (около 300 человек). Их командование, пользуясь отсутствием в городе немецкого гарнизона, решило овладеть им. Первым делом следовало освободить сидевших в местной тюрьме польских подпольщиков. Во-вторых, нападение на город должно было произвести сильное психологическое воздействие на население. Армия Людова действует! Но ее руководителям показалось, что собственных сил им может не хватить. Тогда они обратились к Алеше. Ботян долго ломал голову: ведь его основная задача состояла в выходе к Кракову — древней столице Польши. И все же он со своим заместителем решили помочь полякам. Рассчитывали на внезапность нападения. Ближайший немецкий гарнизон располагался в 15 километрах от города. В самой Илже была только полиция. В ночь на 15 мая группа Ботяна вместе с отрядом Армии Людовой быстро спустилась с гор и ворвалась в город. Единственная полицейская казарма была надежно блокирована, заключенные освобождены из тюрьмы, захвачены почта, банк и склады с имуществом. Целую ночь город был в руках польских патриотов и советских чекистов. А затем группа Ботяна, оторвавшись от преследователей, двинулась на юг, в сторону Кракова.

До Кракова Ботян дошел первым. До него других групп в районе города не было. Ботян получил задачу: проникнуть в город по поддельным документам и под видом местных жителей подготовить операцию по ликвидации фашистского наместника Польши — гауляйтера Ганса Франка. Вскоре был подобран и завербован исполнитель акции возмездия — комердинер Франка — Юзеф Путо. Через агента — польского подпольщика — ему были переданы пистолет с глушителем и английская мина с химическим взрывателем. Но палача Польши спасли обстоятельства. Начавшаяся наступатель-

ная операция войск 1-го Украинского фронта поставила под угрозу захват Кракова. И Франк спешно бежал в Ченстохов. Возмездие было отсрочено.

Тогда советское руководство срочно перенацелило группу Ботяна на обеспечение быстрейшего продвижения войск Красной Армии путем срыва его оборонительных мероприятий на подступах к городу и в самом городе. Требовалось срочно приобретать позиции в соответствующих фашистских учреждениях. И вскоре случай представился. От одного из агентов было получено сообщение, что два сотрудника местного гестапо частенько охотятся в лесах на подступах к городу. Было решено устроить на них засаду, которая завершилась успешно. Когда их провели к Ботяну, они разговаривать не захотели. Тогда он скомандовал: «Одного в расход!» Только вывели за дверь — выстрел. Второй тут же сдался. Пошел на сотрудничество. Через этого гестаповца группе Ботяна удалось установить, что фашисты готовят широкомасштабную акцию по минированию города, Куровского моста через реку Дунаец в семи километрах от города вниз по течению, а также Рожнавской плотины, запрудившей Дунаец, еще на десять километров дальше к северу. Фашисты уже успели завезти в подвалы Ягелонского замка, расположенного на северной окраине города, огромное количество взрывчатки. Помимо этого немцы складировали здесь снаряды и фаустпатроны.

Выбор у группы Ботяна был невелик. Либо, взорвав замок, предотвратить превращение в руины целого города. Либо ценой разрушения города спасти историческую достопримечательность. Кто-то из разведчиков Ботяна в ходе обсуждения плана операции заметил: «А вы думаете, товарищ командир, немцы взорвут город, а замок сберегут для истории?» Всем стало ясно, что выбора у группы вообще нет. Но как проникнуть в замок, окруженный со всех сторон массивными каменными стенами и тщательно охраняемый? И тут пригодился поляк Константин Пинч, работавший в замке, с которым Алексей Николаевич сумел договориться. Поляк проник в замок и в ночь на 19 января 1945 года взор-

вал замок и тем самым спас город, на выручку которому уже спешили танки 4-го танкового корпуса генерала П.П.Полубоярова.

Завершая свой рассказ о далеком прошлом, Алексей Николаевич уточнил, что в этой операции, помимо его группы, участвовала группа разведуправления 1-го Украинского фронта «Голос» под командованием капитана Евгения Степановича Березняка (группа «Михайлова»). Согласно официальной версии, его группе удалось через свои источники добыть данные о плане минирования Кракова, а потом разрушить кабель электропитания. Как вспоминал впоследствии начальник разведки 1-го Украинского фронта генерал-майор И.В.Виноградов, в задачу группы «Голос» не входило спасение Кракова, а только сбор информации о противостоящем противнике. «Словом, каждому свое, — резюмировал свой рассказ Ботян. — А вы, Григорий Иванович, делайте для своих питомцев соответствующие выводы».

Таким запомнился Григорию Ивановичу этот неординарный человек, который всю свою сознательную жизнь посвятил разведке, верному служению Отечеству.

Родился Алексей Николаевич 10 февраля 1917 года в крестьянской семье в деревне Чертовичи Воложинского района Виленской губернии (ныне — Минская область Беларуси). Чтобы понять, каким рос Алексей, достаточно рассказать мало кому известный эпизод из жизни молодого Алексея. Помнится, на служебных совещаниях один из авторов книги для того, чтобы более доходчиво объяснить молодым сотрудникам контрразведки суть работы оперработника, рассказывал, что классный оперработник отличается тем, что мимо него, возможно, всего раз в жизни пробежит «заяц удачи». Настоящий оперработник успеет схватить его за уши и поднять, а все остальные успевают только проводить его взглядом. Так вот, молодой Алексей Ботян настоящих зайцев переловил руками немалое количество, а однажды в 1935 году за один год он поймал сразу трех. Одного догнал бегом в поле, где росла рожь. Второго поймал за уши, когда он пробежал мимо на сенокосе, а третьего увидел, когда ехал на лоша-

ди. Он догнал его на лошади, спрыгнул и поймал в падении. Маленький факт из биографии Алексея Николаевича, но очень показательный. И в жизни он всегда действовал именно так — быстро, смело и решительно. Успешно закончил школу. Унаследовав от своего отца лингвистические способности (тот свободно говорил по-польски и по-немецки), Ботян был призван в Польскую армию. В 1939 году в качестве командира зенитного орудия участвовал в боях с гитлеровскими захватчиками. С приходом в Западную Беларусь Красной Армии успешно окончил педагогические курсы и стал заведующим начальной школой. В мае 1941 года по путевке комсомола был направлен в органы НКВД, где через несколько месяцев, после окончания разведкурсов, был направлен в легендарный ОМСБОН — кузницу кадров оперативных работников, направляемых в тыл фашистов. Участвовал в обороне Москвы, выполнял ряд заданий руководства за линией фронта, а в декабре 1942 года в составе оперативной группы В.А.Карасева «Олимп» был заброшен в немецкий тыл. С тех пор вся его деятельность, вплоть до второй половины 60-х годов прошлого столетия, была связана с выполнением заданий руководства органов безопасности за пределами Родины.

И в наши дни в свои 93 года Алексей Николаевич Ботян ведет чрезвычайно активный образ жизни. Обязательно два раза в неделю играет в волейбол, страстный шахматист. Почетный член Фонда «КУОС-Вымпел» им. Героя Советского Союза Г.И.Бояринова. Много встреч проводит по линии ветеранских организаций. Ведет большую патриотическо-воспитательную работу с молодежью.

Такие люди окружали Григория Ивановича в его повседневных заботах о совершенствовании своего детища — КУОС, признанного всеми как уникальный учебный центр по подготовке профессионалов в области деятельности подразделений органов безопасности в тылу противника.

С каждым годом в КГБ рос авторитет КУОС. Его выпускники несли в органы безопасности не только новые знания, но и поднятые на более высокую ступень организованность,

чувство долга, законопослушание, дисциплинированность, требовательность к себе. Углубленные и полученные на КУОС знания и умения позволили многим его выпускникам продвинуться по службе, освоить новые участки работы. Пройти обучение на КУОС стало престижным, что позволило повысить планку требований к подбираемым кандидатам.

В свою очередь, это обязывало руководство ПГУ КГБ и КУОС, в частности Григория Ивановича, идти дальше, делать больше в совершенствовании учебного процесса и материально-технической базы курсов. Оправдывать то доверие, которое им оказывалось сверху, вплоть до Председателя КГБ СССР Ю.В.Андропова, который хорошо понимал значение своевременной и качественной подготовки подобных кадров в современных условиях. Ему, наверное, вспоминались годы Великой Отечественной войны, когда он, будучи секретарем ЦК комсомола Карело-Финской Республики, участвовал в подготовке и переброске в тыл противника оперативных групп. Григорий Иванович не раз показывал слушателям редкую фотографию, на которой было изображено, как в шинели, с солдатским котелком за поясом, Юрий Владимирович напутствует очередную оперативную группу, направляющуюся в рейд по тылам финнов.

Юрий Владимирович знал и высоко ценил профессиональные и человеческие качества Григория Ивановича и по отзывам близко окружавших его людей, глубоко переживал его гибель в Афганистане в конце декабря 1979 года.

Обучение слушателей на КУОС цементировало кадры органов безопасности, которые, идя в ногу со временем, превращались в единый слаженный организм, способный выполнить самые сложные задачи, поставленные руководством, что отчетливо показали грядущие события.

Под впечатлением ратных дел выпускников КУОС в Афганистане Юрий Владимирович Андропов в своей знаменитой речи перед слушателями учебных заведений КГБ 1 сентября 1980 года заявил о необходимости становления у них боевого чекистского характера, воспитания у каждого молодого чекиста таких качеств, как храбрость, решитель-

ность, настойчивость в достижении цели. Его слова до сих пор являются программой подготовки оперативных работников для действий в экстремальных ситуациях.

Так в результате напряженных усилий Григория Ивановича и его товарищей успешно завершилась еще одна жизненная атака ветерана — был взят важный рубеж по созданию в системе органов безопасности авторитетного, полноценного подразделения, уникального по программе обучения и методике ее реализации на практике. Его по праву можно назвать очередным жизненным подвигом полковника Бояринова.

Естественно, с развитием КУОС и превращением его в «полевую академию КГБ» рос и мужал сам Григорий Иванович. Свою глубокую теоретическую подготовку ученого он дополнил целым арсеналом успешного решения практических задач, приобретением необходимых организаторских качеств, шлифовкой навыков общения с личным составом.

Полковник Г.И.Бояринов руководит и участвует в разработке учебных программ КУОС, проведении учебных сборов, тренировочных занятий, различного рода учений. Кроме специальных дисциплин: стрельба, минное дело, агентурно-оперативная деятельность, психологическая, боевая и физическая подготовка, изучение иностранных языков и других специальных предметов, в учебном процессе особое внимание уделяется проблемам выживаемости в экстремальных условиях, горной и парашютной подготовке.

Так, совместными усилиями целого коллектива готовился спецназ Комитета государственной безопасности СССР — лучший, как это было продемонстрировано впервые в боевой обстановке в Афганистане, среди подобных подразделений, в том числе и на Западе, спецназ, способный осуществлять, если потребуется, боевые специальные операции любой сложности в любой точке мира.

Григорий Иванович, по сути дела, продолжал развивать и стремился реализовать на практике дело своей жизни — ту самую вышеупомянутую теоретическую базу так назы-

ваемых малых войн или войн малой интенсивности, в которых главная роль отводилась действиям элитного спецназа, готового бороться с проявлениями терроризма внутри страны и вне ее, разрабатывать и осуществлять, при необходимости, на практике спецоперации на территории враждебных государств или в военное время в тылу противника.

Как показывают последние события у нас в стране и за рубежом, роль «малых войн» в современных условиях постоянно возрастает. Основными формами ведения такой войны являются терроризм, диверсии и партизанство. Из накопленного опыта видно, что в «малой войне» используются все возможные средства и методы борьбы — от мирных экономических, социальных, культурных, информационных, психологических, религиозных, чисто националистических и т.д. до военных. Возникновение в наши дни «горячих точек» в разных регионах мира, в том числе в России, где в чистом виде использовались или используются методы и формы ведения «малых войн», является в основном следствием упущений и просчетов в оценке внешних и внутренних факторов политического, социального и оперативного характера, неприятием своевременно предупреждающих мер.

Как показывает опыт, для того чтобы разрушить, уничтожить в тех или иных целях то, что создавалось титаническим трудом и усилиями сотен людей в течение десятка лет, не требуется много времени. Но создать вновь элитные спецподразделения силовых структур, подобрать кадры, обучить и подготовить их на высоком профессиональном уровне, когда из-за необдуманного принятия в свое время неправильных решений уже потеряна связь поколений, вновь потребуются годы, если опять не десятилетия.

Начальник КУОС полковник Г.Бояринов не был гением, не был каким-нибудь суперменом, он был высокообразованным офицером — разведчиком-диверсантом, который служил делу защиты Родины более сорока лет. Он был теоретиком военного дела с аналитическим складом ума и одновременно практиком высочайшего класса.

Проходили годы. Один курс сменял другой, на КУОС появлялись новые ученики, но из года в год продолжали слушатели называть между собой как-то особенно по-доброму своего начальника и командира: «наш Гриша» или «Батя». Да он и был для большинства из них отцом, батей, к которому всегда можно было обратиться в трудную минуту, найти поддержку и сочувствие. Он был строг, но справедлив, не держал «камня за пазухой» и не раз спасал своих сынков от грозившей им беды. Григорий Иванович в большинстве случаев умел отличить «черное от белого», тем более, что он не просто стремился, а жил жизнью своих молодых подчиненных, делил вместе с ними все трудности и невзгоды учебы на КУОС, лепил из них «мужиков», как он любил говорить, в настоящем понимании этого слова.

Григорий Иванович руководил вверенным ему коллективом спокойно, уравновешенно, со знанием дела. Он не повышал голоса на подчиненных, хотя некоторые этого и заслуживали. Но Григорий Иванович никогда не прощал подчиненным дисциплинарных проступков, разгильдяйства, фальши. Особенно доставалось тем слушателям, которые допускали злоупотребление спиртными напитками. Тогда его лицо становилось строгим, и он задавал нарушителю единственный вопрос:

— Как вы будете в таком виде смотреть в глаза своим товарищам?

Действительно, как в этом случае смотреть в глаза тех, кто делит с тобой хлеб и табак, кто всегда в форме и готов, рискуя жизнью, прийти на помощь товарищу? Иногда он советовал слушателю с опухшим лицом посмотреть на себя в зеркало. Бывало, что, в силу тех или иных причин, приходилось и отчислять слушателей, но никогда вслед этому слушателю в его подразделение, где он служил, не шла «телега».

Во взаимоотношениях с преподавателями Григорий Иванович был всегда вежлив и тактичен. Его любимым обращением с ними было слово «голубчик». Оно подчеркивало доброжелательность и хорошее расположение духа начальника.

Григорий Иванович любил советоваться с подчиненными. Служебные совещания он начинал обращением к присутствующим: «Давайте погоняем мозги!» И начинали «гонять» до тех пор, пока не станут вырисовываться контуры подходящего решения. Последнее слово было за Григорием Ивановичем.

Он постоянно вникал в нужды своих подчиненных. Касалось ли это жилплощади, путевки на лечение или материальной помощи. Это повышало настроение людей, укрепляло их доверие к своему начальнику.

Во всех своих начинаниях Григорий Иванович полагался на свою врожденную память. Она его никогда не подводила и помогала успешно решать возникающие проблемы. Так было и с подбором кандидатов в состав оперативной группы «Зенит» для осуществления операции «Байкал-79», и в том числе «Шторм-333».

Оценив полезную работу, проведенную в этом отношении Василием Степановичем Гловым, он решил «порыться» в собственной памяти и подобрать достойных членов оперативной группы, с которыми ему придется идти на боевое задание.

Хорошо запомнился ему офицер богатырского роста с приветливым лицом и добрыми карими глазами — Сергей Голов, сын фронтовика, однокашника одного из авторов этой книги, Александра Васильевича Голова, кандидата наук, доцента Военного института МГБ. К моменту прихода на службу в органы безопасности в 1969 году Сергей Александрович Голов уже сумел получить медицинское и физкультурное образование и звание мастера спорта по самбо. Позже окончил Высшую школу КГБ, став профессионалом-чекистом.

Сын был под стать отцу: та же собранность, настойчивость, умение доводить начатое дело до конца, готовность всегда прийти на помощь товарищу. И еще одно качество унаследовал Сергей от своего отца — умение мыслить, быстро принимать обоснованные решения. Последнее весьма пригодилось ему в последующем: и в роли рядового исполнителя, и в должности руководителя оперативного подразделения.

Об этих и других качествах своего будущего боевого товарища по Афганистану Григорий Иванович был слышан не только от его отца, которого он хорошо знал по Военному институту, но и от других товарищей Сергея, особенно после его прихода в спецподразделение КГБ «Альфа» в 1974 году. Здесь, в 5-м отделе «Альфы», он был лучшим самбистом и стрелком. Снайперское искусство Сергей применил, когда одним выстрелом сумел обезвредить террориста Ю.Власенко, пытавшегося взорвать посольство США в Москве.

С такими ребятами, как Сергей, считал Григорий Иванович, можно смело идти в огонь и в воду. Вот почему, когда он увидел в списке кандидатов для проведения операции в Кабуле «Шторм-333» фамилию Голов, у него, как у одного из ее руководителей, возражений не было. Последующие события подтвердили эту уверенность ветерана.

Несколько моложе Сергея Голова был такой же статный, собранный, уверенный в себе, в прошлом офицер-танкист, а с 1960 года — сотрудник органов безопасности Виктор Федорович Карпухин. Он запомнился Григорию Ивановичу своими организаторскими способностями, умением повести за собой людей. До этого он прошел хорошую школу командира взвода и боевое крещение в «Альфе». Об этих морально-боевых качествах будущего героя Афганистана поведал Григорию Ивановичу командир группы «Альфа» полковник Геннадий Николаевич Зайцев, впоследствии генерал-майор, Герой Советского Союза, который не без восхищения говорил о Карпухине как признанном лидере коллектива, которому по плечу любая оперативно-боевая задача. Виктор Федорович в последующем с честью это оправдал.

И еще один сотрудник понравился Григорию Ивановичу. Это был Эвальд Григорьевич Козлов. Этот красивый, стройный морской офицер, сын фронтовика, военного контрразведчика, дослужившегося до генерала, начальника управления военной контрразведки округа, получил в семье спартакское воспитание и после окончания высшего военно-морского училища бороздил воды Тихого океана. Эвальд был спокойным, уравновешенным человеком, непревзойденным

мастером улаживать различные конфликты и недоразумения. Да и в храбрости ему нельзя было отказать. Все эти качества молодого офицера не остались без внимания руководства. Он вскоре был направлен в Военную академию Советской Армии, где готовили военных дипломатов-атташе при посольствах зарубежных стран. После окончания академии его ждала интересная работа в ПГУ КГБ, куда он был назначен на должность руководителя специальных проектов. Здесь его и заметил начальник управления «С» ПГУ КГБ Юрий Иванович Дроздов. Его рекомендация оказалась решающей при включении капитана 2 ранга Козлова в состав участников специальной операции «Шторм-333». Это был еще один из боевых товарищей Григория Ивановича, с которым он шел рядом на штурм дворца Тадж-Бек.

Наш рассказ о боевых товарищах Григория Ивановича был бы неполным, если бы мы не рассказали еще об одном из его соратников — Александре Титовиче Голубеве, который родился в 1936 году в Витебской области в крестьянской семье. Его отец в начале Великой Отечественной войны ушел на фронт и погиб в августе 1944 года. Мать после гибели мужа одна воспитывала двух сыновей. После окончания средней школы в 1956 году Александр Голубев был призван в армию и проходил действительную военную службу на Балтийском флоте.

Придя в органы безопасности в 1959 году и окончив Высшую школу КГБ СССР, он с 1969 года связал свою судьбу с внешней разведкой. Успешно прошел обучение на КУОС, работал в «поле» за рубежом, хорошо знал Ближний и Средний Восток, в том числе Афганистан. Видимо, эти качества и послужили основанием для включения Александра Титовича в качестве командира спецгруппы в операции «Шторм-333». Этому также способствовало то обстоятельство, что его лично знал Григорий Иванович, как воспитанника КУОС. Этот рослый симпатичный белорус был старательным слушателем, который успешно прошел все ступеньки «лесной академии». На практической работе он занимал ответственные должности, в том числе связанные с руководством людьми, где ему

не было равных. Александр Титович так умел убеждать подчиненных в важности любой поставленной задачи, что никому в голову не приходило, что ее невозможно выполнить. Такое важное качество своего боевого коллеги импонировало Григорию Ивановичу, и он воспринял его кандидатуру в качестве достойного участника кабульской операции.

Вскоре после Афганистана Александр Титович был направлен в качестве резидента внешней разведки в Турцию. В последующем, работая в штаб-квартире разведки, Александр Титович возглавлял ряд ее крупных подразделений. На крутом переломе в истории страны в начале 1990-х годов возглавлял разведку АФБ России, прилагая немало усилий для сохранения костяка кадров разведки. Награжден высокими орденами не только СССР и России, но и ряда зарубежных государств.

В списке других кандидатов на участие в операции «Байкал-79» были и другие бывалые сотрудники и преподаватели КУОС, которые с честью выполнили свой чекистский долг в этой и последующих операциях в Афганистане. Достаточно назвать такие фамилии, как М.Абдуллаев, В.Анисимов, В.Белюженко, А.Иващенко, А.Карелин, Л.Корольков, Н.Курбанов, А.Малашонок, П.Нищев, В.Овсянников, Б.Плешкунов, А.Плюснин, А.Пунтус, Я.Семенов, Б.Суворов, М.Шарипов. Именно они и их боевые товарищи сделали в Афганистане все, что требовало от них руководство.

Когда в двадцатых числах декабря 1979 года самолет мчал Григория Ивановича и его боевых друзей в Кабул, он был спокоен за коллектив единомышленников-чекистов и уверен в исходе предстоящей операции.

А пока КУОС и его начальник были погружены в повседневные будни, хотя чувствовали, что в мире назревают серьезные события, без участия в которых Советского Союза и его разведки было не обойтись.

Действительно, на КУОС зачастили руководители ПГУ, представители других подразделений внешней разведки и контрразведки. Было проведено несколько служебных совещаний с участием преподавательского состава курсов.

Приближался 1979 год, год серьезных событий на Ближнем и Среднем Востоке. Полыхала египетско-израильская война. В Афганистане был совершен военный переворот, свергнувший монархию и установивший республиканский строй. Вскоре в стране между различными политическими силами развернулась ожесточенная вооруженная борьба за определение путей развития Афганистана и захват власти.

27 апреля 1978 года произошел очередной военный переворот, свергнувший феодально-буржуазный режим во главе с президентом М.Даудом. К власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана во главе с Н.Тараки, которая стала осуществлять радикальную ломку многовековых традиций народа и устоев ислама, что вызвало открытое сопротивление оппозиции и части населения.

Надо отметить, что большую лепту в развитие напряженности во внутривластной ситуации в стране внес ближайший соратник главы Афганистана Н.М.Тараки Хафизулла Амин. Пуштун родился в 1927 году в местечке Пагман недалеко от Кабула. После окончания Кабульского университета работал преподавателем. В 1957 и 1962 годах учился в США. После возвращения в Афганистан начинает активную политическую деятельность. В 1965 году устанавливает тесную связь с лидером Народно-демократической партии Афганистана Н.М.Тараки. Во время раскола НДПА на фракции «Хальк» и «Парчам» поддерживает Тараки, завоевывает его личные симпатии и становится ближайшим соратником Тараки по фракции «Хальк». После объединения «Хальк» и «Парчам» в 1977 году избирается членом вновь созданного ЦК НДПА, одновременно назначается руководителем «халькистской» военной организации НДПА в армии. После прихода к власти НДПА в апреле 1978 года решением Революционного совета назначен заместителем премьер-министра и министром иностранных дел, стал членом Политбюро ЦК НДПА, введен в секретариат ЦК НДПА, в сентябре 1978 года стал и министром обороны. Устанавливает контроль над органами безопасности ДРА.

В августе 1979 года отстраняет со всех постов, а затем ликвидирует Тараки и сосредотачивает всю полноту власти в своих руках.

Столкнувшись с возникшими серьезными трудностями внутри страны из-за ошибочности своей политики, новые власти Афганистана обратились к правительству СССР с просьбой о расширении помощи, оказываемой стране в рамках соглашений, заключенных еще в 1956 году. Новым элементом в этом обращении было то, что выражалась просьба об оказании советнической помощи в создании органов безопасности Афганистана. Просьба афганской стороны была удовлетворена, в августе 1978 года в Кабуле начало функционировать Представительство КГБ СССР во главе с полковником Леонидом Павловичем Богдановым.

В отношении Леонида Павловича известно, что свою трудовую деятельность начал пятнадцатилетним подростком. С лета 1942 года работал слесарем-мотористом в Москве на заводе № 89 авиационной промышленности. В феврале 1943 года добровольно поступил в школу радистов особого назначения 4-го (разведывательно-диверсионного) управления НКВД СССР. В октябре-декабре того же года выполнял специальное задание в качестве радиста оперативной группы, действовавшей на Киевском направлении. Было тогда Леониду 16 лет.

В 1944–1946 годах Богданов — воспитанник Суворовского военного училища НКВД в г. Кутаиси. Затем были погранучилище, служба на границе, Военный институт МВД СССР, где он познакомился и подружился с Григорием Ивановичем Бояриновым, а дальше снова служба на границе. Затем Леонид Павлович заканчивает Военно-дипломатическую академию и с 1959 года начинает работать в ПГУ — Первом главном управлении КГБ СССР (внешняя разведка). Выезжает за границу в качестве сотрудника резидентуры, затем становится заместителем резидента в Индии по линии политической разведки. Впоследствии был резидентом в Индонезии и Иране.

Развитие событий в Афганистане в это время шло в направлении усиления напряженности и расширения масштабов

вооруженных нападений на контролируемые правительственными силами провинциальные центры, транспортные коммуникации, организации диверсионных акций на линиях электропередач и линиях связи, усиления влияния антиправительственной агитации среди личного состава войсковых частей.

Круг задач Представительства КГБ СССР неуклонно расширялся, требовалось увеличение численности советнического аппарата и привлечения инструкторов и преподавателей для подготовки кадров спецподразделений службы безопасности Афганистана, нацеленных на борьбу с вооруженными формированиями антиправительственных сил, на предотвращение и пресечение диверсионных и террористических акций со стороны их подпольных групп.

В принятом в конце июня 1979 года решении Политбюро ЦК КПСС о проведении дополнительных мероприятий по оказанию советнической помощи спецслужбам и усилению охраны советских представительств в Кабуле и нашей авиаэскадрильи в Баграме указывалось также о наделении полномочиями руководства КГБ СССР предпринимать конкретные действия, необходимость в которых диктуется обстановкой в Афганистане.

На основании этого решения 8-й отдел получил от руководства ПГУ и КГБ указание сформировать из проходивших подготовку на КУОС оперработников центрального аппарата и территориальных органов КГБ отряд для направления в Афганистан в распоряжение Представительства КГБ.

Следует отметить, что командирование за рубеж с заданием специфического характера целого спецподразделения КГБ СССР, имевшего к тому же собственное вооружение и спецсредства, вплоть до автономной радиосвязи, было, пожалуй, первым подобным опытом за многие годы.

К 2 июля 1979 года отряд в составе 38 человек, получивший наименование «Зенит», был готов к вылету.

Командиром отряда был назначен начальник КУОС полковник Григорий Иванович Бояринов. Заместителем командира отряда по политической части, ответственным одновременно за

организацию связи отряда с Центром и работу шифроргана назначили подполковника Василия Степановича Глотова. Еще одним заместителем был назначен преподаватель физподготовки КУОС майор Александр Иванович Долматов.

Василий Степанович вспоминал: «Отряд был вооружен и экипирован, имел необходимое количество боеприпасов и продовольствия в виде сухих пайков — НЗ. Форма одежды была единая для всех, без знаков различия, используемая подразделениями спецназа при действиях в пустынной местности с жарким климатом.

4-го июля в 4 часа утра отряд прибыл на аэродром «Чкаловский», где в самолет Ан-12 загрузили имущество, а личный состав занял места в пассажирском самолете Ту-134 с военным экипажем. Взлетели и взяли курс на Орск, где часов в 13 совершили посадку для дозаправки самолета топливом. В 14 часов поднялись в воздух, а к вечеру уже заходили на посадку в аэропорту «Ташкент». После посадки весь личный состав отряда покинул борт Ту-134 и занялся разгрузкой имущества из Ан-12. Для размещения на ночь отряду отвели помещение типа конференц-зала. Часть офицеров отряда обеспечивала, посменно, охрану груза.

5 июля выяснилось, что груз будет по частям перебрасываться самолетом Ан-26 с экипажем погранвойск из Ташкента в Кабул, а часть личного состава отряда во главе с Мелкумовым Кабдалдой Ешеновичем будет занята погрузкой, сопровождением и охраной груза. Группа же отряда в составе 32 человек во главе с Г.И.Бояриновым вылетит в Кабул (с посадкой в Душанбе на дозаправку) самолетом погранвойск Як-40, который мог принять на борт 32 пассажира и доставить их на расстояние до 1500 км.

Як-40 с группой «Зенита» на борту совершил посадку в аэропорту Кабула около 15 часов местного времени. Вблизи стоянки военных самолетов видна была группа встречающих во главе с первым заместителем начальника ПГУ генерал-лейтенантом Борисом Семеновичем Ивановым. Следует отметить, что Борис Семенович до своего назначения на должность заместителя начальника ПГУ в 1965 году в течение

полугода возглавлял 8-й отдел Управления нелегальной разведки ПГУ. Кроме того, по долгу службы здесь были консул Петр Сергеевич Голиванов, советник от погранвойск полковник Кириллов, представитель Аэрофлота, представители афганских властей и другие незнакомые лица. Для размещения отряда было отведено одно крыло здания школы в жилом городке посольства. Одну аудиторию отряд занял под складирование имущества, продовольствия и боеприпасов. Там же разместились пирамиды с оружием, которые изготовили своими силами в первые же дни. В аудитории постоянно находилась команда из трех человек во главе с К.Е.Мелкумовым. Две аудитории использовались как спальные помещения для личного состава отряда. Пищеблок оборудовали в вестибюле, там же установили скамьи и столы для приема пищи. В первые дни пребывания была напряженка с устройством быта в помещении, не рассчитанном на постоянное пребывание большого количества людей, но в течение недели эта проблема нашла свое разрешение. В последующие дни установили напротив входа в здание школы душевые кабины и даже заручились разрешением посла на пользование бассейном с 7.00 до 8.00 два раза в неделю.

Командир делил с бойцами отряда все трудности. Вот что писал Григорий Иванович в это время в одном из своих писем домой: «Прошло почти две недели, как я уехал от вас. Работать приходится много. Наш рабочий день начинается на 1,5 часа раньше, чем в Москве. Весь день в заботах, начиная с шести часов утра и до 22–23 часов. За день устаешь основательно.

Обстановка здесь нормальная. Часть ребят поехала по стране, а основная масса в Кабуле...

Теперь о своем бытии. Питаемся своим коллективом. Выделили повара. Расходуем все, что привезли, и прикупаем лишь только хлеб, картошку и немного овощей. Готовят ребята добротнo, хотя и примитивно. Качество хорошее, калорийность — достаточная.

Живем, как в казарме, в школе. Спим на раскладушках, кушаем на партах.

В Кабуле стоит жара. В тени до 35 градусов, на солнышке свыше 55. Но я переносу все легко. Главное — отработанный питьевой режим. Немного поухудел. Вот так и живем...»

По воспоминаниям Василия Степановича Глотова, Александру Ивановичу Долматову нашлось спальное место в одной из аудиторий, ему же с Григорием Ивановичем пришлось оборудовать свои спальные места на раскладушках в торце коридора, где была поставлена фанерная перегородка, отделявшая от других помещений школы. Две раскладушки как раз заняли все пространство коридора по ширине, и к ним можно было подойти только с торца, а далее — вползть. Григорий Иванович, как известно, был мастер храпеть, и это у него получалось даже тогда, когда голова еще не коснулась подушки. Если Василию Степановичу не удавалось заснуть раньше него, то ночное бдение было обеспечено. В таких случаях он поднимался и шел проверять посты.

Сразу по прибытии была установлена строжайшая дисциплина. На первом построении личного состава Григорий Иванович строго предупредил, что «по законам военного времени» приказы командования не подлежат какому-либо обсуждению. От личного состава требовалась предельная бдительность и осторожность. Был установлен строгий распорядок дня, включавший в себя боевое круглосуточное посменное дежурство, а также интенсивные ежедневные занятия по боевой и физической подготовке. Еще в Москве был введен «сухой закон» на все время командирования.

Ближайшую задачу отряду поставил Б.С.Иванов. Пока она была несложной. Отряд делился на группы. Основная группа должна была обеспечить охрану жилого городка посольства и соорудить огневые точки на чердаках зданий для отражения возможного вооруженного нападения. Две небольшие группы были размещены в квартирах в микрорайоне, застроенном типовыми панельными домами. В этом микрорайоне проживало большинство советских граждан, работающих в Кабуле, в том числе и военные советники. Две группы отряда должны были послужить ядром охраны микрорайона. Об этом и договорились с начальником штаба

аппарата военных советников полковником Иваном Сергеевичем Никоновым. Четвертая группа отряда расположилась на арендованной вилле неподалеку от посольства также с задачей охраны работников посольства, торгпредства и экономсоветника, проживающих за пределами жилого городка посольства. Охрану самого посольства несли 17 пограничников. Их жилые помещения располагались вдоль глухого бетонного забора посольского городка вблизи школы.

Во второй половине июля отряд получил дополнительную задачу: выделить из своего состава лиц для работы в качестве советников в подразделениях службы безопасности в провинциальных центрах Афганистана. Отправка этих офицеров осуществлялась попутными рейсами транспортных самолетов ВВС Афганистана или вертолетов, доставлявших советских военных советников в провинциальные центры страны. Об использовании афганских транспортных самолетов договаривались на каждый рейс с работниками контрразведки ВВС (Голь Саидом, Амануллой, Ахтаром), с которыми установились хорошие деловые отношения. Вопросы отправки офицеров отряда вертолетами решали через полковника И.С.Никонова.

Кроме офицеров, выделенных для работы советниками в провинциях, потребовались офицеры-инструкторы для оказания практической помощи Учебному центру афганской службы безопасности, расположенному в Пагмане. Их возглавил А.И.Долматов. Из основной группы отряда были выделены также несколько офицеров для сопровождения в поездках посла, Б.С.Иванова и Л.П.Богданова.

За первые 17 дней пребывания в Кабуле все сотрудники изрядно потеряли в весе, поскольку Центр надолго задержал перевод денег в Кабул, для выплаты командировочных, а сухие пайки относились к НЗ и поэтому расходовали их сверхэкономно. С 22 июля началась выплата командировочных, и с питанием положение улучшилось. Продукты питания сотрудники закупали на рынке (на «Зеленом»), каждый раз меняя места покупки. Поездки за продуктами обычно возглавлял А.И.Долматов.

На долю Василия Степановича Глотова приходилась работа об оформлении служебных паспортов в консульстве на всех прибывших, отправление офицеров в провинции, получение командировочных денег, доставка писем, газет и журналов из посольства на все занимаемые отрядом объекты, контроль за выполнением установленного режима несения службы личным составом и соблюдения им правил поведения за рубежом. Пользуясь доступом в объединенную информационную группу представительства и резидентуры КГБ, возглавлявшейся Эдуардом Константиновичем Колбеновым, Василий Степанович ежедневно, при проведении Г.И.Бояриновым инструктажа заступающих в наряд, сообщал личному составу информацию по стране за истекший день. С разрешения Б.С.Иванова Василий Степанович два раза в неделю мог пользоваться специальной телефонной связью с Москвой и докладывать руководителям 8-го отдела о нуждах и заботах отряда. Связь осуществлялась через спутник. Свою коротковолновую радиосвязь по радиолинии «Сатурн» сотрудники опробовали в первые же дни пребывания в Кабуле и, убедившись в ее надежности, законсервировали. Шифры были сданы на хранение в референтуру посольства, радиостанции «Сатурн» оставались на нашем складе под наблюдением. Аккумуляторные батареи требовали периодической подзарядки.

В середине августа в отряд прибыли 22 человека пополнения во главе с сотрудником 8-го отдела подполковником Николаем Алексеевичем Сурковым. Среди офицеров пополнения были два преподавателя КУОС — майоры Андрей Арсеньевич Драга и Николай Николаевич Кекшоев. Этим же рейсом прибыл сотрудник спецгруппы 8-го отдела Юрий Николаевич Виноходов. У него было индивидуальное задание, и поэтому поселили его в арендованном домике неподалеку от посольства. Выделили ему из состава отряда помощника (Игоря Воронцова), вдвоем они успешно справлялись со своими делами.

Основной задачей группы было уточнение политической и оперативной обстановки в стране, а также разведка Кабула, подступов к нему, выявление местонахождения и системы

охраны важных правительственных зданий, объектов жизнедеятельности, армейских штабов и казарм.

Группе, в составе которой было ограниченное число сотрудников, владевших дари и фарси, пришлось нелегко, но к концу августа она сумела выполнить поставленные задачи.

К этому времени обстановка в стране и в столице Кабуле еще более осложнилась. Отряду уже стали поручать задания по разведке местности и городских объектов. Потребовался крупномасштабный план города, а его не оказалось. Пришлось методом проекции с мелкомасштабного плана вычерчивать требуемый и дополнять его по результатам визуальной разведки.

Афганские руководители в вопросах личной безопасности не очень полагались на своих военнослужащих, особенно после антиправительственного вооруженного выступления личного состава одной из частей, дислоцировавшейся в кабульской крепости Бала-Хисар. Чтобы не теряться в сомнениях, власти прибегали к нашей помощи в обеспечении своей безопасности при проведении собраний с широким представительством различных социальных групп. В.С.Глотов вспоминает, что ему доводилось выполнять эти ответственные функции в больших залах с группой офицеров «Зенита», когда там проводились многолюдные собрания с участием старейшин, религиозных авторитетов и других влиятельных представителей различных социальных групп. Приходилось учитывать и то, что среди присутствующих было много членов НДПА, вооруженных самым разнообразным личным стрелковым оружием.

В день беспорядков в Кабуле 5 августа 1979 года УАЗ отряда попал под обстрел патруля, но все обошлось без ущерба для нас. После объяснений со старшим патруля продолжили свой путь, но уже на меньшей скорости и с оглядкой. Чтобы всякий раз не пускаться в длинные объяснения с патрульными, Г.И.Бояринов и В.С.Глотов обзавелись удостоверениями от местной службы безопасности, в которых предписывалось оказывать содействие в случаях обращения за помощью. Правда, все равно не обошлось без неприятностей. В Кабуле, среди

бела дня, выстрелом из пистолета был ранен Борис Федорович Баранов, заместитель Григория Ивановича.

В том же августе 1979 года попытку переворота попыталась совершить афганская бригада специального назначения, имевшая на вооружении бронетехнику и расположенная на окраине Кабула в крепости Бала-Хисар. По полученным данным, среди других объектов мятежники намеревались взять штурмом посольство СССР. Вот тут-то и пригодилась вся проделанная отрядом «Зенит» работа по организации обороны территории посольства.

Получив данные о попытке переворота и намерениях мятежников, весь личный состав отряда «Зенит» после краткого инструктажа, по заранее разработанному плану обороны посольства, занял свои места. Каждый из бойцов знал свой сектор обстрела и свой маневр, а подготовленные еще в первые дни пребывания отряда в Афганистане огневые точки давали возможность полностью перекрывать все вероятные направления атаки противника. В считанные минуты территория посольства и его здания превратились в неприступную крепость.

Однако нападение на посольство не состоялось. Мятежники были разбиты при поддержке с воздуха верными правительству войсками еще на подступах к Кабулу. Уже к вечеру крепость Бала-Хисар была взята элитными частями Царандоя.

Несостоявшийся штурм посольства явился хорошей проверкой боеспособности отряда «Зенит», подтверждением правильности принятого руководством решения об организации полноценной обороны посольской территории.

К концу августа прояснилась дата завершения отрядом своей деятельности в Кабуле. Руководство отряда предупредило, что 4 сентября прибудет на замену отряду рота пограничников и необходимо заранее передать оружие, боеприпасы и имущество командиру группы из 17 пограничников, которые охраняли посольство. Быстро подготовили и все передали пограничникам, оформив всю процедуру актом.

4 сентября утром самолет Ту-154 доставил на Кабульский аэродром 104 человека на замену «Зениту», сотрудники кото-

рого все уже были на аэродроме в готовности к погрузке и вылету. В Кабуле осталась небольшая группа из отряда «Зенит, во главе с Н.А.Сурковым для выполнения разовых поручений Представительства КГБ и оказания инструкторской помощи афганской стороне в Учебном центре в Пагмане. Среди оставшихся были Долматов, Кекшоев, Драга, Косов, Малимонов, Курилов, Чекулаев и др. В середине дня 4 июля группа прибыла в Ташкент, а вечером Ту-154 доставил Г.И.Бояринова с группой на Чкаловский аэродром. На этом пребывание сотрудников в составе отряда «Зенит» закончилось.

После командировки Григорий Иванович поделился с авторами этой книги некоторыми соображениями по итогам своего знакомства с этой страной. Мы спросили его:

— Григорий Иванович, стоит ли нам активизировать политику по отношению к Афганистану?

Он немного подумал и сказал:

— Если откровенно, друзья, то ответу восточной поговоркой: «Прежде чем войти в чужой дом, нужно подумать, как из него выйти».

Это была глубокая мысль.

Вскоре после возвращения из Афганистана Григорий Иванович пишет рапорт на имя начальника ВКШ КГБ СССР генерал-лейтенанта А.П.Рагозина с просьбой о назначении подполковника Василия Степановича Глотова на должность заместителя начальника спецкурсов и заместителя начальника кафедры. В рапорте, в частности, он писал: «Мною на вакантную должность заместителя начальника спецкурсов (он же зам. начальника кафедры) подобран подполковник Глотов Василий Степанович, помощник начальника 8-го отдела управления «С» ПГУ, 1926 года рождения, член КПСС, образование высшее, в органах КГБ с 1943 года.

Тов. Глотов В.С. опытный и грамотный, практический работник, хорошо подготовлен в военном отношении. По работе характеризуется положительно. Профиль работы спецкурсов знает. Здоров. Физически развит. Вынослив.

При выполнении личным составом КУОС в июле-августе с.г. специального задания был назначен заместителем коман-

дира спецотряда. К выполнению этих обязанностей относился добросовестно и зарекомендовал себя как смелый, честный и трудолюбивый офицер-воспитатель. Среди личного состава пользовался уважением и деловым авторитетом...»

Рапорт Григория Ивановича был рассмотрен положительно, но не сразу. События вокруг Афганистана развивались стремительно.

Василий Степанович Глотов по окончании командировки в Афганистане приступил к исполнению своих обязанностей по прежней должности в 8-м отделе. Однако участие в различного рода мероприятиях по Афганистану имело свое продолжение. В частности, ему пришлось принять активное участие в операции «Радуга» по вывозу из Афганистана трех опальных министров.

Василий Степанович вспоминает: «Ночью 16 сентября (с субботы на воскресенье) меня вызвали в штаб-квартиру ПГУ. По прибытии препроводили к генерал-майору Лысенко Николаю Ефимовичу, который, осведомившись о том, знаю ли я о причине вызова, повел меня в кабинет начальника разведки, где в это время заседал оперативный штаб, обсуждавший ситуацию, сложившуюся в Афганистане. Начальник разведки В.А.Крючков сказал, что мою кандидатуру предложили руководители 8-го отдела для выполнения деликатного задания — нелегального вывоза из Кабула трех министров (Гулябзоя, Ватанджара и Сарвари), попавших в опалу после захвата власти Амином. Эти лица нашли с помощью Представительства КГБ СССР временное прибежище на вилле, занимаемой группой «Зенита».

Здесь, наверное, следует прервать воспоминания Василия Степановича, чтобы читателя ввести в курс, что из себя представляли эти оппозиционеры. Прежде всего, надо отметить, что все они так или иначе относились к службе безопасности страны.

Леонид Павлович Богданов в своей книге «Афганская тетрадь» пишет, что вскоре после апрельского переворота 1978 года было создано Управление национальной безопасности (УНБ). Название это традиционно сохранилось еще со времен

короля Захир Шаха и Дауда. Однако практически это была партийная контрразведка, состоявшая из небольшой (12–15 человек) группы офицеров бывшей афганской армии, которых отобрал и направил туда Х.Амин, еще до событий 27 апреля, отвечавший в Политбюро ЦК НДПА за работу в армии и службу безопасности. Естественно, они не имели опыта и знаний в области оперативной работы, выполняли любые указания Н.М.Тараки и Х.Амина, в основном действуя на свой страх и риск. Основной задачей УНБ была борьба с любого рода оппозицией, в том числе и внутри партии. Эта группа проводила аресты, допросы, выносила приговоры и сама приводила их в исполнение. По существу, УНБ было орудием, с помощью которого Н.М.Тараки начал проводить в жизнь свой лозунг: «Мы пройдем железным катком по Афганистану», провозглашенный им после апрельского переворота.

Начальником УНБ был молодой майор ВВС Асадулла Сарвари. Человек огромного роста, крупного телосложения, весом не менее 120 килограммов, был женат, имел двоих детей. В первое время ходил в сандалиях, брюках, рубашке без галстука и свитере.

А.Сарвари был человеком необычайной храбрости, воздушным асом. К нему в свое время очень доброжелательно относились и Захир Шах, и Дауд. В подпольную работу, а затем и в НДПА («Хальк») его привлек Х.Амин. Летному делу учился у нас, в г. Фрунзе. Мог летать на нескольких типах наших самолетов и вертолетов. Достаточно прилично знал русский язык.

В момент переворота 27 апреля 1978 года он поднял самолет в воздух и бомбил резиденцию Дауда.

Известен случай, что как-то еще при Захир Шахе на базу ВВС в Баграме приехал наш генерал авиации. Проводились тренировочные полеты. А.Сарвари в темное время, без карты, с отключенными приборами и огнями на взлетно-посадочной полосе поднял истребитель, ушел в зону, совершил плановые задания, а затем посадил машину на том же аэродроме. После полета наш генерал заявил, что в Советском Союзе только за этот полет ему могли бы присвоить звание Героя.

Леонид Павлович вспоминает, что, по словам А.Сарвари, он давно, в период правления Дауда, неоднократно предлагал Н.М.Тараки совершить государственный переворот. План его был таков. В определенный день он приходит к Дауду в кабинет и садится в кресло около письменного стола. Затем делает вид, что ищет на полу какую-то вещь и тем самым провоцирует Дауда нагнуться. В этот момент своим огромным кулачищем наносит удар по голове и прячет его тело в туалете. После этого нажимает кнопку звонка для вызова адъютанта и быстро становится около двери с пистолетом в руке. Под угрозой оружия адъютант по очереди вызывает к Дауду министра обороны, министра внутренних дел и начальника УНБ.

При их поочередном прибытии в кабинет А.Сарвари продельывает то же, что он сделал с Даудом. Затем, с помощью того же адъютанта, готовится указ от имени Дауда о назначении на эти важнейшие посты новых людей, которых предложит А.Сарвари по согласованию с Н.М.Тараки и Х.Амином. Этот указ объявляется по радио и в прессе. Сторонники Н.М.Тараки занимают новые посты и быстро проводят мероприятия по нейтрализации ближайшего окружения Дауда. Вот и вся революция.

Да уж, мы согласны с мнением Леонида Павловича, что в смелости этому человеку не откажешь.

Майор Гулябзой — молодой, коренастый, энергичный и очень смелый человек. До революции был членом подпольной офицерской группы НДПА («Хальк»). Активный участник апрельских событий. Беспредельно преданный Н.М.Тараки. С 27 апреля 1978 года адъютант и личный телохранитель главы Афганистана. Уже после прихода к власти Бабрака Кармаля в силу возникших разногласий был направлен послом ДРА в Советский Союз.

Ватанджар занимал посты министра обороны и министра внутренних дел Афганистана.

15 сентября по радио сообщили об отстранении от власти, якобы по причине болезни, президента Афганистана Н.Тараки. К власти пришел Х.Амин, и в стране воцарился режим его личной диктатуры, характерный массовыми расправами

над сторонниками Тараки и другими инакомыслящими. Сам бывший президент вскоре после насильственного отстранения был задушен подушкой в своей кровати известным своей жестокостью Джандатом, начальником личной охраны Х.Амина. Члены семьи были расстреляны.

В результате конфликта между Амином и Тараки и последующего убийства главы государства, вышеперечисленные лица оказались в оппозиции к Х.Амину.

Но вернемся к воспоминаниям Василия Степановича Глотова. «После обсуждения ряда вариантов эвакуации противников Амина остановились на моем предложении вывезти их в ящиках под видом багажа посольства, сопровождаемого дипкурьером. В этот период на территорию посольства ввозились и вывозились с нее грузы в крупногабаритной таре, поэтому очередной груз не должен был вызвать подозрения. Выслушав множество советов и указаний по выполнению задания, я попросил разрешения действовать по обстановке при неукоснительном выполнении наказа о недопущении конфликтных ситуаций при встречах с патрулями и проездах через КПП. Напутствовал меня В.А.Крючков словами: «Имейте в виду, что вы отвечаете за все, и в том числе за последствия при задержании!» Такая концовка инструктажа несколько покорибила меня. Но поскольку субординация возбраняла мыслить о начальниках плохо, я дисциплинированно смолчал. В моем присутствии начальник разведки переговорил по телефону с маршалом Н.В.Огарковым и определил дату вылета из Москвы 18 сентября. На все сборы и приготовления оставались воскресенье и понедельник.

Поскольку тару для «дипбагажа» надо было изготовить в Москве, то пришлось прибегнуть к помощи Григория Ивановича Бояринова. Он дал команду своему заместителю по МТО В.М.Санькову, и за два дня его сотрудник Николай Демьянович Демченко, известный всем поколениям кузовцев, изготовил и покрасил в защитный цвет три ящика заданных габаритов. В крышках ящиков сделали отверстия, внутрь положили матрасы и кислородные подушки. Ящики погрузили в

автомобиль ГАЗ-66, который Григорий Иванович разрешил взять в полет в Афганистан и доставить обратно.

Команду, улетающую со мной на пополнение отряда «Зенит», формировал сотрудник 8-го отдела Эвальд Григорьевич Козлов, который в этот период курировал спецкурсы. Она была немногочисленной — всего 10 человек (Я.Ф.Семенов, Е.Г.Блинов, М.А.Талыбов, Б.В.Карпов, В.А.Поддубный, Р.Х.Шафигуллин, В.П.Росляков, Ю.П.Жмакин, Голдаков и др). Помимо офицеров этой команды с нами вылетали еще 6 сотрудников разных подразделений КГБ со своими задачами. Никто из вылетавших не знал истинной цели рейса. Старшим на борту назначили меня. Время прибытия на аэродром Чкаловский определили 3.00 18 сентября.

Вечером на территории Спецкурсов, в домике, где занимал комнату Григорий Иванович, по инициативе Э.Г.Козлова затеяли мрачный ритуал: открыли бутылку коньяка, выпили половину за успех операции, расписались на этикетке и решили, что вторую половину допьем после возвращения из командировки живыми и невредимыми.

Выехали на аэродром автобусом и двумя автомобилями. На пограничном КПП аэродрома быстро зарегистрировали улетающих и где-то около 4 часов 18 сентября вылетели курсом на Фергану. В 9 утра совершили посадку на аэродроме Ферганы. Нас встретил командир авиаполка и доложил, что резервный самолет Ан-22 находится в готовности. Поскольку наш Ил-76 в полете вел себя безукоризненно, то после дозаправки топливом мы продолжили полет на его борту теперь курсом на Баграм.

В Баграм прибыли где-то около 11 часов. Нас встречали. Забрать пополнение для отряда приехал в автобусе Н.А.Сурков. Для вывоза груза УПС Представительство КГБ прислало два грузовых автомобиля. На своих служебных машинах подъехали помощник посла по безопасности С.Г.Бахтурин и сотрудник Представительства КГБ Б.Н.Кабанов. Борис Николаевич вручил мне дипкурьерский лист и афганские номерные знаки на наш автомобиль ГАЗ-66. Прибывший с Н.А.Сурковым Андрей Михайлович Малимонов быстренько

выкатил из фюзеляжа Ил-76 автомобиль, сменил номерные знаки и, дождавшись размещения ящиков УПС в кузовах грузовиков, встал замыкающим в выстроившейся колонне автомобилей. Перед началом движения колонны я попросил командира экипажа Ил-76 следить за въездом на авиабазу и, как только там появится наш ГАЗ-66, возвращающийся из Кабула, сразу же дать команду на запуск двигателей самолета. Двинулись колонной в Кабул. Я устроился в кабине ГАЗ-66 с Андреем Малимоновым. Двигались по маршруту, пролегающему мимо виллы № 1 отряда «Зенит». Автомобили, груженые ящиками УПС, проследовали в посольство, а автобус и ГАЗ-66 притормозили у виллы №1. Автобус с прибывшими людьми въехал во двор виллы, а ГАЗ-66 подогнали задним бортом к воротам гаража, выходящим на улицу. Через них внесли в гараж пустые ящики, выгруженные из кузова автомобиля. Размещение эвакуируемых в тару, упаковка, навешивание вализ и погрузка ящиков в автомобиль заняли полчаса.

Закончив погрузку, мы, не мешкая, двинулись в обратный путь. Впереди шел автомобиль Б.Н.Кабанова, затем наш ГАЗ-66 с грузом и замыкающим — автобус с отъезжающими из Кабула группой офицеров «Зенита» и сопровождающими во главе с Н.А.Сурковым. В кузове ГАЗ-66 около ящиков сидели Долматов, Курбанов, Косяков, Курилов и я. Оружие у сопровождающих было припрятано, мне как дипкурьеру можно было свой АПС носить открыто. По пути следования в городе нас дважды останавливали для проверки, но всякий раз процедура обходилась без досмотра. Я, помимо дипкурьерского листа, предъявлял удостоверение, выданное службой безопасности Афганистана, в котором предписывалось оказывать предъявителю всяческую помощь. На выезде из города у КПП немного задержались, но после обстоятельного разговора сотрудника Представительства КГБ с контролерами КПП при моем участии и переводчика и проверки наших документов шлагбаум был открыт и мы выехали на дорогу, ведущую в Баграм. Напряжение несколько спало, и оставшиеся 60 километров нас уже волновали меньше. До авиабазы доехали благополучно. В этот день афганский пер-



Група «Зеніт»



Дворец Амина «Тадж-бек»



Александр Пунтус  
на горной подготовке в Армении  
демонстрирует мастерство при  
подъеме во вертикальной скале



Группа на занятиях  
по минно-подрывной  
подготовке  
на полигоне



Боевые будни каскадеров



Г.И.Бояринов с группой «Зенит»  
в первой командировке в Афганистан. Июль 1979 г.



Ветераны КУОС перед встречей с И.Г.Стариновым в день его 100-летнего юбилея. 2 августа 2000 года



Президент Фонда «КУОС-Вымпел» Л.М.Смоляр  
(справа) и А.А.Евсеенков (слева)



Герой Советского  
Союза полковник  
В.С.Белюженко



Ветераны спецназа перед зданием 1-го учебного корпуса



На праздновани 40-летия КУОС.  
На переднем плане: Н.М.Галушко, А.Т.Голубев и А.Иващенко



Чествование ветеранов по случаю 40-летия КУОС



Президент России В.В.Путин поздравляет А.Н.Ботяна с присвоением звания Героя России. Май 2007 г.



Авторы книги В.Суродин и А.Цветков с Героем России А.Ботяном на встрече в Академии ФСБ



А.Н.Ботян и  
И.И.Москвичев



Я. Ф. Семёнов выступает в день открытия памятника «вымпеловцам» на объекте



Встреча ветеранов в «Грант Вымпеле»



Встреча ветеранов-спецназовцев с генерал-полковником Н.М.Голушко, генерал-майором Михаилом Сергеевичем Шейкиным и генерал-майором С.И.Божко



Совет Фонда «КУОС-Вымпел» имени Г.И.Бояринова на встрече со слушателями Академии ФСБ РФ в день памяти И.Г.Старинова



Награждение сотрудников спецназа КГБ УССР, участников боев в Афганистане. На переднем плане: председатель КГБ УССР генерал-полковник Н.М.Голушко и его заместители — В.Пыхтин, Л.Быхов, Г.Ковтун. 1987 г.



В Кремлевской дворце съездов. 20 декабря 2004 г.



Традиционная декабрьская встреча ветеранов спецназа



Генерал-полковник Н.М.Голушко и генерал-майор Д.Н.Рак-Рачек принимают руководство Фонда «КУОС-Вымпел»



На открытии памятника И.Г.Старинову



Старейшины спецгруппы «Вымпел» на 20-летию группы. 18 августа 2001 г.

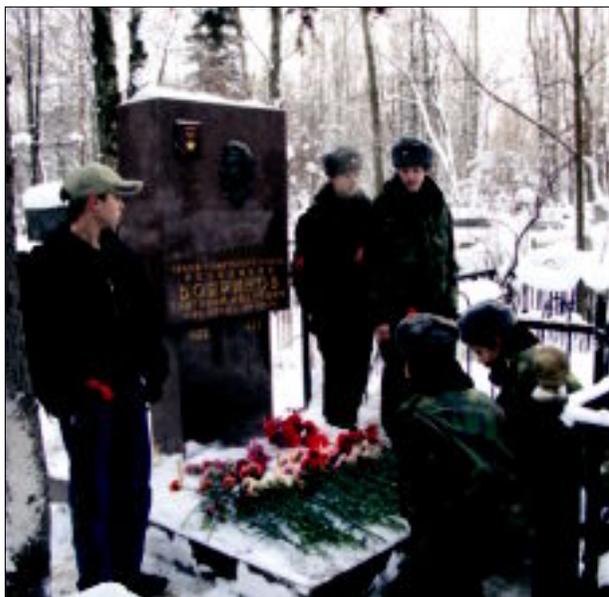
Группа слушателей на занятиях по стрелковой подготовке



Наша достойная смена



С.Омельченко с группой молодых спецназовцев перед выходом в поход



Ребята из военно-патриотического центра «Вымпел» в почетном карауле у могилы Г.И.Бояринова



Вечная память ушедшим



Преклоняем колени  
перед бойцами, отдавшими  
свою жизнь за нашу свободу



Если не будем  
помнить своего  
прошлого, у нас  
не будет будущего



Памяти отцов верны



Награждение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II  
медалью Г.И.Бояринова

сонал на авиабазе полностью отсутствовал. Все процедуры с приемкой и отправкой самолетов осуществляли советские советники и инструкторы. Андрей Малимонов закатил ГАЗ-66 с грузом в фюзеляж самолета, члены экипажа быстро его закрепили. Лица, отъезжающие в СССР, заняли свои места в фюзеляже. Пока наш Ил-76 рулил к старту, с ВПП поднялись два истребителя с советскими летчиками-инструкторами. Они подстраховали наш полет к границе. Минут через 10 после взлета мы открыли крышки ящиков и помогли нашим подопечным выбраться из них. Все трое были, конечно, взмокшие от жары и духоты, но в целом чувствовали себя нормально. Помощь медсестер не потребовалась. Водички они попили с удовольствием. Сарвари сразу же попросился к месту штурмана. Командир экипажа разрешил, и он как прилик к блистеру, так и не отрывался до самой посадки в Ташкенте. Гулябзой сносно объяснялся по-русски, и мы с ним долго говорили об обстоятельствах случившегося и об их семьях. Ватанджар русским языком не владел, молча смотрел на всех и улыбался.

Посадку в Ташкенте совершили уже к вечеру. В иллюминатор мне были видны встречающие. Подполковник в форме КГБ мне был незнаком, но рядом с ним маячила фигура заместителя начальника управления «К» полковника Юрия Михайловича Александрова. Я попросил экипаж поставить стремянку у люка и по ней спустился вниз, предварительно предупредив всех находящихся на борту, чтобы оставались на своих местах. После общения с Ю.М.Александровым и знакомства с подполковником (он оказался начальником особого отдела военного аэродрома) попросили прибывших афганцев присоединиться к нам. Разместили их в две поджидавшие автомашины «Волга» и пожелали благополучия в дальнейшей судьбе. На автомобиле начальника особого отдела я проехал до депутатского зала аэропорта, откуда по телефону ВЧ-связи доложил начальнику разведки об успешном завершении операции. А 18 октября Председатель КГБ СССР Ю.В.Андропов подписал приказ о награждении меня ценным подарком — охотничьим ружьем ИЖ-27.

Третья командировка в Афганистан выпала на ноябрь 1979 года. Перед вылетом меня вызвали в управление кадров ПГУ. Полковник Леонид Иванович Пастухов провел меня к начальнику 20-го отдела генерал-майору В.Н.Спольникову, после краткой беседы с которым мы прошли к первому заместителю начальника ПГУ генерал-лейтенанту В.А.Кирпиченко. Задание на командировку было конкретное: подобрать в Кабуле или в Баграме помещения для размещения нескольких сотен военнослужащих на зимнее время. Инструктаж был кратким — уложиться в две недели.

Вылет состоялся 14 ноября с Чкаловского аэродрома самолетом Ан-12. Этим же рейсом в Баграм летел заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант Н.Н.Гуськов. Первая посадка была в Фергане, следующая — в Баграме. Прибыли к вечеру и остались ночевать в капонири, в помещении, отведенном Николаю Никитовичу Гуськову. В его резиденции было довольно прохладно, и пришлось воспользоваться обогревателем на керосине, изготовленным кустарным способом солдатами. Они дали ему название «Поларис». Тепла от него было столько же, сколько копоти и угарного газа. Утром двумя автомобилями выехали в Кабул. Я устроился в автомобиле С.Г.Бахтурина. Доехали благополучно, без инцидентов. После доклада Б.С.Иванову о прибытии и содержании командировочного задания, я получил дополнительные указания и возвратился в Баграм на автомобиле Бахтурина.

В штабе авиабазы «Баграм» случайно встретил офицера из нашего отряда «Зенит», который работал советником у афганских должностных лиц. Он добыл мне схему охраны и обороны авиабазы. С Николаем Никитовичем Гуськовым мы обошли все капониры на территории, которую занимал и охранял батальон советских десантников. Лучших помещений для размещения большого количества людей найти было невозможно. Сюда же можно было доставить нелегально и небольшие группы лиц.

По выполнении задания, я 17 ноября самолетом Ан-12 вместе с Н.Н.Гуськовым возвратился в Фергану. Заночевали в гостинице воздушно-десантной дивизии, а утром на борту Ан-12 прибыли на аэродром Чкаловский.

Где-то в двадцатых числах ноября начальник отдела поручил мне срочно доставить на Чкаловский аэродром пакет и там вручить его оперработнику ПГУ, которого я знал в лицо с 16 сентября, когда решался вопрос об исполнителе задания по нелегальному вывозу из Кабула опальных министров. О том, что пакет доставлен, мы должны были по телефону ВЧ-связи доложить В.Г.Красовскому. Телефонный аппарат стоял в зале руководящего состава и когда мы туда прошли, я увидел оживленно беседующую группу афганцев. С нашим появлением от группы отделился человек и быстро подошел к нам. Это оказался Ватанджар. Тепло поздоровались и подошли к другим афганцам, среди которых были Гулябзой и Сарвари. Группа вылетала в Ташкент в сопровождении сотрудников ПГУ.

Очередная, четвертая по счету, командировка состоялась в первых числах декабря. Подготовка к ней проходила уже без ажиотажа. Все делалось на уровне 8-го отдела управления «С». Владимир Григорьевич Красовский-Самолук познакомил меня с сотрудниками ПГУ, которые должны были передать на мое попечение Абдуллу Вакиля (будущего министра финансов при Бабраке Кармале). Моей задачей было в очень короткий срок обучить его стрельбе из пистолета «Беретта» с бесшумной насадкой и без нее и приемам боя с холодным оружием. Внешность Вакиля была заметной (малый рост, зеленые глаза, редкие белые зубы), и для ее изменения были подобраны линзы для глаз, вставная челюсть и вкладка в обувь для прихрамывания. Вакилю ни в коем случае нельзя было попадать в руки службы безопасности Амина. Он знал, что его там ждет, и поэтому был твердо уверен, что живым его не захватят.

Доставка Вакиля в Афганистан была поручена мне. Я не стал ничего изобретать и предложил способ доставки в таре под видом запчастей к автомобилям. Ящик вполне умещался в легковом автомобиле УАЗ. Два таких автомобиля мы должны были доставить «Зениту». Вылетели с аэродрома Чкаловский 1 декабря на борту Ан-22. Груз закрепили в фюзеляже, а пассажиры (начальник тыла ВДВ, Н.Н.Гуськов, Вакиль, Б.А.Плешкунов, офицер «Зенита» и я) размести-

лись в герметизированном отсеке позади экипажа. Первая посадка была в Фергане. Н.Н.Гуськов и начальник тыла ВДВ нас покинули. Погода в Кабуле не позволила нам продолжить полет в этот же день, пришлось размещаться в гостинице. Добро на вылет мы получили только 3 декабря. В Кабульском аэропорту посадку совершили часов в 15. Когда самолет рулил к стоянке, Б.А.Плешкунов и его напарник упаковали Вакиля, а на ящик набросали картонные коробки, брезентовые чехлы и т.д. На этот раз к нам на помощь подключился и такой фактор, как везение. Самолет встречал сотрудник контрразведки ВВС Афганистана майор Ахтар, который хорошо говорил по-русски и с которым летом нам приходилось часто встречаться по поводу отправки наших офицеров в провинциальные центры Афганистана. Встретились, и на сей раз по-дружески. Пока мы с ним беседовали, автомобили из самолета выкатили, и я попросил его проводить нас через КПП до выезда в город. До здания Представительства КГБ доехали благополучно. УАЗ въехал во двор, с него сняли ящик, занесли в помещение и там вскрыли. «Пассажир» был в порядке, улыбался. Я передал резиденту КГБ полковнику Велиору Гавриловичу Осадчему Вакиля вместе с его «вещичками», которые он все три дня держал при себе.

Б.А.Плешкунова и офицера «Зенита» препроводили на виллу № 2, где располагалась большая группа отряда. В ее составе были и преподаватели КУОС — коллеги Бориса Андреевича (П.И.Нищев, А.С.Евглевский, Л.И.Корольков, В.Н.Овсянников, Я.Ф.Семенов). На вилле № 1, откуда я забирал 18 сентября Гулябзоя, Ватанджара и Сарвари, также были зенитовцы во главе с очередным командиром отряда подполковником А.К.Поляковым. Отряд «Зенит» накапливал силы. Я успел посетить обе виллы и пообщаться с зенитовцами. Чувствуя в своем положении некоторую неопределенность, они интересовались целью моего приезда, пытались выяснить, имеет ли он отношение к делам отряда.

При докладе Б.С.Иванову о благополучном завершении рейса с «пассажиром», я получил от него указание о порядке дальнейшего моего пребывания в Кабуле. Рекомендовано

было в распоряжение отряда «Зенит» не ходить во избежание лишних разговоров и домыслов, временно поселиться в особняке, занимаемом семьей С.Г.Бахтурина, и дожидаться попутного самолета на Москву. В последующем быть готовым к выполнению таких же «челночных» рейсов, как и с Вакилем. Попутного самолета пришлось ждать до 8 декабря. Это был Ту-154 Председателя КГБ СССР. На его борту я с сотрудником 8-го отдела И.И.Решетником благополучно долетел до Москвы. На Внуковском аэродроме передал встречающим груз посла А.М.Пузанова и груз В.Г.Осадчего. Осталось еще много упаковок от сотрудников посольства и Представительства, которые я должен был передать получателям. Их пришлось везти к себе на квартиру. Это была моя последняя командировка в Афганистан.

23 декабря (воскресенье) мне на квартиру позвонил Г.И.Бояринов и сообщил, что на следующий день он вылетает в Кабул. Был очень возбужден и сказал, что встретимся там. Я пока никаких указаний на подготовку к командировке не получал и пожелал Григорию Ивановичу благополучия и удачи. Пожелания, однако, не оправдались.

## Глава VII

# Последняя атака

В середине ноября Григорий Иванович ненадолго уходит в отпуск и проводит его почему-то не на юге, у моря, где в последние годы он обычно любил отдыхать, а в родном для него селе Сукромля под Смоленском и на Украине, в г. Мелитополе рядом с младшим братом и матерью, которой в то время было около 90 лет. Она была в полном рассудке и памяти, только земля, на которой она практически протрудилась всю жизнь, слегка пригнула ее к себе. Уже потом, после гибели Григория Ивановича при штурме дворца Тадж-Бек, все в его семье пришли к твердому выводу: предчувствуя что-то, он ездил в отпуск прощаться с родными, на свою родину, а затем в г. Мелитополь, который был для него фактически второй родиной — здесь прошли его отрочество и юность, отсюда он ушел в 17 лет добровольцем в армию, в которой прослужил более 40 лет.

После возвращения из отпуска полковник Г.И.Бояринов вновь руководит учебным процессом на КУОС и, кроме того, готовит и отправляет в Кабул для пополнения второго отряда специального назначения «Зенит» призванных со всего Союза своих учеников — офицеров спецрезерва КГБ СССР, прошедших на КУОС в разные годы специальную подготовку. Григорий Иванович чувствует, знает, что что-то очень серьезное готовится там, в Афганистане, и ждет своего часа. И он — этот час — настал.

23 декабря Григория Ивановича срочно вызывают к руководству КГБ СССР. Полковника Г.И.Бояринова принимает лично Председатель КГБ СССР Ю.В.Андропов и начальник внешней разведки В.А.Крючков. 24 декабря по приказу

руководства КГБ СССР он уже вылетает в Афганистан, передав командование КУОС одному из своих заместителей.

К этому времени политическая и оперативная обстановка в Афганистане накалилась до предела. Советское руководство приняло решение провести упреждающую специальную операцию под кодовым названием «Байкал-79».

План операции был составлен в виде карты-схемы и прилагающейся к ней легенды. На карте были обозначены объекты, которые необходимо было захватить или контролировать. А в легенде подробно описывались как сами объекты, так и основные силы и средства, предназначенные для действия на каждом объекте.

В рамках общей операции под кодовым наименованием «Байкал-79» одним из пунктов значилась операция «Шторм-333», главной целью которой был обозначен захват дворца Тадж-Бек с находящимся там Амином.

Руководителем этой операции был назначен начальник управления нелегальной разведки генерал-майор Юрий Иванович Дроздов.

Для ее проведения были выделены силы и средства спецназа КГБ группа «Зенит», составленная из куосовцев, общим числом в 60 сотрудников, и группа «Гром» из сотрудников «Альфы», численностью 20 человек. В том числе им придавался «мусульманский батальон» Главного разведывательного управления ГШ СА. Накануне операции высадились воздушно-десантная дивизия — 3 тысячи солдат.

В операции «Байкал-79» первым пунктом был обозначен Хафизулла Амин. Далее шел дворец Тадж-Бек, резиденция Амина. После этого — генеральный штаб, служба безопасности, министерство внутренних дел, радио и телевидение, министерство иностранных дел, тюрьма Поли-Чархи и ряд других объектов. Всего предстояло захватить 18 объектов.

Нам противостояли значительные силы: 7-я и 8-я пехотные дивизии — по 10 тысяч человек, две танковые бригады — 4-я и 15-я — около 200 танков, полк «коммандос» — 3 тысячи человек, народная гвардия, охрана — 2 тысячи человек, служба безопасности — 1,5 тысячи человек. Кроме того, надо

добавить штабных работников, полицию, подразделения ПВО, ВВС, самолеты в Баграме и на аэродроме Кабул.

Основным разработчиком операции «Шторм-333» был начальник управления «С» ПГУ КГБ СССР генерал-майор Дроздов Юрий Иванович. Разработка операции состояла из двух этапов — предварительного и заключительного.

Опираясь на сведения, полученные в результате командировки в Кабул группы «Зенит» под руководством Григория Ивановича, и другие оперативные источники, генерал Дроздов еще в Москве разработал общий замысел операции, который затем подлежал уточнению в Кабуле, непосредственно перед проведением самой операции.

В это же время был в основном определен состав сил и средств для осуществления операции. Были созданы, с участием Григория Ивановича, спецгруппы «Зенит» и «Гром», определены подразделения ГРУ и воздушно-десантных войск для поддержки чекистов.

Как видно из замысла операции, основную роль в его реализации должны были сыграть спецгруппа «Зенит» под руководством Якова Семенова, укомплектованная из куусовцев, и спецгруппа «Гром», в которую вошли сотрудники антитеррористического подразделения «Альфа» под руководством Михаила Романова. Общая численность групп составила около 60 человек. Координация их действий возлагалась на Григория Ивановича.

Второй этап планирования операции осуществлялся уже в Кабуле, где Юрий Иванович и Григорий Иванович, проведя рекогносцировку на местности, окончательно определили детали операции, вплоть до мелочей. Особое внимание они уделили силам и средствам афганцев в районе дворца Амина Тадж-Бек (объект «Дуб»). С этой целью они уточнили наиболее удобные пути подхода к дворцу; систему его обороны; состояние и режим охраны дворца; состав личной охраны Амина, вероятные места ее нахождения; план расположения помещений во дворце; местонахождение узла связи. Были уточнены боевые задачи спецгрупп и десантников, порядок поддержания связи с ними; определены сигналы. Своим

заместителем, непосредственным координатором действий спецгрупп «Гром» и «Зенит», Юрий Иванович назначил Григория Ивановича. Место своего командного пункта генерал Дроздов выбрал на гребне одной из высоток, вблизи дворца Амина. Находясь на этой высотке, Григорий Иванович с несколькими спецназовцами провел рекогносцировку дворца на местности. Глядя на дворец, сказал только: «Крепкий орешек». И надолго задумался.

Да и было о чем задуматься. Дворец и система его обороны представляли из себя практически неприступную крепость. Внутри дворца службу несла личная охрана Амина, состоящая из родственников и особо доверенных людей. Начальником службы безопасности являлся племянник Амина. Охрана имела примерно четырехкратное превосходство над группами советского спецназа. А была еще вторая линия охраны, которую составляли семь постов, на каждом из которых находилось по четыре часовых. На внешнем периметре была бригада охраны, насчитывающая 2,5 тысячи солдат. Рядом находился зенитный полк, на вооружении которого было двенадцать зенитных пушек и шестнадцать зенитных пулеметных установок.

Помнится, как накануне отъезда Григория Ивановича в Кабул один из авторов книги вместе с ним тихим декабрьским вечером прогуливались по заснеженным аллеям подмосковного КУОС. Он был задумчив и немногословен и, как нам показалось, далек от повседневных забот начальника.

— Как-то тяжело на душе, друзья, не дает мне покоя Афган, будто на нем весь мир кончается, — признался он.

— Может, сложность предстоящего задания беспокоит тебя? — стараясь успокоить его, сказал один из нас.

— Нет, не то, — ответил Григорий Иванович. — У меня такое ощущение, что вновь придется брать крутую высоту, наподобие той, которую пришлось штурмовать под Ленинградом в феврале 42-го.

Мы молчали. И тут мы осмелились сказать, что, может быть, напомнить руководству, что 58-й год пошел... Он тут же прервал наш разговор и решительно заявил:

— Пока бьется сердце и носят ноги, я должен быть там, где нужен, вместе с моими ребятами.

— Простите, Григорий Иванович, — только и сумели сказать мы.

Мы обнялись. Он повернулся и быстрым шагом направился в сторону казармы, где заканчивалась подготовка группы КУОС к выезду.

11 декабря 1978 года «Зенит», а несколько позже и «Гром» вылетели в Баграм — афганскую авиабазу в 60 километрах севернее Кабула. Там уже находился так называемый «мусульманский батальон», в состав которого входили десантники — выходцы из Средней Азии. Это был тот самый батальон, который якобы предназначался для внешней охраны дворца Х.Амина Тадж-Бек и занял свои позиции 25 декабря.

По своему служебному положению Григорий Иванович не должен был принимать участие в боевой операции лично, но он объяснил своему непосредственному начальнику Юрию Ивановичу Дроздову, что не может поступить иначе. Он должен был лично вести в первый настоящий бой своих учеников и идти рядом с ними, чтобы на личном примере опытного командира, участника Великой Отечественной войны, показать им, молодым бойцам спецназа, по сути дела своим детям, как надо себя вести в реальной боевой обстановке, в экстремальной обстановке, как преодолеть ужас смерти и познать радость победы во имя исполнения приказа, который отдала Родина.

Вот как вспоминает В.Курилов в книге «Операция «Шторм-333» одну из своих последних встреч с полковником Г.И.Бояриновым перед боем: «Полог прикрывавшей вход плащ-палатки откинулся, и в комнату зашел Григорий Иванович Бояринов...

Бояринов был одет в потертую коричневую кожаную куртку и синие летные штаны. На голове — спецназовская шапка с козырьком. Через плечо был перекинут ремень деревянной кобуры со «Стечкиным». Вид у него был недовольный, движения торопливы:

— Как дела? Вы готовы? Почему не получили «Мухи»? Немедленно пошлите кого-нибудь наверх: возьмите по две на каждого!

Кто-то из ребят выскочил в коридор, побежал на второй этаж, где в торце в темной комнатухе были сложены одно-разовые гранатометы под безобидным названием «Муха».

Бояринов внимательно обвел всех присутствующих испытующим взглядом:

— Как настроение?

— Боевое, товарищ полковник!

— Молодцы! Скоро уже начнем. Главное, когда начнется стрельба — не стойте на месте, как мишени! Постоянно надо передвигаться! Помните, чему мы вас учили.

— Григорий Иванович, давайте с нами, — предложил Александр Титович Голубев, кивнув на кружки.

— Нет, ребята, спасибо, я уже...

— Григорий Иванович, давайте по чуть-чуть! — загалдели мы.

— Ну, ладно, — он взял кружку. — Вот! Как на фронте наркомовские сто грамм!

— Ну, что, — Григорий Иванович опустил голову, помолчал. — Давайте выпьем за то, чтобы завтра утром всем нам за таким же, может быть, чуть побогаче столом, в том же составе! — он обвел нас взглядом и продолжил, чуть повысив голос: — В том же составе встретиться вот здесь и поднять тост за нашу победу! Удачи всем!

27 декабря 1979 года выпадал на пятницу, нерабочий день в Афганистане, как, впрочем, и во всех мусульманских странах мира. В 12.00 во дворце Тадж-Бек Амином проводился большой прием по случаю его переезда в свою новую официальную резиденцию дворец Тадж-Бек и ввода ограниченного контингента советских войск на территорию Афганистана. В середине приема Амин и ряд лиц из его ближайшего окружения почувствовали себя плохо, у них появились признаки пищевого отравления. Личная охрана Амина срочно вызвала врачей из советского госпиталя, которым удалось привести Амина в чувство. Врачи в обстановке секретности

были не в курсе, что проводилась специальная операция в отношении Амина и его окружения. Они свое дело делали квалифицированно.

Так началась первая фаза операции «Байкал-79», в соответствии с которой один из внедренных в окружение Амина советских разведчиков-нелегалов осуществил пищевое, но не смертельное отравление Амина и его ближайшего окружения с целью вывода их из строя на некоторое время для ослабления контроля за ситуацией в стране и в столице. Именно временная нетрудоспособность Амина и его ближайшего окружения создали предпосылки для успешного проведения практически всех намеченных пунктов плана операции «Байкал-79», и в первую очередь специальной операции «Шторм-333».

Согласно плану операции, 27 декабря 1979 года в 18.45 спецгруппа «Зенит» на 3 бронетранспортерах и группа «Гром» на 6 БМП стали выдвигаться на исходное положение. Сигналом к началу штурма дворца должен был быть взрыв «колодца» связи в центре города, назначенный на 19.15, когда уже наступали сумерки и в городе вступал в действие комендантский час. Ровно в назначенное время группа Бориса Плешкунова пробилась к объекту, и вскоре раздался оглушительный взрыв, слышимый во всех уголках Кабула.

Группы «Зенит» и «Гром» двинулись ко дворцу по узкой горной дороге на бронетехнике. Дорога была чрезвычайно узкой, и поэтому машины могли двигаться по ней только друг за другом. Все придорожные склоны и подходы были заминированы афганцами. Как только первый БТР миновал поворот, из здания дворца по нему ударил крупнокалиберный пулемет. Фактор внезапности, на который рассчитывали нападавшие, перестал существовать. На колонну бронемашин со спецназом на борту еще на дальних подступах ко дворцу обрушился шквальный огонь из всех видов оружия. Бойцы спецназа, спешившись под сильным огнем из дворца, перешли в атаку с двух направлений. Появились первые потери: второй бронетранспортер группы был подбит, погиб Борис Суворов, многие были ранены.

Так начался этот жестокий, беспощадный бой. Никто из бойцов спецназа, шедших на штурм резиденции Амина, не дрогнул. Одетые в афганскую форму с белыми повязками на рукавах, они залегли кто где смог, ведя беспрестанный ответный огонь по противнику.

Моторы бронемашин взревели, и они опять начали движение вперед. Подбитую машину столкнули в овраг. Часть бойцов смогла на ходу вскочить в бронетехнику и без потерь продвигались в сторону дворца.

По свидетельству участников этого героического штурма, у стен дворца стоял крошечный ад. Били наши «шилки», строчили автоматы, захлебывались пулеметы охраны, рвались гранаты. На какое-то мгновение группы залегли, а затем вновь бросились в атаку. Соединившись у входа во дворец, они стремительным броском ворвались в здание. В цепи атакующих пробивался к дворцу и Григорий Иванович. Он быстро преодолел сильно простреливаемый участок и, несмотря на то, что вражеская пуля разбила приклад его автомата и обожгла руку, продолжал вести огонь и вместе с основной группой стал пробиваться к входу во дворец.

По словам участника ожесточенного боя Александра Иващенко из Нижнего Новгорода, он остался жив только благодаря Григорию Ивановичу. Александр рассказывал, что именно Григорий Иванович в критический момент, когда атака на дворец могла захлебнуться, встал и со словами: «Ребята, вперед!» бросился к входу во дворец. Вместе с ним устремились Александр Иващенко и другие ребята.

Полковник Бояринов с бойцами забросали вход и вестибюль первого этажа гранатами и под их взрывы ворвались в здание, поливая огнем из автоматов все пространство вокруг себя.

Когда ворвались во дворец, то Александр на какое-то время потерял ориентировку. Темно, незнакомое помещение, автоматные очереди, взрывы гранат, крики и стоны раненых. И только уверенные команды Григория Ивановича дали возможность Александру прийти в себя и в дальнейшем уже действовать уверенно:

— Без Бати я просто не знал бы, что мне делать, и, скорее всего, погиб бы при первом же боевом столкновении. Теория есть теория, а настоящий бой — это бой. Здесь нет времени для раздумий — все решают доли секунд. И цена всему этому — твоя жизнь. На первых порах Батя отдавал мне приказы почти беспрестанно, и все это спокойно, без нервов, как на занятиях или на учениях: «Саша, брось гранату в эту комнату и под ее взрыв врывайся внутрь и поливай, поливай из автомата от живота в разные стороны. За остальное не беспокойся, я все сделаю сам со своим Стечкиным.

Все это очень скоро успокоило Иващенко, придало ему новые силы, уверенность в своих действиях.

Первым делом «зачистили» первый этаж. Александр, вместе с полковником Бояриновым, Владимиром Быковским и С.Кувылиным продвигались в сторону узла связи, расположенного на первом этаже. У всех четверых осколками собственных гранат были посечены лица, руки и ноги, кровь заливала глаза, но они продвигались все дальше и дальше. Громко отбивали свою дробь пулеметы и автоматы, гремели разрывы снарядов и гранат, и сквозь эту ставшую уже монотонную музыку боя изредка прорывались выкрики на родном русском языке, сопровождавшиеся отборным русским матом, звуки которого наполняли радостью их сердца. Значит, живы наши мужики, значит, не только мы, но и они стремятся ворваться во дворец, а может быть, кто-то уже и ворвался внутрь здания!

Казалось, прошла вечность, а на самом деле всего несколько минут, когда, наконец, они добрались до заветной цели — помещения узла связи.

Вспоминает С.Кувылин: «Ну, а там что? Как обычно: кабели, аппаратура. Шнуры повыдергивали, телефоны разбили. Бояринов говорит: «Нет, так не пойдет, давайте гранатами забросаем». Покидали туда гранаты, дверь закрыли. Рванули как надо...» (Болтунов М. «Альфа» — сверхсекретный отряд КГБ. 1992, с. 73).

Уничтожив узел связи, полковник Бояринов и находившиеся с ним бойцы вернулись к главному входу, к основной

лестнице, ведущей на второй этаж, чтобы собрать там штурмовую группу для продолжения атаки.

В это время там уже собралось 15 спецназовцев из групп «Зенит» и «Гром». Все они по-разному проникли во дворец — кто через окна, кто через подъезд. В этой группе были Г.И.Бояринов, Я.Семенов, А.Иващенко, В.Быковский, С.Голов, А.Карелин, Э.Козлов, М.Соболев, Плюснин, Гришин, Филимонов, Дроздов, Рязанцев...

Последняя команда полковника Г.И.Бояринова, которую слышали бойцы, перед тем как ворваться на второй этаж, была: «Гранаты под дверь!»

Первая брошенная граната не взорвалась. Бросили вторую — раздался страшный одновременный взрыв двух гранат, от которого вылетели тяжелые двери, закрывавшие вход, и все бросились по лестнице вверх на второй этаж, матерясь и стреляя на ходу.

Практически все спецназовцы, в том числе и Григорий Иванович, в этой атаке получили множественные ранения, но никто из них не думал останавливаться.

В этом ожесточенном бою, где каждая комната и каждый угол огрызались автоматным огнем, гвардейцы Амина дрались отчаянно, но напор спецназовцев, которые сеяли вокруг себя смерть и гибель, был настолько силен, что они ничего не могли поделать. Им оставалось только умереть. Был убит Амин с автоматом в руках, практически полностью уничтожена его личная охрана. Один из советских врачей спрятался в шкафу. Пробегавший спецназовец дал очередь из автомата по шкафу на всякий случай. Врач, к сожалению, погиб. Но и среди наступавших появились новые раненые и убитые.

Григорий Иванович понимал, что малыми силами им не выполнить задачу. В нарушение собственного приказа он, одетый в афганскую форму, выскочил из парадного подъезда двора и стал звать бойцов «мусульманского батальона» на помощь. В этот момент пулеметная очередь и настигла его. Одна из пуль, срикошетив от бронежилета, попала в район ключицы.

Он умирал, а вокруг еще гремел бой, свистели пули, рвались гранаты, продолжалась та жестокая и суровая жизнь, полная неожиданностей и опасностей. Жизнь, за которую человек готов пойти на все, как это сделал он, советский чекист, на далекой и во многом непонятной чужой земле.

Он умирал, но, вероятно, с той спокойной уверенностью, что на смену ему, его героическому поколению, придут новые люди, еще более мужественные, умудренные жизненным опытом, но с той же неиссякаемой верой в лучшее будущее своей многострадальной Родины.

Не мог уже знать бывалый фронтовик, что его боевые друзья Виктор Анисимов, Сергей Голов, Виктор Карпухин, Эвальд Козлов, Саша Плюсин, Яша Семенов и подключившиеся к ним Саша Карелин и Нурик Курбанов через какой-то миг сквозь сплошной свинцовый дождь ворвутся по узкой лестнице на второй и третий этажи дворца и вскоре покончат с охраной. В это время часы показывали ровно 20.00. Этот показавшийся вечностью штурм продолжался всего 45 минут. Но какие это были минуты, могут знать только люди, пережившие их!

Когда все кончилось и наступила относительная тишина, бойцы вспомнили о своем командире, которого почему-то не было среди них.

Подчиняясь какой-то внутренней интуиции, А.Иващенко выскочил через вестибюль главного входа на площадку перед дворцом и здесь в темноте споткнулся обо что-то мягкое. Наклонился и застыл на какое-то мгновение. На плитах у входа, рядом с одной из колонн лежал полковник Г.И.Бояринов. Он был еще жив и хрипло дышал.

Схватив тело командира на руки, А.Иващенко бросился к ближайшему бронетранспортеру, стоящему у входа. «Заводи!» — последовала команда водителю, но проклятый двигатель никак не хотел заводиться. В это время на одном из этажей дворца вновь вспыхнула интенсивная перестрелка, и А.Иващенко, оставив тело полковника Бояринова в бронетранспортере, матерясь и ругаясь, бросился на звуки выстрелов — ведь дело шло о жизни или смерти его товарищей. Когда он вернулся, бронетранспортера у входа уже не было.

Как выяснилось позднее, тело Григория Ивановича было перенесено из бронетранспортера на первый этаж здания дворца, где в одном из помещений был уже открыт временный медицинский пункт.

Операция «Шторм-333» была успешно завершена. Все группы возвратились в исходное положение. В 2 часа ночи по радио было передано обращение Бабрака Кармаля к народу Афганистана. Только тогда у участников штурма возникло ощущение выполненного долга.

Так закончился для полковника Г.И.Бояринова последний в его жизни бой, который он прошел практически весь от начала до конца в одном ряду с бойцами спецназа, в большинстве своем его учениками, командуя ими и сражаясь, несмотря на возраст, как рядовой, боец бок о бок с ними.

Практически все спецназовцы были ранены, 17 из них тяжело. При штурме дворца погибло 5 спецназовцев. Это Борис Суворов и Александр Якушев из группы «Зенит», Геннадий Зудин и Дмитрий Волков из группы «Гром», а также их командир в этом последнем бою полковник Григорий Иванович Бояринов. В «мусульманском батальоне» погибло 5 человек, ранено — 35.

В Кабуле, благодаря мужеству, высокопрофессиональным, смелым и решительным действиям спецназовцев из других групп отряда «Зенит» при поддержке подразделений ВДВ и пограничников, с боем, подавив сопротивление противника, были взяты все остальные объекты, намеченные к захвату планом операции «Байкал-79», о которых говорилось выше. Наши потери при этом составили: убитыми — 1 человек, ранеными — 4 человека.

Группа Ю.В.Мельника из 6 спецназовцев вместе со взводом поддержки ВДВ овладели зданием МВД. При штурме погиб спецназовец Анатолий Муранов.

Благодаря тщательно проработанной операции по захвату телецентра группа «Зенита», где командиром был куосовец Анатолий Тихонович Рябинин, при поддержке роты десантников в считанные минуты без потерь завладела объектом. Хотя, как вспоминал Анатолий, был критический момент,

когда он с группой спецназовцев на БМП на большой скорости, сбив ворота, ворвались на объект, на них двинулись два танка Т-85. Один танк был подбит из «Мухи», а второй остановился и стал наводить на БМП свое орудие, но выстрела не прозвучало. Можно только представить, о чем думал в те секунды Анатолий и его команда. Рябинин приказал водителю быстро двигаться к танку и встать рядом. Впоследствии выяснилось, что у орудия отказали электроспускатели, а стрелок давил и давил, забыв, что рядом находился механический привод выстрела. Повезло ребятам. Охрана телецентра вскоре была подавлена. Из сотрудников телецентра никто не пострадал, и они тут же организовали митинг, а через несколько часов передавали обращение Бабрака Кармаля к афганскому народу. Вскоре Анатолию Тихоновичу Рябину поручили возглавить охрану нового правительства и лично Бабрака Кармаля.

9 разведчиков-диверсантов, во главе с командиром группы Владиславом Николаевичем Овсянниковым, при поддержке взвода ВДВ из 17 человек за два часа овладели телеграфом.

Особо трудная задача была у спецгруппы во главе с командиром Валерием Витальевичем Розиным по взятию Генштаба афганской армии. Его группе в продолжительной и жестокой схватке удалось отсечь и изолировать руководство Генштаба, сковать огнем подразделения внутренней охраны, уничтожить узел связи, не допустить проникновения внешней охраны внутрь здания. Бой закончился с подходом подразделения десантников.

Юрий Иванович Дроздов вспоминает: «Вполне понятную тревогу у нас вызывало овладение комплексом зданий афганской разведки и контрразведки — КАМ. Шесть спецназовцев во главе с командиром группы Р.Х.Шафигуллиным, 12 советников и два взвода десантников после тщательной разведки объекта огнем пулеметов блокировали действия подразделений охраны, ворвались на территорию объекта и внутрь главного здания, где соединились с находившимся там В.А.Чучукиным, который склонил руководство КАМ не оказывать сопротивления. Потери — один легко раненный».

Объекты тюрьма Пули-Чархи и почта, хотя и охранялись значительными силами охраны, были взяты группами во главе с Ф.П.Корабейниковым и Александром Пунтусом без потерь.

Василий Степанович Голов так вспоминает события тех дней: «Поздно вечером 27 декабря мне передали приказание срочно прибыть в отдел. Через час я был в кабинете начальника отдела. В.Г.Красовский и его заместитель А.И.Лазаренко сидели вдвоем в сизой пелене табачного дыма. Я доложил о прибытии. Они молча смотрели на меня так, что у меня сразу возникло нехорошее предчувствие. И действительно, слова А.И.Лазаренко: «Убит Бояринов Григорий Иванович, 60% отряда «Зенит» погибло» так ошарашили меня, что я только и смог сказать: «Как же так?!» Впоследствии выяснилось, что вкралась ошибка или при шифровании, или же при передаче шифртелеграммы. Погибли 6 человек и среди них Г.И.Бояринов. Красовский, взглянув на часы, сказал: «Поезжайте домой. Утром вы должны первым же рейсом улететь в Ташкент и встретить самолеты, доставить из Кабула раненых и погибших. Полетите вдвоем с В.В.Богдановичем. Как только прибудете в Ташкент, выясните обстановку, сразу же звоните в отдел».

Вылетели действительно первым же рейсом. Места в самолете нам освободили с помощью оперработников КГБ, обслуживающих аэропорт «Домодедово». В Ташкент прибыли около 17 часов. Буквально через несколько минут совершил посадку Ту-134, доставивший из Кабула раненых. В багажнике этого самолета находились тела только двух погибших. Один из них был молодой солдат, а второй — наш зенитовец капитан Анатолий Муранов из Свердловского УКГБ. После опознания погибших я поднялся в салон самолета, где на носилках лежали раненые. Поздоровался и поговорил со всеми, приободрил их как мог, сказал, что приняты все меры по оказанию им квалифицированной медицинской помощи. Пообещал, что будем навещать их в госпитале. Через несколько минут раненых стали отправлять на санитарных машинах в окружной госпиталь. Погибших отправи-

ли в морг при этом же госпитале. Уже темнело и аэродром заволокло туманом, поэтому находившийся на пути к Ташкенту Ан-12 с телами погибших направили на посадку в Самарканд.

29 декабря мы встретились с врачами госпиталя и выяснили состояние раненых. В реанимационном отделении находились четверо: Климов (две раны пищевода), Цветков (пуля застряла около сонной артерии), Новиков (ранение в живот, поврежден кишечник), Емышев (раздроблена кисть правой руки, проведена ампутация). Другие раненые были в удовлетворительном состоянии и находились в общих палатах.

В этот же день смогли попасть на прием к Председателю КГБ Узбекистана и попросили его, по возможности, к Новому году организовать вручение раненым подарков. Секретарь комитета комсомола заявил о том, что комсомольцы возьмут шефство над ранеными и постараются сделать все, чтобы скрасить их пребывание в госпитале.

Оставался пока не решенным вопрос о доставке тел погибших из Самарканда. Обратились по этому поводу к начальнику Особого отдела ТУРКВО генерал-майору Спивакову Владимиру Михайловичу. Он помог быстро разрешить проблему не только с доставкой погибших, но и с получением для наших офицеров шести комплектов обмундирования ВДВ.

30 декабря (воскресенье) был не рабочий день. Мы использовали его для встречи с начальником спецгруппы и командиром Ташкентской части бригады особого назначения.

31 декабря встретились с прибывшими из Москвы представителями 7-го управления КГБ генерал-майором Вениамином Алексеевичем Козловым и майором Робертом Петровичем Ивоном. Их отряд «Гром» так же, как и «Зенит», понес потери в бою. Погибли Геннадий Зудин и Дмитрий Волков. Были и раненые. Вечером выехали в Янгиюль для встречи транспорта с телами 26 погибших. Проводили колонну до морга, помогли разместить носилки с телами в помещении морга. Было уже около 2 часов ночи, и мы с Богдановичем скоротали время до утра в кабинете дежурного врача при морге.

1 января В.А.Козлов, Р.П.Ивон, В.В.Богданович и я по договоренности с начальником госпиталя навестили раненых. Поздравили их с Новым годом, вручили подарки, записали просьбы и пожелания.

3 января я отправился в морг, где в этот день должны были осмотреть всех погибших, составить медицинское заключение о причинах смерти, помыть и одеть каждого из них. Богданович пошел в саперную роту, которой было поручено изготовить гробы из оцинкованного металла и ящики для их транспортировки самолетом. Врач попросил меня вести запись результатов осмотра, и они у меня сохранились.

Бояринов Григорий Иванович: слепое пулевое ранение через левую лопатку в сердце, осколочные ранения в поясницу, кисть левой руки, локоть правой руки, выше правой ключицы, в голову.

Якушев Андрей: сквозное проникающее ранение головы с повреждением головного мозга (входное отверстие у правого виска, лоб снесен вместе с частью мозга); осколочные ранения в левое бедро, правую голень, пальцы левой ноги, левую руку (3), лицо.

Муранов Анатолий: сквозные пулевые ранения в оба бедра (по 2), в бицепс левой руки, осколочное ранение в лицо.

Суворов Борис: сквозное пулевое ранение в пах слева, выход пули через правую ягодицу.

Волков Дмитрий: проникающие пулевые ранения головы, груди, ног, рук (всего более 30).

Зудин Геннадий: закрытая тяжелая черепно-мозговая травма, множественные закрытые и открытые переломы таза и костей нижних конечностей; осколочные ранения в области таза и нижних конечностей.

В первой половине дня все работы были выполнены. Ящики с телами погибших доставили на аэродром. Богданович, Ивон и я вылетели на самолете Ан-12, на борту которого были погружены ящики с телами Бояринова, Муранова, Якушева, Зудина и Волкова. Первая посадка была в Свердловске, где сдали ящик с телом Муранова заместителю начальника УКГБ по кадрам. Взлетели где-то часа через 2 и

взяли курс на Москву. На Чкаловский аэродром прибыли около 23 часов. Выгрузили ящики с телами Бояринова, Зудина и Волкова. Самолет с телом Якушева на борту должен был вылететь курсом на Таллин с другим сопровождающим (сотрудником управления «С»).

4 января состоялись похороны Григория Ивановича Бояринова на Кузьминском кладбище. На похоронах начальник ВКШ КГБ генерал-лейтенант А.П.Рогозин объявил Василию Степановичу Глотову о переводе из 8-го отдела на КУОС в качестве заместителя начальника кафедры с одновременным исполнением обязанностей начальника КУОС и его заместителя по учебной работе.

Провожая своего друга в последний путь, мы, как и другие его друзья, над могилой говорили о нашей безмерной утрате и вечной памяти, а у самих голову сверлила мысль, какое великое чувство любви к Родине и верность своим боевым друзьям бросили его в последнюю атаку с автоматом в руках.

Не стало нашего боевого друга, фронтовика, чекиста-профессионала, человека большой души и бессмертных свершений. Как-то опустело все вокруг, как будто мы очутились на другой планете, где только предстоит начать новое, еще более грандиозное дело.

## Эпилог

К 12 часам ночи 27 декабря 1979 года перестрелка в отдельных районах Кабула затихла. Операция «Байкал-79» завершилась успешно.

За мужество и героизм, проявленные в ходе этой уникальной операции, полковник ГРУ В.В.Колесников, спецназовцы В.Ф.Карпухин, Э.Г.Козлов и Г.И.Бояринов (посмертно) были удостоены звания Героя Советского Союза. Орденами и медалями был отмечены многие активные участники операции: С.А.Голов и М.М.Романов были награждены орденом Ленина, Я.Ф.Семенов — Красного Знамени, Б.А.Плешкунов и А.А.Иващенко — Красной Звезды.

Командир группы «Зенит» в операции «Шторм-333» Яков Федорович Семенов за проявленный героизм при штурме дворца Тадж-Бек, безусловно, также заслуживал звания Героя Советского Союза, такого мнения придерживаются практически все участники того боя, однако, как это часто бывает, награда своего героя не нашла.

Казалось бы, на этом можно было поставить точку в нашем повествовании. Но свой долг авторы видят еще в том, чтобы рассказать читателю, как в дальнейшем складывалась судьба КУОС, его руководителей, а также подразделений органов безопасности, которые пришли на смену своей альма-матер и сейчас продолжают ее героические традиции.

События 27 декабря 1979 года открыли новую страницу в истории Афганистана, на глазах рождалась новая общественно-экономическая формация в этом казалось бы всеми забытом регионе Центральной Азии. О ее рождении провозгласил в своем обращении к народу Афганистана в ночь на 28 дека-

бря ее новый лидер Бабрак Кармаль. Он обратился к Советскому Союзу за помощью в укреплении молодой народной власти.

Советское правительство живо откликнулось на просьбу своего южного соседа. Ему была оказана существенная экономическая и моральная поддержка. Кроме того, предусматривались меры по оказанию помощи органам безопасности Афганистана.

Прошло немногим более полугода со дня начала боевых действий в Афганистане, как руководство Советского Союза (в этом, прежде всего, была личная заслуга Ю.В.Андропова) осознало, что моджахеды перешли от открытых столкновений с регулярными войсками к партизанским методам борьбы, и поэтому приняло решение, что противодействовать применяемой ими тактике надо адекватными средствами и методами.

Председателем КГБ СССР Ю.В. Андроповым было принято решение о направлении в Афганистан отряда специального назначения «Каскад» под руководством полковника А.И.Лазаренко в составе 77 человек (в основном слушателей и преподавателей КУОС); позже численность отряда была доведена до тысячи человек. В последующем в Афганистане в 1980–1984 годах действовали отряды специального назначения «Каскад-2», «Каскад-3», «Каскад-4» и «Омега».

Незадолго до этого к начальнику Первого Главного управления, будущему председателю КГБ В.А.Крючкову вызвали заместителя начальника Управления «С» ПГУ — начальника отдела генерал-майора В.К.Кирсанова и его заместителя полковника А.И.Лазаренко. Решался вопрос о руководителе вновь создаваемого отряда «Каскад», которому предстояло выполнить специфические оперативно-боевые задачи в Афганистане после успешно проведенной операции «Байкал-79».

Предварительно вопрос уже был доложен Ю.В.Андропову. Речь шла только об окончательном согласовании и оформлении его решения: маститый разведчик Кирсанов едет в Афганистан, а бывший десантник Лазаренко остается в Москве за начальника подразделения.

И тут Кирсанов заявил Крючкову, что он не видит смысла в своем направлении в Афганистан, так как слабо разбирается в специальных операциях и руководстве оперативными группами.

Крючков, еле сдерживая свои эмоции, повернулся к Лазаренко:

— А вы?

— Я согласен в полной мере использовать свой опыт руководства подобным подразделением.

Крючков холодно посмотрел в сторону Кирсанова и попросил его выйти. Форма обращения к нему свидетельствовала, что он о нем думает.

Этой позиции в оценке личных качеств Кирсанова, возможно, придерживалось большинство куосовцев, в их числе был и один из авторов. Но не все. В беседе по этому поводу Петр Иванович Нищев высказал мнение, что Кирсанов в данном случае поступил как волевой чекист самой высокой пробы.

Так кто же прав в этой ситуации?

Действительно, Лазаренко — участник Великой Отечественной войны. Вырос от командира взвода до начальника разведки дивизии. Окончил разведшколу по линии ГРУ. Несколько лет работал на военно-дипломатической работе, а затем в Воздушно-десантных войсках.

С должности начальника отдела разведки ВДВ был направлен на руководящую работу в 13-й Отдел при ПГУ (затем отдел «В» и 8-й отдел Управления «С» ПГУ). Руководитель и исполнитель ряда крупных операций советской внешней разведки. И нет сомнений в его квалификации для решения поставленной задачи. Блестящие результаты его деятельности в Афганистане — яркое тому подтверждение. Генерал-майор А.И.Лазаренко, командуя сменявшими друг друга «Каскадами», провел с перерывами в командировках в Афганистане более двух лет. За умелое руководство боевыми действиями спецподразделения, проявленные при этом личное мужество и героизм он был удостоен ряда высоких боевых правительственных наград.

Кирсанов обладал развитым мышлением, способным учитывать специфику нового дела, цепким умом оценивал сложную проблему с первого раза. В ряде стран был резидентом. По мнению Петра Ивановича, в сложившейся ситуации только так и должен был поступить не только чекист, но и ответственный за дело и результаты своей деятельности специалист.

Руководить в любом деле, а тем более в таком объемном, сложном, всесторонне жертвенном, экономически истощающем, должен только высокоподготовленный специалист, имеющий практический опыт.

Кирсанов, являясь высокопрофессиональным разведчиком, никогда не имел дела с теорией и практикой партизанской и контрпартизанской борьбы. Его отказ — поступок мужественного человека. Он, конечно, знал, какой будет реакция и ее последствия, однако это его не остановило. Это поступок человека с высоким чувством ответственности и силой воли, и он, безусловно, заслуживает особого уважения.

В афганских событиях было немало и других примеров, когда на самых высоких руководящих должностях в Представительстве КГБ СССР при министерстве безопасности Афганистана перебивали десятки грамотных и видных разведчиков, но не прошедших элементарного курса партизанской и контрпартизанской войн.

Каков результат? Участники боевых действий в Афганистане, отмечая личный героизм людей, считают, что суммарный эффект — в основе своей негативный, вредный и губительный для России. Примерно такую же картину приходилось наблюдать несколько лет спустя и в Чечне.

В задачи «Каскада» входило создание органов безопасности Афганистана на местах, ведение оперативной работы против агентуры иностранных спецслужб, проведение специальных операций против бандитских формирований.

Организационно это выглядело так. 18 июля 1980 года вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 615-200 о создании отряда специального назначения КГБ СССР «Каскад» для действий на территории Афганистана. 22 июля 1980 года председатель КГБ подписал приказ № 00100 о задачах и

функциях отряда, который должен был развернуть свою деятельность на территории дружественной страны уже в начале августа 1980 года.

Переброска «Каскада» началась 25 июля 1980 года на самолетах военно-транспортной авиации из Ташкента в Кабул, Кандагар и Шинданд. В Мазари-Шариф и Кундуз «каскадеры» двигались на автомашинах и бронетранспортерах. Их выдвижение обеспечивали подразделения пограничников и 40-й армии.

Команды «Каскада» дислоцировались в Кабуле и в восьми административных центрах Афганистана, удаленных от Кабула от 200 (Кандагар, Газни, Джелалабад) до 500–1000 км (Герат, Файзабад). В отдельные периоды до 2/3 территорий, находящихся в зонах ответственности команд «Каскад», были под контролем противника.

Отряд «Каскад» состоял из управления и штаба (дислоцировались в Кабуле) и восьми отрядов: «Урал» — в основном выпускники и преподаватели КУОС и 8-го отдела управления «С» ПГУ КГБ СССР, дислоцировался в Кабуле; «Кавказ» — сотрудники УКГБ по Краснодарскому краю и КГБ Закавказских республик, располагался в Кандагаре; «Карпаты» — сотрудники КГБ Украины и Молдовы, место дислокации — Герат и Фарах; «Тибет» — сотрудники КГБ Узбекистана, дислоцировался в Джелалабаде; отряды «Север», «Север-1» и «Алтай» — сотрудники УКГБ Сибири и Дальнего Востока, располагались в северных провинциях Афганистана.

В оперативном подчинении отряда «Каскад» с осени 1980 года находился спецотряд МВД СССР «Кобальт» (600 человек). Кроме основной задачи — борьба с бандформированиями оппозиции — он должен был сыграть основную роль в создании Царандоя (народной милиции) и оказании помощи правительству в создании народной власти на местах.

«Каскад» был основной силой по разложению бандформирований в Афганистане, прежде всего в его центральных провинциях, и созданию на местах органов безопасности. Успешно руководил этими мероприятиями командир «Каскада» полковник, впоследствии генерал-майор, Лаза-

ренко Александр Иванович, который впоследствии возглавил отряды «Каскад-2» и «Каскад-3». Участник Великой Отечественной, прирожденный командир-десантник и разведчик, он в короткий срок сумел сплотить коллектив «Каскада» в единый оперативный организм, способный решать сложные задачи в своеобразных условиях такой самобытной страны, как Афганистан. Подробный портрет этого замечательного человека дан в книге полковника Валентина Ивановича Кикотя «Каскадеры», вышедшей в 2000 году.

Александр Иванович лично занимался созданием и подготовкой афганских органов безопасности. При его непосредственном участии было создано 5-е управление ХАД (министерство безопасности), которое занималось планированием и проведением спецмероприятий против моджахедов. «Каскадеры» работали и инструкторами у афганцев.

Александра Ивановича отличало огромное чувство личной ответственности, высокая трудоспособность, умение ладить с людьми и дорожить ими. Это был мастер уникальных операций, в которых рождались новые герои афганской войны. О некоторых замечательных «каскадерах»-лазаренковцах нам хочется рассказать читателям.

Осенью 1980 года обострилась оперативная обстановка в районе Чарикар (провинция Парван), где активизировалась крупная банда моджахедов. Полковник Лазаренко и его армейские коллеги решили провести здесь специальную операцию, к которой привлекались усиленный мотострелковый батальон и группа «каскадеров», в том числе знакомый нам по операции «Байкал-79» Борис Андреевич Плешкунов и выпускник КУОС, сотрудник Управления КГБ по г. Москве и Московской области Виталий Степанович Белюженко. Вот что нам удалось уточнить из уст ныне здравствующих героев-«каскадеров».

10 октября мотострелковый батальон на БТР, усиленный ротой танков и ротой самоходок, был направлен в провинцию Парван. Ему предстояло найти и уничтожить там крупную банду моджахедов.

При подходе к кишлаку Чарикар батальон остановился. Комбат выставил усиленное охранение, выслал разведку —

три танка и два БТР с пехотой. Она беспрепятственно проскочила, но за кишлаком ее из засады уничтожили моджахеда.

Удрученный гибелью боевых товарищей, комбат решил для получения достоверной информации о противнике послать в кишлак группу «каскадеров», в которую входили Белюженко и Плешкунов. «Каскадеры» незаметно проникли в Чарикар и узнали от жителей, что с гор сюда скоро подойдет крупная банда. В этой ситуации комбат решил послать на перехват противника небольшую группу — взвод пехоты и три десятка «каскадеров», чтобы уничтожить эту банду уже из нашей засады.

Спокойно, со всеми мерами предосторожности, группа втянулась в кишлак, который раскинулся вдоль лоцины. Вскоре пехотинцы и «каскадеры» вышли на его противоположную окраину. Впереди был хребет, на вершине которого участники операции должны были встретить из засады банду. Но тут их неожиданно обстреляли. Обстреляли с тыла, из кишлака, который они только-только прошли.

Группа быстро подавила несколько огневых точек в кишлаке и продолжила движение. Но едва она отошла метров на тридцать-сорок от приземистых саманных домиков и ограждающих их, тоже саманных, дувалов — заборов, сделанных из глины, смешанной с соломой (кстати, весьма прочных, пуленепробиваемых), как оказалась на совершенно открытой местности. По группе начали стрелять со всех сторон.

Группа залегла и открыла ответный огонь. Хорошо, что все «каскадеры» были в бронежилетах и касках и вооружены. Белюженко вспоминает, что как только он успел залечь в русло высохшего арыка, он поднял голову, чтобы осмотреться, увидел фонтанчики пыли, значит, по нему стреляют. Успел все-таки заметить справа небольшую ямку, из которой берут глину для самана. Улучив момент, перекатился в нее и обрадовался: в этой ямке уже залегли Борис Плешкунов, Виктор Киргинцев, офицер отряда «Кобальт», и армейский капитан, корректировщик огня. Последний по звукам выстрелов определял, откуда и из какого оружия противник ведет огонь.

Осмотревшись вокруг и оценив обстановку, «каскадеры» поняли, что попытка прорываться вперед означает верную гибель. Стало быть, нужно отходить назад. Как раз в это время по радиации поступила команда возвращаться обратно.

Первым из четверки, находившейся в глиняной ямке, бросился Белюженко, за ним — Борис Плешкунов, третьим — верткий Виктор Киргинцев. Последним поднялся армеец-капитан. Но голова его тотчас поникла от пули снайпера.

«Каскадеры» стали готовиться ко второму броску. Белюженко поднялся из высохшего русла речушки на берег, сделал несколько шагов и вдруг услышал слева выстрел, затем резкую непонятную боль в верхней трети левого бедра. Наклонив голову, он сразу увидел пробойну от пули в комбинезоне. «Выходное отверстие», — мелькнуло в голове Виталия. Только после этого он понял окончательно, что ранен в бедро. Сделав еще шаг, Белюженко упал.

Затем у него возник вопрос: «Откуда в меня стреляли и из какого оружия?» Подумав, он пришел к выводу: стреляли из ближайшего саманного дома, что слева. Стреляли из «бура» — английской винтовки типа нашей винтовки Мосина образца 1891 года, только более крупного калибра (7,9 мм), мощнее и дальнобойнее, и очень точного боя.

Белюженко позже вспоминал: «Я подумал, что у меня перебита бедренная кость в самой верхней ее части. Возможно, задета артерия или вена, лимфатические узлы. Если это так, я долго не протяну. Отсюда живым мне не выбраться. Теряю сознание... В себя приводит тревожный голос Бориса:

— Виталий, что с тобой?

— Я ранен.

— Сейчас я тебя вытащу.

— Не вылезай! Тебя убьют. Стреляют из того вон саманного домика.

Прикрывая друг друга огнем, начинаем ползти к дувалу, до которого осталось еще метров пятнадцать-двадцать. Но мне что-то мешает, не дает двигаться вперед. «Кажется, кость ноги цепляется за неровности почвы», — подумал я. Переваливаюсь на спину и ползу на спине, отталкиваясь пра-

вой ногой, головой и руками, волоча за собой автомат. Левая нога тащится за мной, как привязанное бревно. Борис тоже ползет по канаве, прикрывая меня огнем из автомата.

Примечательно, что автоматически, на уровне рефлексов, я подумал про «духа»: «Да у него же «бур» левит». Значит, переползая, нужно брать чуть правее.

Только я немного прополз, слышу выстрел и около головы удар пули в землю. Понимаю, снайпер хочет добить меня и целится в голову, поняв, что я в бронежилете. Ползу и думаю: «Какая пуля моя? Следующая? До дувала, надежно-го укрытия, осталось метра три.

— Виталий, — говорит Боря, — у меня кончились патроны.

Я ему протягиваю два запасных рожка. Он снова начинает вести огонь по душманам, а я с трудом ползу к дувалу. Снайпер продолжает в меня стрелять, целясь только в голову, и я невольно думаю снова: «Следующая пуля моя?»

Но тут я увидел почти у самого дувала небольшую канавку. С трудом переворачиваюсь и сползаю в нее через правый бок и спину. Левая нога при этом перекрутилась, будто тряпичная, и я почувствовал резкую боль. Но мне тогда было даже не до боли. Поправил ее правой ногой, лежу в канавке головой к дувалу, который надежно меня прикрывает сзади, я неуязвим и в то же время прекрасно вижу, откуда душманы ведут огонь по мне и по всей нашей прижатой огнем к земле группе...

— Виталий, кажется, ты нашел хорошую огневую позицию, — обрадовался Боря. — Оставайся здесь, я сбегаю за ребятами.

— Беги. Я прикрою и тебя, и всю нашу группу».

Увидев, что огонь ведет по ним всего один человек, душманы открыли бешеную стрельбу и перебежками начали приближаться к укрытию. Белюженко бил короткими очередями, экономя оставшиеся четыре рожка. Но вот закончились патроны, остались пистолет и две гранаты Ф-1.

«А душманы приближаются, — продолжает рассказ Белюженко. — Ну, думаю, двум смертям не бывать, а одной не миновать! Живым вам меня все равно не взять. Достаяю пистолет,

досылаю патрон в патронник, в левую — гранату, разгибаю усики, можно еще повоевать, но последний патрон — себе: лучше смерть, чем унижение плена, чем рабство у душманов, пытки.

Вдруг из-за дувала показалась чья-то голова. Не успев выстрелить, слышу голос нашего «каскадера» Лемпита:

— Виталий, ты здесь?

— Да, здесь. Не высовывайся. Спасибо, что пришли за мной. У меня как раз кончились патроны к автомату. Думал, что хана.

— Тебе спасибо от всех ребят. Ты своим огнем помог нам выбраться из ловушки. Сейчас мы тебя вытащим».

Потерявшего много крови и сознание Белюженко доставили в медсанбат, где ему сделали первую операцию и вскоре, благодаря стараниям начальника особого отдела 40-й армии полковника Сергея Ивановича Божкова, направили в окружной госпиталь в Ташкент, где Виталий, ежедневно борясь за жизнь, пролежал шесть месяцев, а потом еще несколько месяцев в Центральном госпитале КГБ в Москве.

За этот бой Белюженко был удостоен звания Героя Советского Союза, а его верный и надежный друг Борис Плешкунов — ордена Красной Звезды.

Благодаря стараниям врачей и невероятным внутренним усилиям самого Виталия Степановича он вернулся в строй. Продолжительное время работал заместителем начальника отдела в УКГБ по г. Москве и Московской области, затем стал ведущим преподавателем на одной из спецкафедр Высшей школы, где передавал свой оперативно-боевой опыт молодым чекистам, написал несколько содержательных учебных пособий.

Уволившись в запас, Виталий Степанович продолжает активно трудиться в ветеранских организациях органов безопасности, хотя подорванное здоровье нет-нет да и дает о себе знать.

Борис Андреевич после двойного боевого крещения в Афганистане вернулся на родной КУОС, где какое-то время работал в должности преподавателя и заместителя начальника, а уволившись с военной службы, в настоящее время с

увлечением трудится на посту одного из руководителей международного фонда «Союз-Вымпел» и в качестве почетного члена Фонда «КУОС-Вымпел» имени Героя Советского Союза Г.И.Бояринова.

Человек удивительной скромности и душевного такта, Борис Андреевич чурается славы, хотя иной на его месте, обладая и десятой долей его послужного списка, давно бы не сходил с телеэкрана и газетных страниц. Чтобы убедиться в этом, достаточно пройтись по поисковым системам Интернета.

Еще одним ныне здравствующим «каскадером» является Игорь Александрович Дзедзюля. Воспитанник Внутренних войск, Игорь Александрович, еще будучи слушателем КУОС, отличился собранностью и старательностью, трезвым расчетом. Как выпускник контрразведывательного факультета Высшей школы КГБ, он хорошо знал финский язык, а в Афганистане освоил на уровне разговорного языка дари и фарси, был отличным стрелком и минером.

Все эти качества как нельзя лучшегодились ему в Афганистане. Особенно преуспел он в ведении агентурно-оперативной работы среди местного населения. Игорю Александровичу удавалось быстро входить в контакт с людьми, располагать их к себе и при необходимости делать из них своих помощников. При этом он успешно работал как с простыми дехканами, так и с немногочисленными представителями местной интеллигенции. Кроме того, он успешно обучал оперативному мастерству молодых сотрудников провинциальных органов безопасности. Он умело закреплял свои вербовки, и афганцы старались оправдать его доверие. Авторы книги хорошо помнят фотографии из личного архива Игоря Александровича времен афганской войны. Вот он стоит у бронетранспортера, в чалме, в обнимку с молодым афганцем, а вот он уже рядом с сельским учителем.

Пробыв в Афганистане с августа 1980 года по апрель 1982 года, Игорь Александрович не однажды ходил на рискованные встречи с агентурой под боевым прикрытием, участвовал в столкновениях с душманами и оставил заметный след в истории «Каскада».

Игорь Александрович поделился с авторами книги несколькими эпизодами из своей агентурно-оперативной деятельности в Афганистане. Вот одна из них. В 1981 году в провинции Фарьяб душманы создали серьезные проблемы нашим армейским подразделениям с проездом по одному из перевалов в горах. Пулеметчик с соседней горы простреливал из крупнокалиберного пулемета ДШК (Дегтярев–Шпагин крупнокалиберный) перевал, по которому двигались наши войска. Игорь Александрович, используя свои агентурные возможности, организовал продажу душманам патронов для этого пулемета. При этом он заменил в некоторых патронах порох на пластит. Через несколько дней от агентурных источников была получена информация, что такой патрон взорвал пулемет, а пулеметчику оторвало голову. Так незамысловатая комбинация привела к успеху. Движение по перевалу было открыто. Афганцы возможно из суеверия не обустроивали на той горе нового пулеметного гнезда.

Не менее поучителен пример, когда к нему привели на допрос захваченного в плен душмана. Игорь Александрович, используя свое умение устанавливать отношения с людьми (помогло, конечно, и знание местного языка), сумел установить с ним контакт, и пленный рассказал, что ранее состоял в маоистской организации, которая по указанию своих китайских инструкторов проводила политику на отрыв некоторых регионов от влияния центральных властей Афганистана. Об этом стало известно Амину. Он приказал арестовать всех активистов организации и расстрелять их. Нашего пленного в момент ареста не оказалось дома, и он смог скрыться. Вскоре он был вынужден искать защиту в банде. При этом он заверил, что хорошо относится к «шурави» и готов им помогать. Игорь Александрович, немного подумав, заявил, что сейчас проверит искренность его слов. Далее он сказал, что нам известно, что в деревне, около которой он был захвачен в плен в ходе боя, скрываются члены банды. И если он хочет, чтобы мы ему поверили, то должен указать на них. Из деревни были выведены на околицу все жители и построены по десять человек. Игорь Александрович сидел на броне БТР, а пленный внутри и смо-

трел в прицел. Игорь Александрович подъезжал к группе селян и считал их по очереди. Если пленный на цифре «3» держал его за ногу, то Игорь Александрович давал команду третьему по счету афганца отводить в сторону. Таким образом было выявлено около десяти членов банды, в том числе и главарь банды. Затем в ходе допросов они были все уличены. Этот пленный еще несколько раз помогал Игорю Александровичу в опознании членов бандформирований. В последующем Игорь Александрович помог ему уехать в Пакистан на учебу.

Игоря Александровича хорошо знал и высоко ценил руководитель «Каскада» полковник Лазаренко. Но Игорь Александрович не был бы настоящим кусовцем и «каскадером», если бы после боевой командировки в Афганистан не засел за написание диссертации, свидетелем успешном работы над которой был один из авторов этой книги (в ту пору начальник кафедры, где она рождалась).

Научный труд Игоря Александровича был посвящен исследованию актуальных вопросов агентурно-оперативной работы в особых условиях и получил высокую оценку. В дальнейшем молодой ученый написал ряд интересных и полезных работ, которые до сих пор пользуются большим спросом у научной общественности.

Сегодня Игорь Александрович продолжает активно трудиться на ниве подготовки кадров для органов безопасности.

История «Каскада» была бы неполной, если бы мы не рассказали еще об одной важной, но небезжертвенной операции, проведенной под руководством командира спецотряда «Урал» Николая Еремина.

Совершая запланированный рейд по тылам душманов, Еремин был уверен, что в этом районе находится американский советник. Ему казалось, что среди душманов ему удастся найти американца и захватить его. С этой целью было сформировано сводное подразделение из двух групп «Каскада», группы МВД «Кобальт» и роты мотострелков.

Сначала подразделение двигалось на БМП, но потом спешилось и двинулось по горной дороге. Вскоре оно попало в засаду душманов.

«Каскадеры» мужественно вступили в бой с ними. Метко разили душманов своим огнем Александр Пунтус, Юрий Чечков, Владимир Кузьмин и Александр Петрунин. Они погибли как герои, спасая жизни своих товарищей.

В этом последнем своем бою 20 октября 1980 года один из «каскадеров», Александр Пунтус, по словам очевидцев, сражался отчаянно, до последнего патрона, прикрывая товарищей. В магазине автомата остался только один патрон. Как рассказывали выжившие товарищи Пунтуса, в него стреляли даже в мертвого. Всего у него насчитали 16 пулевых ранений. Душманы успели снять с него ботинки. Большого им не удалось, этого не позволил им товарищ Пунтуса.

У Александра с собой был пистолет для бесшумной стрельбы, который он прикрыл своим боком, будучи смертельно раненным. Душманы не обнаружили его, и позже ребята передали пистолет Анатолию Алексеевичу Набокову в окровавленной кобуре.

В сборнике стихов полковника группы специального назначения «Вымпел» Владислава Ревского «Афганский синдром» есть стихотворение, посвященное погибшим «каскадерам» — А.Пунтусу, В.Кузьмину, А.Петрунину и Ю.Чечкову.

*Казалось, тишина в округе будет вечной.  
Поэтому и шли гурьбой беспечной —  
Спускаясь с гор в окрестностях Кабула.  
И будто бы теплом уже своим подуло...  
Не ведали советские ребята,  
Что ночь — последняя в их жизни дата...  
Пусть не повторится эта ночь проклята!*

*Но мы, живые, будем помнить свято,  
Что убили их душманы не предвзято.  
Они ведь тоже свои семьи защищали,  
Когда в засаде автоматы их трещали.*

*Но семьям павших не легче от того,  
Что «духи» те о них не знали ничего...  
За что ж они кормильцев потеряли?  
Зачем в чужие дали их послали?*

«Каскад» явился пробным камнем в истории деятельности органов безопасности за рубежом. Он показал необходимость иметь в распоряжении государства специальные подразделения, способные решать в тылу противника сложные и разнообразные разведывательные, контрразведывательные и оперативно-боевые задачи. Его деятельность способствовала не только созданию органов безопасности молодого демократического государства, но и укреплению в целом нового народно-демократического строя. Минимизировав к окончанию срока своей деятельности (январь 1981 года) потери среди личного состава и решив основные задачи, «Каскад» успешно завершил свои полномочия на афганской земле.

Следующим специальным формированием на территории дружественной страны стал «Каскад-2» (январь-июль 1981 года). Его руководителем был оставлен полковник А.И.Лазаренко, а личный состав заменен новым отрядом сотрудников практически из всех регионов Советского Союза. Характерной особенностью деятельности «Каскада-2» было то обстоятельство, что во время его нахождения в Афганистане были окончательно отработаны вопросы взаимодействия с подразделениями 40-й армии при проведении специальных операций, прежде всего в провинциях Джелалабад и Кандагар, а также положено начало советнической помощи органам безопасности Афганистана на местах. Значительно улучшился контакт с местным населением путем преодоления языкового барьера за счет подбора сотрудников со знанием языков Афганистана и привлечением более значительного количества переводчиков.

Положительные результаты работы, проведенной «Каскадом» и «Каскадом-2», позволили руководству КГБ СССР внести соответствующие коррективы в задачи следующего специального отряда — «Каскад-3» (июнь 1981 года — конец апреля 1982 года) и несколько сократить его состав. Численность отряда была определена в 800 человек (251 офицер, 30 прапорщиков, около 500 солдат пограничных войск и 30 переводчиков). До конца апреля 1982 года «Каскадом-3» про-

должал руководить полковник А.И.Лазаренко, которого сменил полковник В.И.Сопряков.

«Отряд «Каскад-3» состоял из штаба (г. Кабул) и семи команд, располагавшихся в провинциях Герат, Шиндан, Кандагар, Газни, Джелалабад, Мазари-Шариф и Кундуз.

«Каскаду-3» удалось закрепить результаты работы, проделанной предыдущими отрядами, и создать предпосылки для квалифицированной советнической деятельности в спецподразделениях министерства безопасности Афганистана.

Потери отряда за девять месяцев своего существования составили два офицера и одного солдата.

Очередное подразделение «каскадеров» на территории Афганистана представил отряд «Каскад-4» (командир отряда — полковник Е.А.Савинцев). Он действовал на территории дружественной страны более года (апрель 1982 года — апрель 1983 года). В отличие от предыдущих «каскадеров», этот отряд включал всего 128 человек и состоял из сотрудников отдельного учебного центра (ОУЦ) КГБ («Вымпел»). Это были квалифицированные работники территориальных органов безопасности, прошедшие специальную подготовку, перед которыми руководство КГБ СССР поставило весьма серьезную задачу: оказание повседневной помощи афганским органам безопасности — ХАД в выявлении и пресечении подрывной деятельности иностранных спецслужб на территории Афганистана, контрреволюционного подполья, террористических групп и остатков бандформирований.

Завершил деятельность «каскадеров» на территории Афганистана спецотряд «Омега» (апрель 1983 года — апрель 1984 года) под руководством профессионала-разведчика, ответственного сотрудника ПГУ КГБ полковника Валентина Ивановича Кикотя.

Отряд «Омега» в составе 9 команд был в основном укомплектован сотрудниками ОУЦ КГБ («Вымпел»). При этом восемь команд предназначались для ведения советнической деятельности в провинциальных подразделениях афганских органов безопасности, а девятая команда — для проведения специальной операции по освобождению большой группы

советских военнослужащих, находящихся в плену у моджахедов. На переговорах лидеры афганской оппозиции дали согласие отпустить часть пленных, если СССР признает их военнопленными. Принятие этого предложения означало бы, что СССР официально ведет войну против Афганистана. Позиция Советского Союза в этом вопросе была однозначной — СССР ни с кем не воюет, а помогает народной власти бороться с бандитизмом.

В отличие от предыдущих отрядов, «Омега» предстояло сосредоточить свое основное внимание на завершении советской деятельности в подразделениях ХАД, а также выполнении отдельных заданий руководства ПГУ КГБ. В частности, сотрудниками «Омега» была проведена значительная работа по составлению подробной картотеки на бандформирования, на их главарей и пособников, места дислокации, связи с иностранными спецслужбами, вооружение. Эта оперативная информация оказала неоценимую помощь при планировании оперативно-боевых операций против моджахедов, позволила сберечь многие жизни — и советских солдат, и мирных афганцев.

На счету «Омеги» — 12 крупномасштабных и более 300 местных специальных операций во всех провинциях Афганистана; более полутора тысяч ценных разведывательных данных о важнейших объектах бандформирований; несколько десятков специальных мероприятий по нейтрализации главарей моджахедов и разложению формирований мятежников.

Завершить наше короткое повествование о боевых наследниках КУОС в Афганистане — «каскадерах» хотелось бы напоминанием о том, что в этой стране, помимо спецотрядов «Каскад» и «Омега», успешно действовали подразделения «Альфы», созданной летом 1974 года для борьбы с террористами, от участия ее в штурме дворца Амина до двухмесячных стажировок в Афганистане (с ноября 1982 года по март 1987 года).

За неполные 5 лет в этой стране побывал весь личный состав «Альфы», накопив при этом богатый оперативно-боевой опыт. Бойцы «Альфы» участвовали в оперативно-боевых

операциях — засадах, налетах, рейдах, не потеряв при этом ни одного человека.

Кроме того, уже после завершения оперативно-боевой деятельности в Афганистане команды спецотрядов «Каскад» и «Омега» и еще 94 сотрудника ОУЦ КГБ («Вымпел»), вплоть до 1987 года, помогали органам безопасности этой страны в становлении агентурно-оперативной работы во всех ее провинциях, а 61 сотрудник «Вымпела» прошел там оперативно-боевую стажировку.

Следует отметить, что наряду с сотрудниками спецназа большая работа была проделана и сотрудниками центрального и территориальных органов, которые осуществляли советническую деятельность в различных подразделениях афганской армии, а также в составе подразделений Советской Армии.

Показательна в этом плане жизнь и деятельность Васильева Виктора Петровича. Поначалу, казалось бы, обычная судьба псковского мальчишки, который окончил Ленинградское артиллерийское командное училище, затем Высшие курсы военной контрразведки в Новосибирске, а затем Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР. Прошел путь от оперуполномоченного до заместителя начальника отдела военной контрразведки. Еще во время службы в особом отделе КГБ СССР по Ленинградскому военному округу в мирное время был награжден боевым орденом за обеспечение сохранности государственных секретов.

А затем был Афганистан, который Васильев выбрал сам. «По собственному желанию» — в то время подобная формулировка стала неотъемлемой характеристикой всех настоящих офицеров и патриотов. Так Виктор Петрович оказался в Кандагаре, в должности начальника особого отдела контрразведки 70-й мотострелковой бригады. Он прошел афганскую эпопею до конца, видел смерть как ежедневную реальность. Его ратный подвиг и здесь был отмечен боевыми орденами.

По возвращении на родину, в 1992 году, под воздействием перемен в стране он ушел из контрразведки и начал работу в налоговой полиции. Сначала работал заместителем началь-

ника Управления ФСНП по Ленинградской области. Затем был направлен начальником управления ФСНП в г. Пензе. Еще через несколько лет его перевели в Москву на более напряженный участок — сначала в Главное организационно-инспекторское управление ФСНП России, а затем на должность начальника Московской налоговой полиции. В настоящее время судьба опять направила его на чрезвычайно сложный участок работы. Генерал-лейтенант Виктор Петрович Васильев является заместителем начальника ГУВД по г. Москве по экономической безопасности.

Следует признать, что жизненные и служебные вехи Виктора Петровича Васильева являются нормой для поколения чекистов того поколения.

Свидетельством того является жизнь и деятельность его товарища по оружию Михалкина Анатолия Ивановича, который, как и Виктор Петрович, родился в 1950 году, но не под Псковом, а в Гомеле, что в Белоруссии.

После средней школы поступил и окончил Ленинградское высшее военное командное училище. Затем Высшие курсы военной контрразведки в Новосибирске, где познакомился и подружился с Виктором Петровичем Васильевым. Кроме того, Анатолию Ивановичу довелось поучиться в Краснознаменном институте разведки, где приобрел знание языков пушту и дари. Уже впоследствии окончил аспирантуру ВКШ КГБ СССР.

Службу начинал в Ленинграде. После этого была Воркута, потом — Ташкент. С 1981 по 1985 год служил в Афганистане. С 1985 по 1987 год проходил обучение в Высшей Краснознаменной школе КГБ СССР. С 1987 по 1989 год вновь командировка в Афганистан, где в качестве военного советника оказывал помощь афганским спецслужбам. За время пребывания в стране Анатолий Иванович в совершенстве изучил обстановку в каждой провинции Афганистана, навыки и обычаи этого народа. Эти знания позволяли уверенно и успешно проводить самые сложные операции, за что был неоднократно награжден боевыми орденами и медалями.

По возвращении на Родину служил в разных подразделениях контрразведки. С 2002 года началась служба в налого-

вой полиции, где вновь встретился с Виктором Петровичем Васильевым.

До недавнего времени генерал-майор милиции Михалкин Анатолий Иванович являлся начальником Управления по налоговым преступлениям ГУВД по городу Москве.

Достойная судьба достойных людей, которые своим отношением к службе и людям заслужили и уважение и почет, и продвижение по службе. Так и хочется сказать, удачи вам и успехов в столь многотрудных делах.

А как же сложилась дальнейшая судьба КУОС после событий в Афганистане? Ответим и на этот вопрос, без чего, нам кажется, не может быть завершена книга о Григории Ивановиче Бояринове.

КУОС, потеряв своего руководителя, но сохранив костяк преподавателей и учебно-материальную базу, продолжил свое существование. Подразделение в течение непродолжительного времени возглавлял Э.Г.Козлов и заместитель Григория Ивановича, упоминавшийся уже в книге Петр Иванович Нищев. Это был подлинный новатор, умеющий сохранять и приумножать боевые традиции КУОС. Уже в январе 1980 года на КУОС началась большая работа по изучению и обобщению афганского опыта, включению его в учебный процесс. Были уточнены и развиты основные направления подготовки слушателей, улучшена система их первоначального становления в составе оперативно-боевого подразделения ПГУ КГБ. Это позволило в короткий срок поднять КУОС на новый уровень, создать предпосылки для создания в КГБ иных подразделений подобного типа.

К этому периоду относится плодотворная деятельность на КУОС полковника Леонида Михайловича Смоляра. Получив хорошую боевую закалку в Пограничных войсках, а затем в Московском высшем командном военном училище и одном из управлений КГБ СССР, он удачно сочетал в себе теоретика и практика. Он смело взялся за порученный участок работы, прошел полный курс подготовки по программе КУОС и вскоре стал заместителем начальника курсов. Будучи по характеру трудолюбивым и целеустремленным сотрудником,

Леонид Михайлович без отрыва от основной работы сумел разработать и защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Сейчас он возглавляет Фонд содействия ветеранам спецназа госбезопасности «КУОС-Вымпел» им. Г.И.Бояринова.

Завершить славную историю КУОС выпало на долю уже известного читателю Сергея Александровича Голова, который, приняв курсы от Петра Ивановича Нищева, еще десять лет, вплоть до 1992 года, успешно руководил ими, превратив их в одно из ведущих учебных подразделений органов безопасности по подготовке оперативных работников для действий в тылу противника.

В одном из своих интервью средствам массовой информации Сергей Александрович по этому поводу заявил, что после передачи КУОС Институту внешней разведки им. Ю.В.Андропова несколько поменялись и акценты в подготовке слушателей КУОС. Причиной этого, с одной стороны, явилась недостаточная учебно-материальная база для такого рода деятельности. С другой — некоторое ослабление внимания к оперативно-боевой составляющей при сохранении приоритетов за разведывательной и контрразведывательной подготовкой. По этому поводу в управлении кадров КГБ СССР состоялся не совсем лояльный обмен мнениями между заместителем начальника управления кадров КГБ генерал-майором Владимиром Николаевичем Андриановым и начальником управления «С» ПГУ генерал-майором Юрием Ивановичем Дроздовым. Первый настаивал на сохранении и развитии прежней программы, второй — на внесении в нее коррективов, согласно афганскому опыту. Третьим судьей тогда выступил начальник управления кадров КГБ генерал-лейтенант Василий Яковлевич Лежепек, который, помнится, сказал следующее:

— Мы не имеем права не учитывать новые реалии в подготовке кадров такого рода, но в то же время должны бережно сохранить то, что уже наработано и неплохо зарекомендовало себя на практике. Так что советую вам еще раз проработать этот вопрос и вернуться к нему через некоторое время.

После этого разговора компромисс был найден и КУОС еще десять лет успешно готовил специальные кадры для действий на территории, контролируемой противником, а его руководители и преподаватели с честью выполнили ряд заданий руководства страны и КГБ в таких странах, как Вьетнам, Никарагуа, Лаос, Мозамбик, Ангола, Куба.

Так готовился и действовал спецназ Комитета государственной безопасности, способный осуществлять оперативно-боевые операции в любой точке земного шара. Как точно отметил в одном из своих выступлений бывший начальник нелегальной разведки Юрий Иванович Дроздов: «Это была команда, которая не знала слова невозможно».

Курсы, созданные его первым руководителем Григорием Ивановичем Бояриновым, сыграли свою роль и дали мощный толчок в развитии отечественных сил специального назначения. Жаль только, что 14 октября 1992 года, на подъеме демократических преобразований в нашей стране, КУОС и ОУЦ («Вымпел») расформировали, а библиотеку, которую многие поколения разведчиков собирали по всему миру и дарили курсам, уничтожили по рекомендации «партнеров». «Холодная война», как в тот период представлялось, окончательно и бесповоротно канула в Лету, а геополитическая ситуация в мире коренным образом изменилась. СМИ настойчиво проводили мысль, что не стало не только реального, но и вероятного противника. Правда, как-то так получилось, что главные «демократы» на земле не только не сократили подобные специальные силы, но и продолжают их постоянно наращивать, причем в масштабах, о которых мы не могли и мечтать. Это американцы и их союзники по НАТО не ликвидировали ни одного своего подобного формирования. Они сохранили прежнюю структуру и продолжают готовить профессионалов — не только для собственных силовых структур, но и для других государств.

Обсуждая вопрос о ликвидации КУОСа, ветераны спецназа единодушны в своем мнении, что это было, как говорится, хуже, чем преступление — это было политической ошибкой. Да и ошибкой ли? Настолько целеустремленно и ретиво раз-

рушалась целостность государства и его структур, что невольно задаешься вопросом, а кому это было выгодно. Тогда многое становится понятным.

В стране, где так обильно лилась кровь слабо подготовленных мальчишек в, по сути дела, партизанской войне, объявленной националистами разных мастей, оказались никому не нужными специалисты высшей квалификации по ведению партизанской и контрпартизанской войн, которые свой патриотизм доказали своей кровью.

В недавно вышедшей в свет книге генерал-полковника Николая Михайловича Голушко есть цитата из интервью с Робертом Гейтсом — нынешним министром обороны США. В то время он был директором ЦРУ. На вопрос корреспондента, являются ли Яковлев и Горбачев агентами ЦРУ, он ответил: «Не являются, и это хорошо. Мы не смогли бы ими так успешно управлять». Что тут еще можно добавить! Страшно, наверное, даже не то, что нами руководила предательская верхушка, которая великую страну в ничтожный исторический момент превратила в униженную и оскорбленную, разделенную и доведенную до крайней степени нищеты. Такое и великим завоевателям не удавалось сделать на земле российской. Самое удивительное, что и после нескольких лет, прошедших с тех трагических событий, когда многим все стало ясно, мы с умилением смотрим на того же Горбачева, многократно награжденного американскими и немецкими орденами и медалями, и внимаем его речи о том, как нам надо жить дальше. Сами себя не уважаем, так кто же нас после этого будет уважать.

Ветераны считают, что придет время, и аналог КУОС будет обязательно создан. К сожалению, обстановка в мире не внушает оптимизма. Жаль только, что преимущество в истории подготовки спецназа России в очередной раз утеряна. Мы понимаем, что это не простой вопрос. Давайте не забывать то важное обстоятельство, что КУОС являлся подразделением союзного КГБ. Оперативно он подчинялся Первому Главному управлению, т.е. разведке. Ныне на дворе другая эпоха и СВР даже формально не является спецслуж-

бой. Центр специального назначения и региональный спецназ ФСБ нацелены на решение задач по борьбе с терроризмом внутри страны. Спрашивается: при ком тогда готовить кадры, способные решать задачи в тылу противника, и кто он, этот вероятный противник? На каких языках должны изъясняться потенциальные разведчики-диверсанты? Это вопросы не для обсуждения в средствах массовой информации. Вопросы не простые, но они все решаемые, была бы воля и политическая заинтересованность.

Нельзя не сказать в книге и еще об одном подразделении органов безопасности — отдельном учебном Центре (ОУЦ) КГБ СССР, с оригинальным наименованием «Вымпел». Его краткая история такова.

Еще в годы афганской войны у руководства ПГУ КГБ, в частности у начальника управления «С» генерал-майора Ю.И. Дроздова, родилась мысль создать для выполнения специальных задач за рубежом подразделения постоянной боевой готовности. Предложение авторитетного разведчика было поддержано руководством КГБ СССР, а также одобрено на закрытом заседании Совета Министров и Политбюро ЦК КПСС 19 июля 1981 года. Во всех документах это подразделение стало проходить как Отдельный учебный центр КГБ СССР (войсковая часть 35690).

Первым командиром нового подразделения был назначен уже известный читателю Герой Советского Союза капитан 1 ранга Эвальд Григорьевич Козлов. Его заместителем стал полковник Е.А.Савинцев, начальником штаба — подполковник Ф.А.Макиевский.

Именно Евгений Александрович Савинцев проделал огромную «черновую» работу по организационно-штатным, кадровым, финансовым, хозяйственным, боевым, оперативным и всяким другим вопросам при создании «Вымпела». Для этого Евгений Александрович обладал необходимыми знаниями и опытом. Судите сами, он родился в 1925 году, учился в Новосибирске, а когда окончил 8 классов, началась Великая Отечественная война. На комсомольском собрании было принято решение: «Каждому внести свой личный вклад

в оборону Родины и всем комсомольцам поступить работать на оборонные заводы». Так Евгений стал учеником слесаря, а затем слесарем-сборщиком 5-го разряда на комбинате по производству снарядов и патронов для фронта. На все его просьбы об отправке на фронт в военкомате говорили: рано, у тебя все еще впереди. Затем ему повезло: в 1942 году он поступил в 10-ю Ленинградскую специальную артиллерийскую школу. Вскоре школу перевели в маленький поселок Мундыбаш в Кемеровской области, где он и проучился до 1944 года. Но артиллеристом ему было не суждено стать. В 1945 году его направили в Московскую школу контрразведки СМЕРШ. А затем в Западной Украине борьба с бандформированиями украинских националистов. А затем работа в известном 4-м Управлении со знаменитым Павлом Анатольевичем Судоплатовым.

23 февраля 2000 года, в канун 75-летия, Президент России В.В.Путин вручил Евгению Александровичу орден Почета.

Интересен эпизод с выработкой условного наименования нового подразделения. Когда первого командира Эвальда Григорьевича Козлова об этом спросил Юрий Иванович Дроздов, тот, немного подумав, сказал:

— А что, Юрий Иванович, если мы назовем новое наше детище принятым у моряков обозначением корабля, как боевой единицы, — «Вымпел» — флаг, поднятый на мачте, с расцветкой по национальной принадлежности — это ли не вариант?

— В этом что-то есть, — заметил генерал.

Вскоре, после необходимых согласований, условное наименование было принято и ОУЦ, первоначальная численность которого составляла около тысячи человек, начал свою деятельность. В него зачисляли сотрудников органов безопасности и Пограничных войск в возрасте до 30 лет, с хорошими физическими данными, имеющих воинское звание от старшего лейтенанта до майора.

К преподавательской и инструкторской работе «Вымпела» привлекалась часть преподавателей КУОС и других подразделений органов безопасности. На долю «Вымпела» в

80-х годах прошлого столетия выпало оказание помощи ряду зарубежных стран в становлении у них собственных органов безопасности и борьбе с бандитскими формированиями.

Постепенно в практике «Вымпела», помимо разведывательных и диверсионных действий в тылу противника, стали просматриваться ростки антитеррористической и противодиверсионной деятельности. Апробация теоретических положений проходила в «Вымпеле» на многочисленных учениях, в которых он стал регулярно принимать участие с осени 1984 года (учения «Неман-85», «Янтарь-87», «Белоярск-88», «Чесма-89» и др.).

С 1988 по 1991 год подразделения «Вымпела» принимали активное участие в миротворческих операциях в «горячих точках» Советского Союза: Баку, Карабахе, Ереване, Нахичевани, Абхазии, Тбилиси и Молдавии.

Распад СССР тяжело ударил по «Вымпелу». После августовских событий 1991 года его передали в Межреспубликанскую службу безопасности, затем включили в состав Агентства федеральной безопасности России. 24 января 1992 года «Вымпел» вошел в состав Министерства безопасности на правах самостоятельного подразделения. Изменились и задачи, стоящие перед ним. Превалировать стала борьба с терроризмом. Началась вторая жизнь «Вымпела».

23 декабря 1993 года, после известной акции по силовому воздействию властей на Верховный Совет РСФСР, указом президента РФ «Вымпел» был переподчинен МВД и получил наименование «Вега». Реакция сотрудников «Вымпела» была предсказуемой. Многие из них подали рапорта об увольнении с военной службы или переводе в другие силовые структуры. Справедливости ради отметим, что «Вега» просуществовала недолго. Указом Президента РФ от 28 августа 1995 года она была передана из МВД в Управление специальных операций (УСО) ФСБ и подразделению вернули старое название «Вымпел».

«Вымпеловцы» участвовали в штурме Грозного в декабре 1994 года и в многочисленных операциях по ликвидации чеченских боевиков в последующие годы.

Противоречивые чувства участников чеченских кампаний хорошо выразил в своем стихотворении «Кавказский десант» талантливый поэт Анатолий Пшеничный.

*Снарядились, попрыгали —  
Не гремит, не звенит.  
Борт открытою книгою  
Устремился в зенит.  
Под пятнистыми касками  
Ни обид, ни досад,  
Снизу — горы кавказские,  
Сверху — русский десант.*

*Мы не рубим вопросами,  
Как штыками концы,  
На кого же нас бросили  
Командиры-отцы?  
В ледяной неизвестности  
Среди скрюченных трав  
Разберемся на местности —  
Кто не прав, а кто прав...*

*Приземлились, попрыгали —  
Не гремит, не звенит.  
Горы барсами выгнули  
Леденелый гранит.  
Не согреешься сказками  
Ни про ад, ни про сад,  
Сверху — горы кавказские,  
Снизу русский десант.*

*А в эфире — крошечные  
Перекаты страстей:  
Топоры энтэвэшные,  
Пулеметы «Вестей»,  
Мол, тупые и дерзкие,  
Мир засеем костьми.  
В грудь нам — пули чеченские,  
В спину — отчие СМИ.*

*Отдохнули, попрыгали —  
Не гремит, не звенит.  
Популистскими играми  
Каждый по уши сыт!  
Что приказы паскудные,  
Коль над нами, как рок,  
Не стропа парашютная —  
Кукловодный шнурок!*

*А в Рязани и Липецке —  
Новый год на порог...  
Вот куда бы нам выползти  
На часочек, браток!  
Погулять, чтобы вспенился  
Сладкий снег на губах!..  
Но с вершины прицелился  
В Иисуса Аллах!*

*И швырнула фугасы нам  
В ноги ночь на пути,  
Серпантинные трассеры  
И гранат конфетти!  
Мы вернемся, вы слышите,  
Если Бог нас простит,  
Кроме тех, для кого уже —  
Не гремит, не звенит.*

В ходе боевого становления «Вымпела» он постепенно превратился в основную силу органов безопасности по борьбе с терроризмом и в последующем занял свое место в боевом строю спецподразделений органов безопасности как управление «В» Центра специального назначения ФСБ Российской Федерации.

Из прочитанной книги читатель с полным основанием может сделать вполне определенный вывод, что традиции специальных подразделений органов безопасности, заложенные КУОС и его талантливым руководителем Григорием Ивановичем Бояриновым, живут и развиваются во имя безопасности и процветания нашего многострадального Отечества.

А как сложилась судьба куосовцев после смерти нашего героя? Она была разной. Одни ушли из жизни, другие продолжают трудиться на государственной службе и в ветеранских организациях.

Особо ощутимой была смерть солдата столетия Ильи Григорьевича Старинова. Человек удивительной судьбы, он в окружении своих близких товарищей и друзей 2 августа 2000 года отметил свой 100-летний юбилей. В этот момент как бы вновь предстала перед нами эта замечательная личность. Вспомнилось, как в период пребывания Ильи Григорьевича волонтером в Испании Франко и Муссолини объявили его своим личным врагом. Франко пообещал за голову Старинова 1 миллион песет. Сумма по тем временам огромная. Во время Великой Отечественной войны Гитлер объявил его своим врагом номер 1. По его указанию писались приказы и листовки, в которых указывалось, что «легкообнаруживаемые» мины устанавливались полковником Стариновым, в надежде, что сталинское окружение само его ликвидирует. Трудно даже понять как, несмотря на многочисленные опасности, ему удалось остаться в живых. При этом еще надо помнить непростой, бескомпромиссный характер Ильи Григорьевича, который мог и Л.М.Кагановичу, члену Политбюро ЦК ВКП(б), прямо в лицо заявить, что не хочет с ним работать из-за несогласия с постановкой дела в Министерстве путей сообщения.

Еще на 30-летию КУОС в 1999 году все присутствующие с большим энтузиазмом поддержали предложение в очередной раз выйти к руководству ФСБ и СВР с предложением о представлении И.Г.Старинова к званию Героя России. Жаль, что этого не произошло в дни празднования его 100-летнего юбилея.

Уникальный человек, который во благо Отчизны сотни раз рисковал жизнью и благодаря своему героизму, самоотверженности, недюжинным умственным способностям нанес такой ущерб противникам государства нашего, что не каждый видный военачальник мог похвастаться такими успехами, конечно же, был достоин этой награды. Однако своих героев Россия исстари почему-то оценивает в полной

мере только после смерти. Живые люди, с независимым характером и говорящие правду-матушку в глаза, независимо от должностей и рангов, нам не по душе. Получается, что правы те, кто утверждает, что талантливых людей в России не любят, а гениев ненавидят. Видимо, до тех пор, пока мы будем преклоняться перед ложными кумирами и ценностями, не будет жить российский народ единой семьей.

На своем 100-летиИ Илья Григорьевич, помнится, сказал, что еще в XIX веке знаменитый ученый-физик Паскаль утверждал: «Всего вреднее для человека состояние покоя, не нарушаемое ни страстями, ни делами, ни занятиями».

Он за свою долгую жизнь знал многих людей почтенного возраста, и все они были неутомимыми тружениками. Труд, осознаваемый как удовольствие, как радость, независимо от причиняемой им человеку усталости, но бодрящий и вдохновляющий, есть труд творческий. Дела, просветляющие наш ум, например, захватывающая работа, врачуют и наше тело, и нашу душу.

В дни празднования 100-летия Ильи Григорьевича друг одного из авторов книги Михаил Ядров совместно с Сергеем Гончаренко написал стихи, посвященные юбиляру.

*Илья Григорьевич, легендой  
При жизни стал Ваш ратный путь.  
И Голливуду кинолентой  
До Вашей выси достигнуть  
Удастся вряд ли... Нет флюидов  
Таких в нерусской стороне,  
Какими лишь Денис Давыдов  
Да Вы дышали на войне.  
От ПЭЭМЭС-1 (один) до славы,  
Которой ровни не найти,  
Вели защитника Державы  
Взрывоопасные пути.  
Не зря нагнали на Адольфа  
Вы страх, фон Брауна взорвав!  
Эх, знал бы он, что Вы — «Рудольфо»,  
Тот, что под Кордовою состав*

*Франкистский так взорвал в туннеле,  
Что, как ни жала их нужда,  
Но фалангисты не сумели  
На Пособланку поезда  
Неделю отправлять... Не зря же  
В мадридской повести своей  
Писал героя-персонажа,  
Рудольфо, с Вас Хемингуэй.  
Не зря за честь работать с Вами  
Считали маршалы... И Вы,  
Едва узнав о телеграмме,  
На фронт летели из Москвы.  
Да, «Мины ждут своего часа»,  
Пусть всякий ведает злодей,  
Что не уйти ему от аса,  
Справляющего юбилей.  
Сто лет — конечно, это — дата,  
Но это ж — первые сто лет!  
Живите долго и богато.  
Сто лет — конечно, это дата,  
Но все ж еще не возраст. Нет!*

Казалось бы, но 18 ноября 2000 года на 101-м году перестало биться сердце пламенного патриота России, воина-интернационалиста, партизана-разведчика, профессора Ильи Григорьевича Старинова.

Прощанье с подлинным героем Отечества проходило в Академии ФСБ России при стечении большого количества его соратников, учеников, сотрудников специальных служб, ветеранов войны и военной службы.

Пресса, радио и телевидение в своих информационных сообщениях воздали должное его памяти. Похоронили Илью Григорьевича со всеми почестями 22 ноября 2000 года на Троекуровском кладбище.

Во время траурного митинга один из авторов этой книги сказал прощальную речь, а ветеран органов госбезопасности Генрих Анатольевич Лаврухин прочитал написанный им реквием в честь Ильи Григорьевича:

*Прощай, могучий Человек!  
Прямой, надежный, гордый, смелый.  
Таких рождает бранный век  
Для ратного, святого дела!*

*Гигантом жил среди светил,  
И побеждал в неравных схватках.  
Всю жизнь России посвятил,  
Отдал до капли, без остатка.*

*Он знал, что нужно защищать  
Все, что построено с любовью.  
Учил, как надо воевать,  
Чтоб обходиться малой кровью.*

*«Свои» он мины создавал,  
Спасая жизнью миллионы.  
И против Франко воевал,  
И рвал франкистов эшелоны.*

*Когда фашистский штаб взорвал  
И уничтожил генералов,  
Сам Гитлер траур объявлял:  
«Поймать и расстрелять!» — орал он.*

*Он партизанил для страны,  
Прошел все трудности и беды.  
Стал богом «рельсовой войны»,  
И приближал к нам День Победы.*

*Чинов при жизни не искал,  
Не ждал похвал и громкой славы,  
Не за награды воевал,  
А за величие Державы!*

*Прощай, могучий Человек!  
Товарищ и великий воин!  
Прожил по чести целый век,  
Ушел с достоинством Героя!*

Нет уже больше с нами боевых соратников Григория Ивановича — Владимира Николаевича Андрианова, Бориса Федоровича Баранова, Федора Степановича Быстрякова, Бориса Ионовича Васюкова, Виктора Федоровича Карпухина, Альберта Сергеевича Евглевского, Александра Ивановича Лазаренко, Петра Ивановича Нищева, Михаила Алексеевича Пантелеева, Бориса Ивановича Пономарева, Владимира Михайловича Санькова и многих других. Мы помним и чтим их.

На сегодняшний день все еще здравствуют многие ветераны КУОС и по мере сил помогают нынешнему поколению чекистов лучше понять и осознать величие российского народа и одного из его авангардов — органов безопасности в борьбе за честь и независимость своей Родины, обильно политой кровью своих лучших сынов и дочерей.

По-прежнему, с еще сохранившимся боевым задором и энергией трудятся на своих почетных постах в ветеранских организациях Юрий Иванович Дроздов, Леонид Михайлович Смоляр, Виталий Степанович Белюженко, Яков Федорович Семенов, Сергей Семенович Шестов, Александр Титович Голубев, Борис Андреевич Плешкунов, Сергей Александрович Голов, Павел Павлович Бузин.

Много работают с чекистской молодежью и ветераны КУОС Александр Александрович Арфанов, Харитон Игнатьевич Болотов, Алексей Николаевич Ботян, Анатолий Алексеевич Набоков, Александр Афанасьевич Говоров, Николай Николаевич Кекшоев, Лев Иванович Корольков, Александр Иванович Долматов, Василий Степанович Глотов, Николай Александрович Зубков, Василий Антонович Набекало, Александр Александрович Потанин, Евгений Иванович Обойшев и ряд других ветеранов.

Стараются донести до молодежи в своих книгах боевые подвиги старшего поколения чекистов авторы данного труда, ветераны органов безопасности Анатолий Исаакович Цветков и Владимир Иванович Суродин. Они считают, что новые произведения о боевых традициях КУОС, «каскадеров» и «вымпеловцев» тоже ждут своего часа и явятся очередным

свидетельством величия духа российского человека, которому, как говорят в народе, Богом завещано оберегать труд и покой родной земли.

Стало благородной традицией в органах внешней разведки и безопасности ежегодно отдавать дань памяти Григория Ивановича Бояринова. 27 декабря, в день его смерти, вот уже 30 лет ветераны, преподаватели и воспитанники КУОС, не сговариваясь, встречаются на Кузьминском кладбище в Москве у могилы Григория Ивановича. Обязательно приходят сюда и два его сына — Игорь и Андрей с внуком Григорием.

Наш ветеран Борис Павлович Кашицин написал замечательное стихотворение, посвященное памяти Григория Ивановича, которое Анатолий Алексеевич Набоков прочитал на одной из годовщин его памяти у могилы героя.

*Возле старой могилы стоит ветеран,  
Чуть согнувшись от ран и недуга,  
И, роняя слезу, поднимает стакан  
За погибшего, верного друга.*

*Вновь и вновь возвращаются годы назад,  
Снова в памяти эта картина,  
Когда Грisha Бояринов свой спецотряд  
Вел на штурм цитадели Амина.*

*Уложил всех на землю кинжальный огонь,  
Смерть в потемках искала солдата,  
Тут услышали голос: «Ребята, за мной,  
Помирать нам еще рановато!»*

*Подняла командирская воля ребят,  
Вдохновила единым порывом,  
Под свинцовым дождем, под разрывы гранат  
В бой пошли за своим командиром.*

*Не за Родину-Мать, не за блеск орденов  
Погибали герои России,  
Не любили пустых и напыщенных слов,  
А вот честь берегли и ценили.*

*Для кого-то герои давно в забвении,  
Над Кремлем не приспущены флаги,  
Государство забыло, но только не те,  
Кто участвовал в этой атаке.*

*И приходят друзья, вспоминая Афган,  
На могилу солдата-героя  
И, не пряча слезу, поднимают стакан  
За того, кто их вывел из боя.*

Память о нашем боевом товарище, талантливом руководителе КУОС, герою нашего времени жива в делах и памяти ветеранов и чекистов нынешнего поколения.

16 мая 2000 года наконец-то претворилась в жизнь идея, о которой много говорилось на встречах ветеранов: был создан Фонд содействия ветеранам спецназа госбезопасности «КУОС-Вымпел» имени Героя Советского Союза Г.И.Бояринова.

Президентом фонда на учредительном собрании единодушно избрали Петра Ивановича Нищева, на КУОС прошедшего все ступени, от слушателя до начальника подразделения и чрезвычайно много сделавшего для создания этого фонда.

Основной целью создания фонда является всестороннее содействие консолидации ветеранов Специальных курсов органов госбезопасности в интересах их социальной поддержки и участия в активной трудовой и общественной жизни. Наряду с этим создатели фонда понимали, что сам факт существования фонда с именем Григория Ивановича Бояринова служит делу увековечивания памяти человека, который всей своей яркой жизнью и смертью доказал, что заслуживает права остаться в памяти людской.

Задачи, стоящие перед фондом, непросты, но благородны: оказание социальной, образовательной, информационной, материальной и иной помощи участникам фонда и тем, кто с ним сотрудничает.

Фондом проводится большая работа по патриотическому воспитанию молодежи. На постоянной основе поддерживает-

ся связь с оркестром русских народных инструментов средней школы № 15 поселка Мундыбаш Кемеровской области, с ребятами из военно-патриотического Центра «Вымпел», который возглавляет куусовец Святослав Омельченко. Регулярно проводятся встречи с учениками Московской, Калужской и Тульской областей. В октябре 2009 года в средней школе Смоленской области, где учился Григорий Иванович, при скоплении большого количества народа была открыта памятная доска Г.И.Бояринову.

Здесь же со 2 по 8 января 2010 года ребята из этого Центра под руководством Святослава Омельченко проводили военно-исторический лагерь, посвященный памяти Григория Ивановича Бояринова.

Все в этом лагере было необычным для сельских жителей. Камуфляжная форма. Васильковые береты Президентского полка. Утренняя зарядка на 20-градусном морозе. Ежедневный подъем и спуск флагов. Гимн России, по утрам и вечерам исполняемый курсантами.

Отряд «Зенит», в белых маскхалатах, с автоматами в руках, готовится к операции «Шторм-334». Курсанты, как и бывает перед боевой операцией, волнуются.

А курсантам — по 12–17 лет. Кто эти маленькие солдаты? И почему они оказались здесь?

...Есть на земле люди, которые и после смерти остаются живыми, — это те, кто навсегда остается жить в памяти своего народа. Таким был Григорий Иванович Бояринов.

Вот почему именно в Сукромле, на малой родине героя, и был проведен военно-патриотический лагерь «Зенит», посвященный памяти Г.И.Бояринова. Курсанты жили в сельской школе, в которой когда-то учился будущий Герой Советского Союза.

Кто собрал на героической Смоленской земле этот детский спецназ?

После Октябрьских событий 1993 года Ельцин распустил лучший в мире спецназ — элитную спецгруппу «Вымпел».

Профессионалы высочайшего класса, на многолетнюю подготовку которых Советская страна не жалела ни денег, ни

сил, оказались выброшенными из колеи жизни. Это была трагедия. Не только национального масштаба: Россия лишилась самых подготовленных, самых достойных своих защитников и патриотов.

Это была и личная трагедия каждого из них. Служение своей стране — вот главное дело их жизни. И вдруг не стало ни любимой страны, ни любимого дела...

Перед каждым из них стоял мучительный вопрос: как жить дальше?

По-разному сложились судьбы воинского братства после катастрофы, каждый выбрал свою дорогу. Кто-то ушел в коммерческие структуры, а кто-то сломался, не найдя выхода из тупика жизни.

К великому счастью, нашлись и такие, кто избрал для себя самый достойный путь — путь к детям. Именно в них, в детях, — наша надежда и наша вера. Надо жить ради будущего Родины, надо по-прежнему служить своему народу.

У истоков детского патриотического движения стояли ветераны «Вымпела» — Святослав Дмитриевич Омельченко, Анатолий Александрович Колесников, Андрей Андреевич Вержбицкий. Им активно помогали представители «старой гвардии» — ветераны КУОСА: А.Н.Ботян, С.А.Голов, А.А.Набоков, М.Л.Оканов и другие. Регулярную поддержку в работе оказывают сотрудники Центра специального назначения, Федеральной Службы охраны, Президентского полка и других действующих подразделений ФСБ РФ.

Главным идеологом Межрегиональной комплексной Программы патриотического воспитания молодежи «Честь имею!» является Юрий Иванович Дроздов, в свое время создавший Группу специального назначения КГБ СССР «Вымпел».

По сути, это детский спецназ. Занятия в лагерях ВПЦ проводятся по тем же методикам, но адаптированным к подросткам 12–17 лет. Курсанты изучают историю спецназа и называют свои отряды гордыми именами — «Вымпел», «Альфа», «Бастион», «Кремлевский курсант», «Зенит», «Каскад», «Гром». В каждом лагере обязательно проводится

специальный комплекс тренировочных упражнений, занятия ведут ветераны и действующие сотрудники Спецназа. Вот уже 15 лет ветераны «Вымпела» проводят серьезную работу по патриотическому воспитанию молодежи. За эти годы было организовано свыше 70 лагерей и экспедиций в разных регионах России: от Карелии до Байкала и от Белого до Черного моря. Везде, где ВПЦ «Вымпел» проводил свои лагеря и экспедиции, остаются горячие сторонники, желающие продолжить начатое дело.

Ежегодно в июне месяце в Балашихе, на стрельбище Президентского полка, проводится лагерь «Честь имею!».

Этим гордым именем — «Честь имею!» — названа и Межрегиональная комплексная программа патриотического воспитания молодежи ВПЦ «Вымпел».

Пять тысяч мальчишек и девчонок прошли школу мужества в таких лагерях. И многие из них делом и даже жизнью своей доказали верность нашим идеалам и нашему девизу — «Честь имею!»

В февраля 2010 года бывшему курсанту ВПЦ «Вымпел» Алексею Ситникову присвоено звание Героя России. Посмертно. Он погиб в бою осенью 2009 года в Дагестане, при исполнении служебного долга. Алеша Ситников был сыном офицера «Вымпела».

С детских лет его отличала от сверстников необычайная тяга к военной службе, какое-то особое чувство ответственности за любое порученное дело, обостренное чувство любви к Родине.

Руководство ВПЦ «Вымпел» приняло решение: увековечить имя Героя России, навечно вписав его в отряд «Вымпел».

Глядя на современную молодежь, невольно задаешься вопросом: что можно ожидать от этих молодых людей, замороченных компьютером, одурманенных наркотиками, зомбированных телевидением? Что ожидает нашу Родину в будущем?

Коллектив ВПЦ «Вымпел» делает все для того, чтобы подростки, прошедшие лагерь «Честь имею!», выросли настоящими патриотами, стали славой и гордостью России.

Судьба Алексея Ситникова наглядно свидетельствует: есть в России связь поколений! От героев былых времен — к героям нашего времени, от Григория Бояринова — к Алексею Ситникову.

Значит, есть у России будущее! А это — самое главное.

Ф.Р.Макаров  
**Если завтра — война...**

*Если завтра — война...  
Кто пойдет воевать?  
Кто во имя России  
Жизнь способен отдать?*

*И найдутся ль такие,  
Как Гастелло, Матросов,  
Кто, себя не жалея,  
На огонь сердце бросит?*

*Я смотрю на курсантов,  
На родные их лица.  
Твердо верю: мы можем  
На них положиться.*

*Знаю: нет, не напрасно  
В лагерях «Честь имею!»  
И в жару, и в ненастье  
Бьемся мы за идею.*

*Все мы родом — из «Вымпела».  
Любим Родину нашу.  
Значит, будет Россия  
И сильнее, и краше!*

Дай-то Бог, чтобы это святое дело не заглохло и помогло людям жить достойно. Людям, которые всей своей жизнью, кровью своей неоднократно доказали, что заслуживают того. Известно, что многие фонды, создаваемые с самыми благородными целями, зачастую оказывались кормушкой или

местом отмывания грязных денег. Не повторится ли эта грустная история и с этим фондом?

Полагаем, что в данном случае это исключено хотя бы уже потому, что за всю историю с момента создания КУОС не было замечено ни одного случая предательства или связи его преподавателей и выпускников с каким-либо криминалом, не говоря уж о сотрудничестве с этими структурами.

Моральная чистоплотность, глубокий патриотизм в сочетании с боевым братством и настоящей мужской дружбой всегда были отличительной чертой этой команды. Нам представляется, что это является залогом благородной деятельности этой структуры. Прошедшие с момента создания фонда 10 лет свидетельствуют, что это не простые слова. Надеемся, что на трудном и тернистом пути фонду будет сопутствовать удача и ему встретятся на пути добрые, умные, щедрые люди и организации, которые подставят свое плечо и помогут в трудную минуту, но и сами смогут рассчитывать на поддержку, поверьте нам, замечательных людей — элиту спецназа.

К числу наиболее важного сотрудничества руководство фонда относит сотрудничество с Советами ветеранов Службы внешней разведки и ФСБ России.

Ветеранам спецназа особенно приятно, что Председателем Совета ветеранов СВР РФ является выпускник Спецкурсов 1968 года генерал-лейтенант Александр Титович Голубев, авторитет у которого в этой среде безусловный. Достаточно сказать, что это он плечом к плечу с Григорием Ивановичем шел на штурм дворца Тадж-Бек. В среде ветеранов и действующих сотрудников спецслужб он — «визитная карточка». Достаточно сказать Титыч, и все знают, о ком идет разговор.

Руководство фонда «КУОС-Вымпел» учитывает авторитет одного из патриархов спецназа, осуществляющего большую работу в общественных объединениях ветеранов России, СНГ и зарубежных стран и старается по мере возможности быть полезным в его делах, в свою очередь, опираясь на его поддержку и опыт.

Наряду с этим, сотрудники фонда поддерживают дружеские и партнерские отношения с братскими организациями и

благодарны им за моральную и иную поддержку деятельности фонда. К ним относятся:

— Региональная общественная организация ветеранов групп специального назначения органов госбезопасности «Вымпел» во главе с Эдуардом Витальевичем Бендерским и Валерием Александровичем Кругловым;

— Союз ветеранов госбезопасности во главе с Валентином Федоровичем Тимофеевым;

— Некоммерческое партнерство «Международная Лига ветеранов военной службы и правоохранительных органов» во главе со Виталием Александровичем Скрыбиным, Сергеем Ивановичем Терентьевым и Вячеславом Федоровичем Ширяевым;

— Общероссийский фонд ветеранов и сотрудников подразделений специального назначения и спецслужб «Вымпел-Гарант» во главе с Валерием Юрьевичем Киселевым;

— Фонд содружества ветеранов и сотрудников спецслужб «Вымпел» во главе с Евгением Германовичем Блиновым;

— Группа компаний «Грант-Вымпел» во главе с Валерием Владимировичем Поповым;

— Некоммерческое партнерство «КУОС-спецназ» во главе с Сергеем Александровичем Головым.

В первые месяцы после создания фонда одним из авторов повествования были предложены в качестве девиза фонда слова, принадлежащие Н.В.Гоголю: «Нет уз святее товарищества». Этот девиз прижился в фонде, и вот уже 10 лет члены фонда убеждены, что эти слова наиболее точно отражают суть отношений, существующих у сотрудников спецназа.

По инициативе Петра Ивановича Нищева была выпущена медаль им. Г.И.Бояринова, которая была вручена многим сотрудникам спецназа, а также особо почетным сотрудникам правоохранительных органов.

Когда Петра Ивановича Нищева не стало, президентом Фонда избрали Леонида Михайловича Смоляра, уважаемого в спецназовской среде человека, прошедшего на КУОСе все ступени до заместителя начальников курса. Леонид Михайлович с присущей ему энергией включился в работу Фонда.

Ему не надо было тратить время на то, чтобы вникнуть в курс дел в Фонде. Он дружно работал с Петром Ивановичем Нищевым и поэтому прекрасно был осведомлен о всех направлениях деятельности Фонда.

В работе Фонда ему оказывают серьезную помощь куосовцы разных поколений. В этой связи необходимо отметить вице-президента Фонда Василия Антоновича Набекало. Он родился в 1953 году в деревне на берегу Горного Тикича. Окончил Уманский сельскохозяйственный институт им. А.М.Горького. Затем два года проходил действительную военную службу в Группе Советских войск в Германии. Вскоре после службы поступил в Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР им. Ф.Э.Дзержинского. По окончании был направлен для прохождения дальнейшей службы на Украину. Получил хороший опыт работы на самых разных направлениях контрразведывательной деятельности. В 1985 году был направлен на обучение на КУОС, по окончании которого Василию Антоновичу довелось поработать в разных регионах Советского Союза.

После увольнения в запас, с легкой руки Петра Ивановича Нищева, приступил к работе в Фонде. С первых дней появления Василия Антоновича в Фонде все его приняли тепло и по-братски. И он в полной мере отплатил за такое отношение своим активным трудом во благо всего коллектива.

Несмотря на свой «солидный возраст» и чрезвычайную занятость, активное участие в работе Фонда осуществляет президент Международной академии интеграции науки и бизнеса генерал-полковник Яков Захарович Месенжник.

Трудно себе представить деятельность Фонда и без таких известных в спецназовской среде лиц, как Анатолий Алексеевич Набоков, Николай Николаевич Кекшоев, Сергей Анатольевич Кузнецов и Юрий Александрович Плаксин.

Кстати, на одном из мероприятий Фонда, посвященном 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, активный член Фонда и известный «каскадер» Юрий Александрович Плаксин рассказал интересную историю про Григория Ивановича Бояринова, в которой соединились воедино события времен Великой Отечественной и афганской войн.

Услышать эту историю Юрию Александровичу Плаксину привелось в 1980 году, в Афганистане, в горной провинции Чак-Вардак, находящейся примерно на полпути от Кабула к Газни. Именно туда, в Чак-Вардак, со специальным заданием руководства была направлена группа офицеров команды «Урал», кабульской группировки отряда специального назначения КГБ СССР «Каскад».

Возглавлял эту группу командир отряда «Урал», преподаватель КУОСа Анатолий Алексеевич Набоков, легко сменивший учебную аудиторию на боевую обстановку. Его заместителем по «К» (контрразведывательная работа) был, ныне уже покойный, Федор Фомич Ерохов. Другим заместителем командира по «Д» (диверсии) в этой операции являлся Федор Прокопьевич Коробейников. Группа состояла из сотрудников штаба и двух оперативно-боевых отделений, командирами которых были: Ю.В.Мельник, С.В.Меняйло. Ю.А.Плаксин являлся заместителем командира по политической части.

Это было первое задание, первый выезд на боевую операцию офицеров «Каскада». И вообще все здесь было впервые и внове: решение задач, не имевших прецедента, минированные дороги и боевые действия, афганцы, у которых по календарю, да и по цивилизационным меркам, шел XV век. С ними, и со спецконтингентом из их числа, приходилось работать, общаться, решать бесконечные вопросы через переводчика и жестами, учиться и учить, причем все — прямо на ходу. Наконец, впервые пришлось организовывать собственное жилье и быт в условиях чужих, да еще и «стреляющих» гор.

В состав кабульской группировки вошел практически весь выпуск слушателей КУОС 1980 года, что само по себе было явлением уникальным: едва закончив обучение — в командировку. «Куосовцы-80» были усилены выпускниками Курсов предыдущих лет, главным образом, замечательными бойцами «Зенита», имевшими к тому времени значительный оперативный, боевой и, что немаловажно, житейский опыт пребывания в мусульманской стране.

Естественно, что молодые «куосовцы» старались прислушиваться, перенимать опыт старших, живо интересовались

всем тем, что уже было в оперативном багаже у этих людей, прошедших горнило боевых чекистских операций, знавших толк в штурме дворцов. Тем не менее, общение всегда велось на равных, как и должно быть в кругу друзей и единомышленников.

Одним из таких старших товарищей в группе был замечательный парень — Вячеслав Дмитриевич Платонов, или «Цыган», согласно приставшей к нему шутливой кличке, которую «каскадеры» приравняли к оперативному псевдониму. Этимология этой странной клички, которой «наградили» коренного новгородского парня, достаточно проста: у Славы были черные вьющиеся волосы, которые, будучи не расчесанными (а иного, собственно, никогда и не видели), создавали полную иллюзию того, что перед тобой типичный представитель цыганского табора.

Выпускник КУОС 1977 года, «зенитовец», балагур и весельчак, никогда не унывающий человек, неистощимый на всевозможные выдумки, шутки, проделки — вот, если коротко, что можно сказать о нашем «Цыгане». Светлая ему память!

Нередко, когда было время, между «кусовцами» разных поколений заходили и разговоры по душам. Так и случилось однажды, когда выполнив отдельное поручение нашего командира, мы присели с Вячеславом на развалины старинного замка, где вся группа и «квартировала» под открытым небом. Разговорились.

И вот здесь Вячеслав и поведал мне историю об одной необычной встрече, свидетелем которой он стал на одном из выездных занятий. По программе этого вида занятий, весь учебный курс выезжал на одно из крупных промышленных предприятий Москвы или Подмосковья, для отработки специальных практических навыков, скажем так, непосвященному человеку непонятных. Такое или аналогичное занятие бывало ежегодно, в программе подготовки каждого курса. Казалось, ничего необычного не предвещало и это занятие. Но то, что произошло именно в 1977 году, для всех, ставших свидетелями этого, стало откровением, зарубкой в памяти.

В этот год, по предварительной договоренности, для проведения занятия было избрано замечательное отечественное предприятие, гордость советской металлургии — завод «Электросталь», располагавшийся в одноименном подмосковном городе. Предварительные переговоры о массовом визите «кусовцев» провели на предприятии преподаватели профильной кафедры В.П.Рябов и Б.А.Плешкунов. Была назначена дата и время выезда курса.

Начальник КУОС Григорий Иванович Бояринов первоначально не планировал выезд в г. Электросталь, имелись другие дела. Однако именно в день выезда, в силу ряда обстоятельств, его планы изменились и буквально в последнюю минуту он решил присоединиться к слушателям. Почему так произошло? Возможно даже, что Григорий Иванович необъяснимо почувствовал приближение знакового события — той самой встречи. Такое бывает. Так это или иначе, к сожалению, уже навсегда останется без ответа.

А произошло в Электростали, со слов Вячеслава, следующее.

Офицеры КУОС организовано, в назначенное время и в полном составе прибыли на предприятие. Их радушно встретили и предложили пройти в актовЫй зал СПЦ-4 (сталеплавильный цех). Это был один из крупнейших цехов завода, но главное заключалось в том, что там осуществлялась уникальная вакуумно-индукционная плавка металла по методу, изобретенному своими же, заводскими учеными-практиками. В результате инноваций экономика и оборона Советского Союза получали очень нужную сталь для «особо важных изделий».

В предварительном плане нам предстояло встретиться с начальником СПЦ-4, который, как и положено вежливому хозяину, изъявил желание выступить перед слушателями со вступительным словом.

Преподаватели и слушатели с пониманием отнеслись к пятиминутному опозданию начальника цеха, люди заняты серьезным делом — плавят металл. Да какой!

И вот в зал вошел седовласый, подтянутый, заметно прихрамывающий человек. Он подошел к столу президиума,

приветливо окинул взором присутствующих в зале людей и приготовился было начать свое выступление. Однако в следующее мгновение произошло нечто неожиданное. В тишине зала раздался взволнованный возглас, почти вскрик Григория Ивановича: «Володя, ты?!» В зале повисла тишина. Какое-то мгновение изумленный начальник цеха напряженно всматривался в лицо, направившегося к нему Григория Ивановича, после чего вскрикнул, в свою очередь: «Гриша!» Еще через мгновение оба мужчины уже заключили друг друга в крепкие объятия, глаза обоих заблестели. В зале, к тишине добавились изрядное изумление и смущение.

Вот так, на глазах слушателей КУОС произошло на первый взгляд обыденное событие. Спустя ровно 35 (!) лет, совершенно случайно, встретились два друга, два фронтовика, боевые пути-дороги которых война развела зимой 1942 года. Они узнали друг друга мгновенно. Их крепкие мужские объятия не оставили ни малейших сомнений в том, что их фронтовая дружба жива и они по-прежнему верны ей.

Однако не столько это, безусловно, замечательное обстоятельство стало главным в этой истории. Как выяснилось впоследствии, этой встрече предшествовал полный драматизма, заставляющий серьезно задуматься именно сегодня эпизод Великой Отечественной войны, участниками которого и стали нашедшие друг друга фронтовики. Этот эпизод, пожалуй, как никакой другой, лучше всего характеризует и людей того времени, их дела и поступки, а также нравственные ориентиры, которыми они руководствовались в своей жизни в то время.

Из последующего рассказа Вячеслава удалось узнать и об этом, предшествовавшем встрече эпизоде времен Великой Отечественной войны.

Оказалось, что Григорий Иванович и Владимир Сергеевич Лактионов (так звали начальника цеха) с первых дней войны были на фронте, где и познакомились. Знакомство впоследствии переросло в боевую дружбу. А воевать им пришлось в ту пору на Северо-Западном фронте, причем не в частях регулярной Красной Армии, а в составе специальных подразделений войск НКВД СССР.

В задачу отряда спецназначения, дислоцировавшегося под Вышним Волочком (ныне Тверская область), где служили друзья, входила организация бесперебойной связи и оказания специальной оперативной поддержки партизанским соединениям, действовавшим западнее Новгорода (ныне — Великого Новгорода). Г.И.Бояринов в то время являлся начальником штаба отряда, а В.С.Лактионов — командиром одного из взводов.

Не думали друзья, что в зиму 1942/43 года им придется решать не только боевую, но трудную нравственную задачу, которую поставит перед ними война.

Предстоял очередной рейд, и начальник штаба Бояринов отдал приказание командиру взвода Лактионову, накануне операции, провести рекогносцировку местности (в том числе и с целью выявления минных полей), а также отработать пути проникновения за линию фронта к условленному месту встречи с партизанами и маршруты возвращения на базу. Задача хотя и вспомогательная, но значение ее жизненно важно, впрочем, как и все на войне. Комвзвода выполнил поставленную задачу, о чем и доложил начальнику штаба: маршруты продвижения отработаны, препятствий нет!

Рейдовую группу сформировал и повел сам Г.И.Бояринов, выставив в ее авангарде, для обеспечения продвижения основной группы, опытного «взводного», надежного бойца и своего друга В.С.Лактионова.

Поначалу все шло нормально. Однако когда группа достигла линии развертывания немецких частей, произошло из ряда вон выходящее: передовым дозором, на отработанном маршруте движения, было обнаружено... минное поле.

К сожалению, это был просчет В.С.Лактионова. Минное ограждение не могло быть возведено в считанные часы между рекогносцировкой местности, проведенной им же, и выдвиганием основной группы. Видимо, Владимир Сергеевич где-то ошибся в плане местности, возможно, свою роль сыграл обходной маневр, совершенный группой, дабы избежать боестолкновения с оказавшимися на пути гитлеровцами.

Что делать? Совещание было коротким. Время, отпущенное на проведение операции, не позволяло тратить время на разговоры и рассуждения. За линией фронта, в условленном месте и в условное время будут, рискуя жизнью, ждать партизаны. И в этих условиях В.С.Лактионов, не колеблясь, принимает мужественное решение — лично провести группу через минное поле, пройдя по нему первым, т.е. фактически выполнить задание ценой собственной жизни!

Как командир Григорий Иванович воспринял это решение с пониманием. Однако одобрить его, будучи другом Владимира Сергеевича, стало для него тяжелым нравственным испытанием. Пусть каждый подумает, как он бы поступил на месте Г.И.Бояринова, чему бы отдал приоритет: дружбе или долгу?

Григорий Иванович принял правильное решение, он выбрал долг. Ради святого долга перед Родиной он пошлет друга на смерть. Это решение стало для него самого хуже собственной казни, о чем он впоследствии честно говорил.

И тогда еще совсем молодой, двадцатилетний Володя Лактионов без страха и сомнений шагнул на минное поле, торя путь своим товарищам, в любую секунду ожидая страшного удара, после которого уже только черная бездна и холод небытия.

За ним, след в след, продвигалась вся группа, которой еще предстояло идти за линию фронта. И, кажется, судьба была благосклонна к герою. Он дошел практически до конца смертельного пространства, но тут буквально на последнем метре поля, раздался взрыв!

Противопехотная мина оторвала Владимиру Сергеевичу всю ступню. Он был без сознания, потеря крови росла с каждой минутой. Но он выполнил приказ, а вместе с этим исполнил и свой долг перед Родиной, подтвердив, что честь офицера и гражданина для него является высшей ценностью.

Что творилось на душе Григория Ивановича, знает только он сам. Он перевязал страшную рану, выделил двух бойцов для транспортировки раненого на «большую землю», после чего группа продолжила движение вперед.

Владимиру Сергеевичу Лактионову повезло остаться в живых. Здорово повезло! Большой удачей стало то, что он с оказией достаточно быстро попал в госпиталь. Там ему и спасли жизнь, но не разорванную ногу.

После тех событий их пути практически разошлись. Владимир Сергеевич стал пожизненным инвалидом и был, как говорится, «комиссован в чистую». Григорий Иванович продолжил свой боевой путь, провоевав до последних дней войны.

И вот спустя 35 лет они снова вместе. Они смотрят друг другу в глаза, с трудом сдерживают слезы, вспоминают все до мельчайших подробностей, не боясь этих воспоминаний, говорят о своей дружбе, поднимают фронтовые «сто грамм» за погибших, заслуженно гордятся тем, что в трудный для Отчизны час честно выполнили перед нею свой сыновний долг. С тех пор друзья уже не расставались.

Вячеслав закончил свой рассказ. И мы еще не знали, что буквально завтра произойдет нападение душманов и нам предстоит принять первый бой «Каскада», в котором мы не посрамили высокой чести называться учениками Г.И.Бояринова. Но это уже другая тема.

Владимир Сергеевич Лактионов ушел от нас в 2007 году. Ему еще довелось склонить голову над могилой Григория Ивановича на Кузьминском кладбище. Ему еще довелось узнать многое из того, что ранее было закрытым, и немало подивиться поразительному жизненному пути своего друга, его уникальной боевой биографии.

Сравнительно недавно нам удалось узнать и о том, насколько необыкновенно и поучительно для многих сложилась жизнь самого В.С.Лактионова, этого, без доли сомнения, удивительного человека, когда-то без колебаний шагнувшего на минное поле.

Оказавшись безногим инвалидом в 20 лет, в голодной, полуразрушенной послевоенной стране, впору было отчаяться, покатиться вниз, как это бывало с некоторыми. Но это был человек, характер которого был крепче стали.

Владимир Сергеевич начал работать и учиться, решив посвятить себя очень нужной стране отрасли экономики —

металлургии. Окончил МИСиС (Московский институт стали и сплавов), став при этом не просто хорошим производителем, но и новатором своего дела, т.е. ученым на производстве. А это вдвойне тяжелее. Втройне — для инвалида!

За годы безупречного труда В.С.Лактионов стал заслуженным металлургом РСФСР, кандидатом технических наук, автором более 60 (!) изобретений в области вакуумной плавки, в создании на этой основе новых невиданных сплавов. Плоды замечательного труда сделали его лауреатом многих премий, в том числе Государственной (бывшей Сталинской) премии 1974 года, кавалером высокой государственной награды — ордена Октябрьской Революции.

Им и его товарищами был создан знаменитый СПЦ-4, цех индукционно-вакуумной плавки, который он возглавлял ровно 20 лет, с 1964 по 1984 год. Именно как флагман завода, как масштабное и суперсовременное производство цех и привлек внимание преподавателей КУОС для проведения там учебного занятия.

Какие удивительные люди! Какие прекрасные судьбы!

Замечательная традиция сложилась у ветеранов КУОС — регулярно, через каждые 5 лет, отмечать очередной юбилей курсов. На эти праздники со всего бывшего Советского Союза съезжаются выпускники КУОС, чтобы повидать своих боевых друзей-однополчан, вспомнить былое, поделиться мыслями о настоящем и будущем.

В памятный праздник превратилось 40-летие КУОС, которое состоялось в Москве 19 марта 2009 года. На него съехались более 400 человек из самых отдаленных уголков России и ближнего зарубежья.

Много труда и старания в подготовку праздника вложили его организаторы — фонд «КУОС-Вымпел» им. Г.И.Бояринова во главе с Леонидом Михайловичем Смоляром и Некоммерческое партнерство «КУОС-Спецназ» во главе с Сергеем Александровичем Головым. К юбилею были изготовлены памятные знаки, буклеты, календари, грамоты. «Каскадер» Юрий Александрович Плаксин подготовил содержательный видеофильм об истории КУОСа.

Празднование состоялось в Культурном центре Военного университета Министерства обороны, в присутствии ветеранов КУОС и многочисленных гостей. Ему предшествовало посещение ветеранами своей альма-матер в Подмосковье и могилы отца КУОС — Героя Советского Союза Г.И.Бояринова.

Ведение вечера было поручено одному из авторов этой книги, выпускнику КУОС, ветерану разведки и контрразведки, Председателю Попечительского Совета фонда «КУОС-Вымпел» В.И.Суродину. После вступительного слова с приветствиями в адрес ветеранов выступили бывшие куосовцы и «каскадеры» из Москвы, Санкт-Петербурга, Украины, Беларуси, Казахстана, Узбекистана. Все они с большой теплотой вспоминали время учебы на курсах, крепкую мужскую дружбу, боевые будни. Красной нитью через все выступления прошла мысль о нерушимом чувстве боевого товарищества, дружбы, постоянного стремления ветеранов крепить единство народов, некогда представлявших могучую державу — Советский Союз.

Присутствующими было тепло встречено выступление легендарного командира «Альфы» генерал-лейтенанта Геннадия Николаевича Зайцева. Как известно, в наиболее сложных ситуациях спецгруппы «Альфа» и «Вымпел» всегда действовали вместе, поэтому и отношения между сотрудниками этих подразделений по-настоящему братские.

Ветераны спецназа сердечно восприняли обращение к коллегам генерал-полковника Николая Михайловича Голушко. По его утверждению, в современное нелегкое время, пожалуй, только чекистам-куосовцам удастся собрать ветеранов, боевых друзей со всех братских республик Советского Союза, хотя Союза уже и нет. Он обратил особое внимание на интернациональность состава выпускников курсов, большинство которых организовалось из оперативного состава интернациональных органов нашей огромной страны.

У него в этой среде особый авторитет, который он заслужил благодаря своему отношению к деятельности спецназа и присущему ему человеческому отношению к оперативному составу. Что и неудивительно, мы ведь с ним, убеждены спец-

назовцы, одной крови. Он вырос в бедной сельской семье с украинскими корнями в Казахстане, куда его предков занесло во времена Столыпинской реформы. Окончив среднюю школу, поехал в Россию поступать в ближайший от Казахстана вуз в студенческом городе Томске.

Окончив юридический факультет Томского государственного университета в 1959 году, работал в прокуратуре города Кемерово, а с третьего захода стал рядовым оперативным уполномоченным Управления КГБ по Кемеровской области в звании младшего лейтенанта. В 1974–1987 годах Николай Михайлович работал в Центральном аппарате КГБ СССР, прошел путь от начальника отделения до заместителя начальника 5-го Управления КГБ СССР, организуя работу по борьбе с национализмом, пресечению акций экстремизма, терроризма на националистической основе.

В период горбачевской перестройки Н.М.Голушко был назначен председателем КГБ УССР, проработав в Киеве около 5 лет до распада Советского Союза. По возвращении в Москву ему в качестве министра государственной безопасности России, а затем директора ФСК (Федеральная служба контрразведки) пришлось вместе с нами пережить самый сложный период в истории современной России. Приверженность закону, честность и глубокая внутренняя порядочность не позволили ему пойти на компромисс с Б.Ельциным, и он вынужден был уйти со «службы государевой». Но и сегодня Николай Михайлович ведет активный образ жизни, участвует в деятельности различных общественных организаций, в том числе в фонде «КУОС-Вымпел» им. Героя Советского Союза Г.И.Бояринова. В октябре 2009 года вышла в свет книга Николая Михайловича «В спецслужбах трех государств». Этот объемный труд под 900 страниц наверняка по достоинству будет отмечен не только сотрудниками спецслужб, но и политиками, и рядовыми читателями на постсоветском пространстве. В Украине издан его двухтомник «КГБ Украины. Последний председатель». В этих книгах описаны многие чрезвычайно сложные и неоднозначные события последних лет глазами человека, который был

народным депутатом СССР, занимал высокие должности и знал об этих событиях и их закулисной стороне не понаслышке. Человек, который в самые сложные дни в истории суверенных государств — Украины и России — работал с чувством честного и ответственного выполнения своих служебных обязанностей. На это не многие политики последнего времени были способны, и это, безусловно, заслуживает глубокого уважения. Об этом и говорили спецназовцы с Николаем Михайловичем. Особенно активны в этом плане были его сослуживцы — «хлопцы» с Украины. На них никто не обижался. Если только немного завидовали, что им повезло работать с таким человеком.

На юбилее состоялось традиционное награждение ветеранов медалью Г.И.Бояринова, что для каждого спецназовца является предметом особой гордости, а также другими орденами и медалями.

Ветераны надолго запомнили выступление перед ними юных друзей спецназовцев под руководством кусовца Святослава Омельченко, которые в своих песнях, стихах и танцах славил боевые подвиги героев старшего поколения.

Торжественный вечер закончился пением его участниками Гимна КУОС, слова которого написал выпускник Высшей школы КГБ СССР, кусовец и «каскадер» Олег Рахт, а музыку — воспитанник КУОСа и «каскадер» Александр Малашенков. Интересный факт, автор слов песни Олег Рахт говорит, что в свое время в Афганистане написал эти стихи в качестве шутки, чтобы поднять настроение ребятам, а песня прижилась в среде кусовцев и обязательно исполняется на встречах ветеранов специальных подразделений органов безопасности.

*Бой затих у взорванного моста,  
ГСН растаяла во мгле.  
Зам по «Д», не терпящий удобства,  
Умирает на сырой земле.*

*Жаркая, нерусская погода  
Застывает на его губах.*

*Звезды неродного небосвода  
Угасают в голубых глазах.*

*Умирает он, не веря в сказки,  
Сжав в руках разбитый пулемет.  
И к нему в набедренной повязке  
Вражеский наемник подойдет.*

*Подойдет, посмотрит, удивится,  
Вскинет пистолет, прищурив глаз.  
Скажет, много съел я бледнолицых,  
Русских буду кушать в первый раз.*

*А в России зацвела гречиха,  
Там не бродит дикий папуас.  
Есть в России город Балашиха,  
Есть там ресторанчик «Бычий глаз».*

*По субботам и по воскресеньям  
Люди в ресторан идут гурьбой,  
Среди них идут, держа равненье,  
Парни с удивительной судьбой.*

*Узнают их по короткой стрижке,  
По беретам типа «балахон»,  
Их в округе местные мальчишки  
Называют «дяденька-шпион».*

*Если где-то гром далекий грянет,  
В неизвестность улетят они.  
Пусть им вечным памятником станет  
Проходная возле «ДорНИИ».*

Символично, что последний куплет гимна КУОС выбит на памятнике, установленном 18 августа 2001 года на подмосковном объекте «Балашиха» в день 20-й годовщины со дня создания спецформирования «Вымпел». Это уже история. Надо полагать, навека символизирующая место и роль спецназа госбезопасности в деле защиты своего Отечества — России.

Нас обгонят годы  
Возрастом детей,  
Ради их свободы  
Жесткость наших дней...  
Ирина Чудновская

P.S.

*Слово — сыновьям Григория Ивановича.*

*Наше повествование о герое книги мы хотели бы закончить теплым воспоминанием о нем сыновей Григория Ивановича — Игоря и Андрея.*

*Эти искренние строки двух братьев, сотрудников органов безопасности, которые с честью продолжили жизненный подвиг своего отца, дополняют портрет Григория Ивановича интересными деталями, делают его еще ближе, по нашему мнению, сердцу уважаемого читателя.*

*Сыновья Игорь Григорьевич и Андрей Григорьевич с огромным желанием рассказывают о своем отце за рамками официальной биографии. Память удерживает детали, эпизоды из разных периодов, и все они кажутся нам очень важными для увековечивания его образа.*

Мы с братом выросли в семье двух любящих людей, создавших семью в суровые военные годы в 1943 году и пронесших глубочайшее взаимное уважение, настоящее и постоянное участие каждого из них в судьбе и делах другого через все тернии и трудности.

Только смерть отца по невероятно трагическому совпадению, как это, как мы теперь понимаем, случается в жизни, именно в день рождения нашей мамы — Валентины Сергеевны — 27 декабря 1979 года, смогла разлучить их.

В тот день мы отмечали ее день рождения все вместе, рядом не было только папы, он внезапно улетел 24 декабря в Афганистан. Ни у кого из нас не было предчувствия, что надвигается роковое событие. Только теперь мы понимаем, что оно, видимо, было у него... Понимаем по мелким деталям: по тональности фраз, по казавшимся нелепыми совпадениям, по его собранности и чрезвычайной серьезности накануне отъезда.

В день, когда новость о гибели отца, пройдя сложное движение по средствам спецсвязи и коридорам секретности, дошла до нашей мамы, ее жизнь остановилась... Она навсегда перестала быть позитивно настроенным на жизнь человеком, всегда заражавшим всех нас опти-

мизмом и дававшим каждому ощущение поддержки и заботы. Она была не только верной спутницей нашего папы, она была его частью. Именно она не просто обеспечивала ему тыл все эти годы, а во многом была его движущей силой, которая помогала, поддерживала, была и опорой, и источником его жизненного вдохновения.

Она вспоминала его молодым, двадцатилетним, полным энергии и злого военного куража. В кожаном пальто, с бельгийским маузером в кобуре на боку, в лихо сдвинутой фуражке с очками на околышке, гонявшим на мотоцикле. Не боявшимся ни бога, ни черта. Явно еще совсем юного, но уже выдавшего виды, подтверждением чему — орден Красного Знамени и нашивки о ранениях. Она подтрунивала над ним, так как формально была уже старше его по званию. Она — капитан медицинской службы, он — старший лейтенант. Она была старше и по возрасту и поначалу не воспринимала его ухаживания серьезно. Но потом разглядела, угадала его доброту, надежность, полюбила и приняла его целиком, какой есть — на всю жизнь! Первое свидетельство об их браке, выписанное командиром прямо в части, скромный праздник под Вышним Волочком объединили этих красивых и внешне, и внутренне людей. И они всегда были вместе — два года войны, потом по пограничным заставам, общежитиям и коммуналкам, везде и всегда..

Она ненавязчиво направляла его, помогала его профессиональному становлению, стремлению к знаниям.

Уже в 1944 году родился их первенец — Игорь. Лишь ненадолго она уезжает в Яранск, где родилась и выросла, откуда уехала в Свердловск, где перед войной окончила медицинский институт. Она прошла свою дорогу войны, она тоже видела реки крови, будучи врачом. У нее в первые месяцы войны погиб брат. Но она была полна оптимизма, создавала атмосферу, в которой он развивался, ставил высокие цели и добивался их.

Еще одна их совместная черта — там, в Яранске, она встретила младшую сестру, которую война застала в Ленинграде и которой повезло выжить во время блокады до эвакуации. И как только они немного обустроились в Таллине, сразу же вызвали ее, взяли под свою опеку, помогли, поставили на ноги...

Андрей появился на свет позже — в сентябре 1956 года уже в Москве, в обстановке сравнительного благополучия. Мама решила родить второго сына в 38 лет, заплатив за это изрядной долей здоровья. До 1966 года жили в доме — многосемейном общежитии, комната с перегородкой и прихожей, общая кухня на весь громадный

коридор, только холодная вода, общий туалет в конце коридора, куда тогда еще маленькому Андрею еще надо было успеть добраться. Папа, мама, два сына, бабушка — мамина мама — Мелания Ивановна. Но они были позитивны и счастливы.

Мы — дети счастливых родителей. Как раз в эти годы отец окончил институт МГБ, работал в Высшей школе, а мама успела еще поработать районным терапевтом.

Как они все успевали? Где черпали силы? А их хватало и на самореализацию на работе, и на семью, и на близких. У нас всегда гостили и братья отца, и мамыны сестры, и их дети. Для всех у этих людей — наших родителей — хватало времени и доброты.

Детей своих воспитывали оба, стараясь привить сознательность и самостоятельность. Отец хоть и был очень занят, но всегда находил время и для детей.

В легкой, игровой манере Андрей был обучен самостоятельно просыпаться в заказанное вечером время, самостоятельно и быстро одеваться, иначе рисковал быть «обскаканным на кривой козе». И гордо каждое утро с ним за руку шагал сначала до метро Автозаводская, затем до Маяковки, а там обязательно по Тверской пешком почти к Белорусской до детсада, учась читать вывески. Видимо, поэтому быстро научился читать и испытывал трудности только с чтением названия гостиницы Пекин по-китайски, эта шутка до Андрея доходила медленно, но со временем он с ней разобрался.

Очень Андрею нравилось, как папа вечером разворачивал на полу карту мира, задавал ему пункты отправления и прибытия, и он путешествовал то из Рио в Хабаровск, то еще куда-нибудь. По дороге должен был рассказывать, что проезжает, что видит, или слушал рассказы об этом. Поэтому потом в школе никогда не было проблем с географией, а папа, кстати, почти не смотрел на карту, но по пути просил найти какие-то населенные пункты, название которых называл сам — у него-то была феноменальная память и карту мира он помнил досконально. Как-то потом, в 1970-х годах, мы присутствовали на его встрече с выпускниками КУОС, которые ждали нас в Новгороде, куда мы ехали на машине, но потерялись — отец устроил им сюрприз, заночевав с нами в палатке по дороге. Утром, когда мы «нашлись», у них возник спор о названиях населенных пунктов в округе. Принесли карту, и Григорий Иванович по памяти на трехверстке называл названия деревень, поселков, рек — его память хранила эти названия и нюансы до мелочей со времен войны — именно в этих районах ему

довелось воевать и местность он знал удивительно подробно. Спорить было бесполезно.

Все мы регулярно получали от него подарки, как правило, после его командировок, он никогда не дарил ничего дежурного, всегда что-то нужное, причем никогда предварительно не расспрашивал, что привезти, он просто фатально был внимателен и чуток, понимал и следил за успехами и неудачами своих детей. Делал это всегда тонко и ненавязчиво.

Первый полезный подарок Андрею — необыкновенные лыжи, на которых уже вечером он был отправлен на олимпиаду в Сквовелли. Часто ходили на лыжах вместе с ним. Обычно мы ехали на трамвае в Зюзино, там стартовали и шли в одном направлении, пока у маленького Андрея были силы. Игорь был уже постарше и этих проблем не испытывал. Если силы заканчивались, то из рюкзака появлялись термос с чаем, бутерброды. Подкормив сыновей, он брал Андрея на буксир — веревку надевал на плечи, а сынишка держался за палку-поперечину на другом ее конце, и какое-то время транспортировал, пока он опять не хотел идти самостоятельно.

Все эти примеры для нас лишь доказательство того, что отец обладал удивительным талантом воспитателя. Занимался этим с изобретательностью, продумывая свои «приемчики», четко заставляя добиваться заданных, пусть и не очевидных сразу ориентиров.

Особо о книгах — он сам любил читать, читал много и всю жизнь собирал свою библиотеку. Очень многие книги из его личного собрания, как мы теперь понимаем, были посвящены профессиональной деятельности, партизанским формированиям, воспоминаниям военачальников, партизанских командиров — в этих вопросах эрудиция его также была поразительной.

С нами же дело обстояло так, что в определенном возрасте мы обязательно находили книги, представлявшие для нас интерес, снова как бы невзначай, но очень целенаправленно. Так через детство Андрея прошел целый цикл книг об авиаконструкторах от простых — детских — до более серьезных, поэтому и намного позднее его поступление в МВТУ уже не было случайным.

Такая же история и с игрушками — папа удивительно чувствовал мальчишескую душу — с игрушками-то в те времена было не идеально, но для игр в войнушку у нас появились вырезанные им самим из дерева и карабин с затвором-шпингалетом, и шмайссер, и маузер. Причем делалось это все у нас на глазах, и в итоге мы получали и игрушки, и наглядные уроки по столярному делу.

Теперь, уже с позиций своих лет, мы очень хорошо понимаем, насколько цельной личностью был наш отец — Григорий Иванович. Он очень чутко и внимательно относился к близким, друзьям и, конечно, был наделен талантом воспитателя.

Отдельная тема — воспоминания о войне. День Победы всегда стоял особняком и почитался им и по его примеру нами особо. Каждый год он обязательно стоя встречал минуту молчания. О военных эпизодах рассказывал скупое, неохотно и редко.

Однако среди его друзей-фронтовиков выделялся, часто бывал у нас его командир из спецотряда НКВД — Шалва Ясонович Чедия, живший после войны в Риге.

Был жив до гибели отца и еще один их боевой соратник — Виктор Шумский, после войны художник.

Оба они участвовали в похоронах отца в 1979 году и были на поминках.

Из их рассказов и воспоминаний следовало, что Григорий Иванович попал в специальный отряд НКВД, подчинявшийся командованию фронта, в конце 1942 года после излечения от тяжелого ранения. Причем заметил и нашел его именно Шалва в школе снайперов, где отец проходил службу после госпиталя. Чедия — чекист с довоенным стажем, утверждавший советскую власть еще в Грузии в 1920-е годы, и именно он подбирал кадры для этого подразделения, которое, по всей видимости, на Северо-Западном фронте входило в структуру судоплатовского 4-го управления. Базировался отряд в районе Вышнего Волочка, и целью его деятельности было проведение операций за линией фронта и поддержка партизанского движения. Именно в этом отряде отец продолжил службу сначала в качестве командира взвода, а затем начальника штаба. Именно к этому периоду относится описанный в книге эпизод с В.С.Лактионовым, который был командиром взвода. Фронт в этих местах стоял долго, местность труднопроходимая, лесистая, очень заболоченная, поэтому кое-где не было сплошной линии фронта. Это обстоятельство и использовалось отрядом для проникновения в тыл противника, чтобы терзать части, обеспечивавшие блокаду Ленинграда. У нас долгое время хранилась, а затем, к сожалению, была потеряна в музее Высшей школы статья военного времени, в которой описывались обстоятельства ночного рейда этого отряда в тыл к фашистам, в ходе которого был разгромлен штаб итальянской дивизии, поддерживавшей блокаду Ленинграда. Причем отрядом в этом рейде, по причине серьезной болезни Чедия, на тот

момент командовал Григорий Иванович. Возможно, что и эпизод с Лактионовым относится к этому рейду. В статье говорилось, что в результате внезапной ночной атаки штаб дивизии был разгромлен, события в масштабах фронта было громким, не зря этому была посвящена отдельная статья.

Упоминались в рассказах Чедия и другие боевые эпизоды из этого периода. Например, был рассказ о том, как Григорий Иванович ходил за линию фронта, чтобы вывести с оккупированной территории советского аса — летчика, якобы Героя Советского Союза, задачу он также выполнил успешно.

Мы хорошо помним рассказ отца об освобождении в одном из рейдов лагеря советских военнопленных, когда их отряд уничтожил охрану и освободил пленных, но люди были настолько истощены и содержались в таких условиях, что рейдовая группа не смогла ни забрать, ни уговорить их покинуть лагерь. Отец покидал его тогда с чувством бессилия от невозможности помочь этим пленным, и это был один из немногих рассказов о страшной правде той войны. Именно этот период стал для отца источником основного реального боевого опыта по партизанским действиям в тылу противника. Кстати, дело в отряде велось и ставилось профессионально и серьезно. Среди приданных отряду работал разведчик-нелегал, проводивший разведку под прикрытием немецкого офицера, им был тот самый упомянутый ранее Виктор, свободно владевший немецким языком и имевший аристократическую внешность. По рассказам отца, судьба его командира была нелегкой: Чедия чудом избежал репрессий после ареста Берии, но из органов был уволен.

Из ярких боевых эпизодов, рассказанных нам, запомнился случай, когда в одном из боев отец оказался с немцем на расстоянии нескольких метров, а вооружен был автоматом ПППШ, но когда спрыгивал в окоп, случайно задел за что-то собачкой крепления магазина. Оказался с немцем с глазу на глаз без патронов и видел, как тот уже поднимает автомат. Спас ординарец, выстреливший так, что пуля пролетела рядом с ухом отца и даже контузила его, но попала в немца. Через несколько дней этот ординарец сам погиб.

Поэтому отец не скрывал слез в День Победы, уж очень дорогой ценой она досталась, и он очень хорошо отдавал себе отчет о той грани, которая отделяет жизнь от смерти на войне.

Его глобальный вывод из личного опыта заключался в том, что защищать Родину надо уметь профессионально. Поэтому всю

последующую жизнь, а особенно будучи начальником КУОС, он отдавал себя этому делу целиком, без остатка, не терпел компромиссов и не пропускал даже мелочей. Эти требования в боевой обстановке, как показали события 27 декабря, он предъявлял к подчиненным и к себе в полной мере.

Начальник КУОС, 57-летний полковник Бояринов шел в рядах штурмующих дворец Тадж-Бек рядовым, среди других гораздо более молодых бойцов групп «Зенит» и «Гром», потому что только он обладал реальным боевым опытом, потому что в бой шли его ученики, потому что он знал, что задача очень трудная и потери будут, потому что, будучи человеком чести и совести, прошедшим войну, он не мог быть ни в каком другом месте, только в самом пекле, когда речь шла о деле всей жизни.

Рассказывая об отце, не можем обойти вниманием и его близких, непрофессиональных друзей.

Конечно, большая часть близких друзей отца были в разные периоды связаны с ним профессиональными интересами, что вполне понятно, но был целый ряд других, двоих из которых мы не можем не упомянуть.

Один из них — его земляк Федор Павлович Чуенков, для отца — Федя, для нас дядя Федя. Он из Сукромли. Несколько лет назад мы заезжали к нему и к его жене — тете Наде.

Их дружба началась в 1930-х годах в деревне. Дядя Федя вспоминал, что именно он провожал семью отца при переезде на Украину. Выехали рано, сложив скарб на телеги. Гриша и Федя шли пешком следом за ними. Шли долго, настроение было тягостное. И отец сказал: «Федя, иди, далеко уже от дома...» Обнялись. Федя остановился, но не пошел в деревню сразу, а еще долго смотрел вслед. Местность на Смоленщине холмистая — все горки да перекаты. Стоял и видел: один перекат, другой, на третьей горке отец, видимо, чувствуя взгляд друга, обернулся и помахал рукой, помахал и Федя в ответ. Потом война, дороги их разошлись.

Встретились уже в Москве. Отец — полковник, а Федя — пилот первого класса — полярный летчик, уже облетавший и Северный, и Южный полюса.

Дружили всей душой, виделись, когда позволяло время, один служил, другой летал. Но если встречались, был праздник. Из детства вспоминаем один из приездов дяди Феди, когда привезенную им диковинную рыбу ели всем коридором. Подпитывали друг друга

от смоленских корней, обязательно пели «Голубку» — любимую песню Григория Ивановича. Уважали и гордились друг другом. Земляки-односельчане.

Второй — Владимир Сергеевич Левицкий, для нас — дядя Володя, мамин двоюродный брат. Из того, что подталкивает память — сидим во Внуково с отцом и дядей Володи в ресторане в 1968 году, они заказали цыпленка табака и, будучи оба людьми с живым и изрядным чувством юмора, потешаются над Андреем — где ж, мол, табак-то? У дяди Володи к этому моменту за плечами война в Корее и куртка в подарок от самого Мао. Тогда он был майором... Провожаем его в Чехословакию.

Чувствовалось, что наш отец постарше, прислушивается к нему дядя Володя. Дружили крепко семьями, праздники отмечали вместе, всегда готовы были помочь друг другу, не мелочно, по мужски. В 1979 году уже генерал-лейтенант авиации Левицкий провожал друга в последний путь. Это его стараниями из-за треклятущей секретности место для могилы отца нашлось на центральной аллее Кузьминского кладбища, где ежегодно полковник Бояринов, ушедший в вечность всем примером своей жизни и ее ценой, собирает друзей, учеников, последователей. Вот уже 30 лет. А в памяти стоят два жизнерадостных русских мужика, служивших Родине не за страх, а за совесть. Обаятельных, простых в общении, умевших и подшутить к месту, и поддержать друг друга, и искренне порадоваться успехам другого.

Еще несколько деталей к портрету Григория Ивановича.

С братьями связи никогда не терял, был в курсе происходящего, как у него водилось. Судьба у обоих своя, непростая. Володя осел в Мелитополе, работал там на ЗАЗе.

Отца, как старшего, всегда сильно уважал и гордился. Виделись ежегодно.

Наша бабушка жила неподалеку в селе Кирпичное. Как ни старались братья, не удалось забрать ее к кому-нибудь — ведь в возрасте. Приедет, погостит недельку, то у Гриши, то у Володи, то у Миши, да и скажет: «Не сердчай, мол, домой мне пора, хозяйство у меня там...». Так при Григории Ивановиче, так и после его гибели — до 95 лет, и все сама. Такой характер. На похоронах только у гроба, прощаясь, поплакала, а так и сама не рыдала, и на других цыкала. Гордая.

Миша — средний, тот младше, на войну не попал. Хоть после училища начинал служить в танковых войсках. Тоже характерный —

жена была на сохранении, проблемы в больнице, а его не пускают из части — ушел самовольно. Разбирательство, комиссовали. Начал все сначала, закончил институт, химико-технологический, на Украине, уже не в студенческом возрасте, жили трудно с ребенком. Денег в обрез, но брату не жаловался. Начал работать на химкомбинате в Сумах, стал начальником цеха. Вроде дела пошли, а тут пожар в цехе, а он, мол, не обеспечил, виноват, открыли дело. А тут Григорий Иванович в отпуск едет, заехал в гости. Посидели вечером, поговорили — Миша брату о беде ни слова и жене запретил.

Утром Миша рано на работу ушел, а Григорий Иванович встал, пришел к тете Гале, жене брата, на кухню и говорит: «Что-то, Галя, у вас тут не то, давай колись». Та поотнекивалась, так ведь не отстанет, ну и рассказала, что за беда. Оделся Григорий Иванович, сказал: «Пойду погуляю», да и вышел. К вечеру вернулся и говорит: «Не волнуйся, все разрешилось». Она ему: «А как же ты прошел-то, комбинат-то закрытый?» А он в ответ только рассмеялся: «У меня вездеход». И добавил: «Мишке ни слова». На следующий день тепло с братом попрощался, да и поехал в Ялту. Через неделю официально уведомили, что дело в отношении Миши закрыто. Вот такие они были братья. Светлая память и одному, и другому. Михаил Иванович стал главным инженером в Сумах, а затем во Владимирской области уже как главный инженер с нуля создал химкомбинат союзного значения, за что получил Государственную премию. Не хотел отставать от брата.

Не можем не упомянуть о таких человеческих качествах Григория Ивановича, как простота и скромность. Круг его общения далеко не ограничивался близкими родственниками. Будучи человеком чутким, он охотно откликался на проблемы и просьбы дальней родни, других людей.

Никогда не обижал никого высокомерием, если мог помочь, помогал от души и чистого сердца. Постоянно на праздники своим аккуратным каллиграфическим почерком писал множество поздравительных открыток, обязательно добавляя от себя что-то очень искреннее и содержательное.

Про наше житие до 1966 года мы писали. В 1966 году квартиру дали маме — она уже работала заместителем заведующей районного здравоотдела Пролетарского района в Москве, одного из центральных и крупных по числу медицинских учреждений. В этой трехкомнатной, но небольшой квартире мы и жили все вместе. Здесь появилась на свет и внучка Григория Ивановича — Валерия, которую дедушка обожал с особым упоением. Впоследствии

Игорь получил квартиру и они переехали. Андрей с семьей остался жить с родителями.

Каждый рабочий день начальника КУОС начинался так рано, что Андрей, уже будучи студентом и отправляясь на учебу к первой паре, очень редко заставал его дома. К этому времени он уже шагал пешком со своим плоскостопием от Симоновского вала, где мы жили, до шоссе Энтузиастов у заставы Ильича, откуда отправлялся автобус. Так происходило всегда, если не было срочных дел. Если были, тогда его забирала машина — полугрузовой ГАЗ-69 с одним мягким пассажирским сиденьем, помимо водительского. Она же обычно привозила его вечером. И так до 1978 года, когда уже ему полковнику на 40-м календарном году службы, дали квартиру в Новых Черемушках.

Жизни и подвигу Григория Ивановича уже давно дана и официальная, и человеческая оценка. Официальная — Указом о присвоении ему звания Героя Советского Союза (посмертно) и обращением к нашей семье тогда еще Председателя КГБ Ю.В. Андропова. А человеческая — той памятью о нем, которая уже 30 лет приводит к нему на могилу людей, свято хранящих ее. Очень отраднo, что постоянно проводятся посвященные его памяти мероприятия, в том числе — турнир по единоборствам на его Родине в Смоленске, что его имя объединяет там уже не только сотрудников фондов и энтузиастов, но просто его земляков.

Григорий Иванович Бояринов прожил жизнь так, что оставил яркий след, расширив круг своих сыновей до Большой Семьи, и отдал ее в бою, выполняя профессиональный долг и следуя до конца своим принципам и по чести, и по совести, заслужив бесмертие.

## Оглавление

<i>Предисловие</i> .....	4
Глава I. Мужание .....	8
Глава II. С марша — в бой .....	18
Глава III. Атака продолжается .....	23
Глава IV. Сражение за знания .....	46
Глава V. Наступление на науку .....	49
Глава VI. КУОС — судьба моя .....	59
Глава VII. Последняя атака .....	166
<i>Эпилог</i> .....	183

**Цветков Анатолий Исаакович,  
Суродин Владимир Иванович**

**ВСЯ ЖИЗНЬ — АТАКА**

Корректурa — *А.В.Панюгина*  
Верстка — *Л.В.Листвин*

ОАО «Издательский дом «Красная звезда»  
123007 Москва, Хорошевское шоссе, 38  
Тел.: (495) 941-26-66, 941-36-46

Подписано в печать 30.03.10 г.  
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBookAC.  
Усл. печ. л. 15,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 80.